

**Философская жизнь Урала.
Проблемы общей и
социальной онтологии.**

Екатеринбург 1999г.

Российское философское общество
Межвузовский центр проблем непрерывного
гуманитарного образования при Уральском
государственном университете
им. А.М.Горького
Уральская ассоциация высшего гуманитарного
образования и социально-политического
образования
Уральский государственный технический
университет

ФИЛОСОФСКАЯ ЖИЗНЬ УРАЛА

Проблемы общей и социальной онтологии
Альманах

Научный редактор - проф. В.И.Кашперский

Екатеринбург
1999

ББК 87.3 (2Р36)
Ф33

Печатается по решению Межвузовского центра проблем
непрерывного гуманитарного образования
ISBN 5-230-06559-1

Представлены избранные статьи уральских авторов,
ведущих онтологические исследования. Преимущественное
внимание уделено проблемам диалектической концепции
развития и материалистического понимания общественной
жизни.

Для философов, обществоведов, культурологов.

The Philosophers of the Urals Region. The Problems of the
General Ontology and of the Social Ontology

The almanac consists of a selected articles of the Urals authors
whose field of research is ontology. Dialectical theory of
development and a materialistic understanding of history are in
a focus of attention.

Редактор - составитель

проф. И.Я.Лойфман

ISBN 5-230-06559-1

© Уральский государственный
технический университет, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальность онтологии. Предисловие научного редактора	6
Ласточкин А.В. Субстратный подход в диалектической концепции развития (Пермь)	10
Санникова О.В. Факторы целостности взаимодействия (Ижевск)	19
Мячин Ю.Н. Структурная целостность развития (Оренбург)	34
Корюкин В.И. Генезис уровней развития. (Екатеринбург)	37
Кудряшев А.Ф. Бесконечность в себе (Уфа)	47
Кашперский В.И. Проблема функционального бытия в философии и науке (Екатеринбург)	53
Лойфман И.Я. Основополагающие определения сущего (Екатеринбург)	81
Стадник В.П. Понятие фундаментального научного подхода как форма познания единства предметного мира (Каменск-Уральский)	86
Нуриев Д.А. Мировоззренческие основания познавательной деятельности (Уфа)	96
Васильева Т.С. Современная теория развития общества (Пермь)	102
Финогентов В.Н. Онтологический статус и методологическое значение понятия «социальный регулятор» (Уфа)	111
Мокроносов Г.В., Мосоров А.М. Социальные отношения, их содержание и форма проявления (Екатеринбург)	122

Кемеров В.Е. Предметная деятельность - принцип развития общественных отношений (Екатеринбург)	139
Ким В.В. Знаковая ситуация и процесс общения (Екатеринбург)	153
Андреев Ю.П. Социальные институты (Екатеринбург)	164
Вишневский Ю.Р. Смена парадигмы социального познания (Екатеринбург)	179
Туркин Л.П.Общество и личность: соотношение социального и индивидуального (Екатеринбург)	187
Брандт Г.А. Онтология пола в философии Георга Зиммеля (Екатеринбург)	197
Меренков А.В. Потребность как специфическое субъектно-объектное отношение (Екатеринбург)	205
Селиванов Ф.А. Благо сквозь призму добра и зла (Тюмень)	217
Руткевич М.Н. Власть как объект и предмет социального изучения (Москва)	227
Мельник В.И. Онтологическая актуальность проблемы цивилизованности (Екатеринбург)	237
Малинова И.П. Право как общественное опосредование субъект-субъектных отношений(Екатеринбург)	244
Иванчук И.В. Политическая онтология: необходимость ее выделения (Екатеринбург)	255
Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность(Екатеринбург)	262
Ершов Ю.Г. Право, государственная служба и проблемы модернизации российского общества (Екатеринбург)	273

Дороненко О.Е. Философские подходы к онтологии универсального (Екатеринбург)	292
Целищев Н.Н. Гуманитаризация высшего образования в условиях кризиса российского общества (Екатеринбург)	297
Лоскутов В.А. Историческая жизнь России: интеллигенция и судьба (Екатеринбург)	307

АКТУАЛЬНОСТЬ ОНТОЛОГИИ

Онтология, или учение о бытии как сущем - стержень и основание философии. Рожденная в поисках первоначал, онтологическая проблематика в различных философских концепциях то отождествлялась с метафизикой, то рассматривалась в качестве основополагающей части последней; иногда от нее пытались избавиться, правда безуспешно, поскольку невозможно «ликвидировать» проблему путем простого устранения слова «сущее» из философского словаря. Происхождение термина одни авторы связывают с именем Р. Гоклениуса, другие - с метафизикой Х. Вольфа, во всяком случае, введен в употребление он был не ранее XVII века под влиянием новоевропейской рациональной установки на исчерпывающее познание метафизической реальности сверхчувственного, умопостигаемого мира. Такая претензия разума сразу же была оспорена И. Кантом и многократно оспаривалась в дальнейшем, вплоть до утверждения М. Хайдеггера о фактическом обратном соотношении сущего и бытия: по его мнению, не сущее лежит в основе бытия, а напротив, бытие преднаходится в основе и за пределами сущего. Казалось, в феноменологии и особенно в постмодернизме XX века проблема достигла стадии исчерпанности и медленного угасания, знаменуя «смерть метафизической эпохи» (М. Хайдеггер). Если бы это было действительно так, настоящий альманах работ уральских философов можно было бы рассматривать в качестве очередной страницы истории философии на пути к ее финалу, «концу истории» в духе нашумевшей статьи Ф. Фукуямы. Полагаю, однако, что это не так, что онтология в контексте бытия и мышления человека, т.е. пока существует мыслящая жизнь, будет возбуждать к себе

наипристальнейшее внимание, обнаруживая новые и неожиданные грани.

Представленные в альманахе работы уральских философов, будучи частью процесса разработки классической для советской философской мысли диалектической онтологии тождества мышления и бытия, поиска самотождественного основания «всех» проявлений бытия в рамках субстанциональной, атрибутивной и других моделей, в то же время фиксируют иное и новое понимание онтологической ориентации современной культуры: антропологический вызов последней, укоренение субъекта в онтологический контекст, в особенности в представлениях о социальной онтологии. Социальная реальность, общественное бытие конституируются деятельностью людей, имеют точкой роста личность, и это первый онтологический факт, являющийся исходным также и для логики исследования социальности. Бытие предстает перед человеком не как «данное», не в форме готовой и устойчивой объективности, а в качестве «делаемого», как проект становящегося бытия, притом в условиях неопределенности. Эта ситуация для европейской научно-рациональной мысли является непривычной, порождает в качестве реакции увлечение постмодернизмом и методом деконструкции. Ее действительным основанием стал, по-видимому, общекультурный и цивилизационный кризис, поразивший окончание XX столетия глобальными проблемами, вызывающий тревожность катастрофического мышления и демонстрирующий вместе с тем, что эти проблемы и этот кризис носят антропологический характер, олицетворяющий кризис мироотношения. По существу, разделение бытия на два мира (естественный и искусственный) - проблема антропологии, а не онтологии, так как задаваемые человеческими целями предметные формы бытия могут рассматриваться как «искусственные» лишь по критериям их естественности или

неестественности в отношении к человеку, условиям и возможностям его жизни. По этой причине первоочередная задача культуры, образования - содействовать преодолению инструментальной точки зрения на технику как орудие преобразования и подчинения природы, если это еще возможно. Переход на точку зрения потенционализма означает вместе с тем признание необратимости: выпустив джина из бутылки, скорее всего, не удастся загнать его обратно. Ибо всякая актуализация потенциции перераспределяет вероятности возможных состояний, что прекрасно продемонстрировала квантовая механика и демонстрирует современная теория физического вакуума. Дискурс эксплуатации и власти нуждается в скорейшем преодолении (если ситуация еще не вошла в область необратимости), так как он питает и наши социальные представления о нормах взаимоотношений между людьми в обществе. Бесперспективно, к примеру, всерьез рассчитывать на решение экологических проблем, не отдавая себе отчета в том, что господствующие в современном обществе традиции престижа и власти с «железной необходимостью» заставляют человека удовлетворять свои потребности расточительно, и тем расточительнее, чем выше его статус в экономической и политической иерархии. Подчеркну, что срастание информационно технической вооруженности с современными политическими и идеологическими средствами способно породить непреодолимую силу, которая в состоянии заменить физическое и внешне-принудительное насилие добровольно и рационально (интеллектуально) оправданным рабством. Вот это, на мой взгляд, и означало бы полноту вытеснения естественного искусственным.

Сказанное подвергает сомнению универалистские и эссенциалистские онтологические установки европейского классического мышления. Сущее не есть уже

исчерпывающе доступное и исчислимое, скорее, оно - бушующая энергия неопределенности, хаоса потенциального бытия, выбросы, всплески которого оформляются либо без участия, либо с участием человека. Его собственная творческая жизнь есть наглядная демонстрация этого процесса: экзистенция человеческого существования, отмечал М.Хайдеггер, есть непрекращающееся выхождение из себя за свои собственные пределы, выступление, иступление из себя, самореализация как самоопределение, обновление, проброс в будущее. Идеал рациональности, претендующий или даже только ориентированный на познание предельных сущностей, принципов, законов, полноту знаний о них, ходом истории доказал в конце XX века собственную несостоятельность.

Утверждение функционального подхода в качестве способа исследования онтологии потенциального бытия может стать средством исключения логического предшествования сущего (и закона, сущности) по отношению к бытию как действительности, утверждения приоритетности разнообразия над однообразием, динамики отношений становления над устойчивостью ставшего вещного мира. Бытие обнаруживает пластичность оснований, «само по себе» оно неопределенно, неорганизовано, являет хаос потенциальности. Функциональный подход, схватывая эту неопределенность основания, препятствует чрезмерной рационализации овладения вещами путем расчета, расчленения и сведения мышления к вычислению. Следует помнить, что разум - это лишь возможность, посредством которой человек сам себя творит в качестве человека (И.Кант). В конце XX века логично предположить, что при сохранении нынешних установок и ценностных ориентиров имеется реальная угроза уже не превышения, а фундаментального разрушения меры человеческого в технике, в техническом

творчестве и, в итоге, - в самом человеке. Преодолеть эту разрушительную логику развития событий возможно только на пути отказа от властных установок человека по отношению к природе, утверждения новой общей и социальной онтологии. Как отмечал Л.Мемфорд, уже в изобретении огня важен дух не Прометея, а Орфея, дух содружества объединенных вокруг огня людей. На почве признания концептуальной теории реальности, внимательной к контексту, в котором мир потенциального бытия приобретает для человека несколько не меньшее значение, чем актуально осуществившийся, возможно действительное введение субъекта в объект и вместе с тем - подлинная ответственность человека в современном мире.

Редактор В.И.Кашперский

А.В.Ласточкин
Пермь

СУБСТРАТНЫЙ ПОДХОД В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

На мой взгляд, одним из направлений разработок диалектики, ее конкретизации является реализация субстратного подхода к развитию, позволяющего выделить субстратную и функциональную стороны реальных процессов развития. Развитие можно и должно быть рассмотрено как процесс изменения материи, ее форм, включающий изменение субстрата (форм материи в собственном, узком смысле слова) и функций, связей, отношений (форм движения). При субстратном подходе изменение, развитие субстрата предстает ведущей стороной целостного процесса развития. Выделение субстрата, субстратный подход в понимании материи, ее развития не есть, как это иногда считают, сведение материи к субстрату

(веществу) и пониманию ее как особого неизменного, единого для всех объектов первовещества. Объект, принадлежащий особой ступени развития материи, представляет собой специфический субстрат со специфическими функциями, связями, отношениями. Наличие же у качественно разных объектов, принадлежащих разным ступеням развития материи, общих фундаментальных уровней строения (например, атомного) не снимает вопроса об их различии и необходимости изучения их специфических субстратов, не сводимых в целом к общим (низшим) уровням, хотя такая редукция в определенных целях возможна и необходима.

Каждая крупная ступень развития материи (форма материи) предстает как неразрывное единство специфического вещественного субстрата (формы материи в узком смысле слова) и специфического действия (формы движения). В некоторых же исследованиях формы материи (ступени развития) сводятся к формам движения, а развитие понимается как процесс смены форм движения, связей на основе неизменного субстрата, вследствие чего различие ступеней развития, многообразие систем объясняется структурой, а не субстратом. Но развитие не сводится к изменению структуры, которая сама зависит от субстрата, его элементов. Структура, воздействуя на элементы, сама определяется их природой, сущностью. Связь элементов и структуры есть связь содержания и формы. В общем плане она выражается в соответствии формы (структуры) содержанию (элементам субстрата). Переосмысливание внутренних связей между элементами субстрата, связанное с изменением этих элементов, выступает как изменение, развитие субстрата в целом и присущей ему формы движения.

Таким образом, развитие имеет субстратную форму и функциональную сторону, т.е. охватывает как субстрат, так и функции. Поэтому можно выделить

субстратный(сложность субстрата) и функциональный (сложность функций), а в более дифференцированном виде - субстратный, функциональный, структурный (сложность связей) и системный (сложность системообразующих отношений) критерием развития как целостного процесса изменения, движения материи от низшей ступени к высшей. Субстратный критерий является основным, поскольку субстрат выступает как носитель функций, связей, отношений, а те, в свою очередь, как его проявления. При таком подходе обнаруживается, что развитие осуществляется в различных специфических формах. Это следует из признания атрибутивности развития в понимании его как способа существования материи, точнее, как сущности способа существования материи, внешней стороной (явлением) которого выступает движение. Поэтому понятие «форма развития», «форма движения» и обладает не меньшим статусом, чем понятие «форма движения». Развитие включает изменение (развитие) форм самого развития, и, следовательно, анализ развития должен «доходить» до анализа специфики форм развития. Это движение в сторону анализа форм развития является одним из направлений разработки, конкретизации диалектической концепции развития, обогащения ее содержания.

Из двух основных взаимосвязанных сторон развития, субстратной и функциональной, наибольшую трудность для анализа представляет субстратная, поскольку в нее упирается вопрос об отличии высших форм материи (и, следовательно, их субстратов) от низших. Особенно остро этот вопрос стоит применительно к основным ступеням развития материи - физической, химической, биологической и социальной. Неспособность объяснить качественное различие их субстратов вела к механическому сведению химического к физическому, биологического к физико-механическому, социального к биологическому, с другой

стороны - к отрыву биологического, социального от их вещественного субстрата, что проявлялось в идеалистическом и религиозном понимании сущности человека. Субстратный же подход к материи и ее развитию связывает специфику высших явлений, форм движения со спецификой их вещественного материального носителя. Но раскрывается специфика субстрата через изучение его проявлений, функций, что и таит возможность его недооценки, игнорирования его особенностей.

Субстратный подход к концепции развития требует введения в нее ряда принципов: 1) исходного принципа (закона) субстратности (вещественности) материи и ее развития; 2) принципа качественного своеобразия субстратов и основных ступеней развития материи, их объектов и большей сложности субстратов высших ступеней (и их объектов); 3) принципа ведущей (определяющей) роли развития субстрата по отношению к его проявлениям (функциям) в целостном процессе развития; 4) принципа единства субстрата и функций в развитии, проявляющегося в соответствии функций (форм движения) субстрату (форме материи), что означает принадлежность субстрата и его основных функций (связей, отношений) к одному уровню сложности, одной ступени развития материи.

Эти принципы применимы и в объяснении человека как высшей ступени развития материи, его возникновения и формирования. Появление человека (социального существа) в субстратном плане предстает как процесс формирования социальных субстратных) свойств тела, обеспечивающих ему социальный способ существования, как процесс превращения биологического существа, его биологического субстрата (организма) в социальное существо с социальным субстратом (человеческим телом). Общество возникает не просто в результате объединения биологических существ, а в результате превращения сообщества животных в

человеческий коллектив, животного в человека. Термин «превращение», которым в философии часто называют переход количественных изменений в качественные, удачно характеризует и процесс развития в целом как переход одной формы материи в другую.

Самым общим механизмом превращения одной формы материи (субстрата) в другую является механизм количественно-качественного взаимодействия, когда количественные изменения (увеличение, уменьшение) элементарного состава ведут к появлению в системе новых специфических структур, которые больше отвечают изменениям условий и способа существования системы и сами вызывают изменение этого способа существования. Появление новых структур выступает одновременно интеграцией всего старого содержания, формирования качественно новой целостной системы, что усиливает развитие ее специфического содержания. Так происходит переход системы в новое (высшее) качество - путем использования низшего как средства (элементов) для построения и последующего воспроизводства самого себя. Подобный механизм действовал и в процессе становления человека, формирования его специфического субстрата (тела) и его специфического (социального) способа существования. В специфическом высшем содержании овеществляется, «застывает» реализующийся процесс развития, превращения низшего в высшее; подчиняя себе остальное содержание, оно становится ядром нового интегрального качества высшего как целостной системы.

Новое, собственно высшее вещественное содержание реализуется посредством дополнительного специфического низшего, не существующего на ступени «свободного» низшего, т.е. фактически уже не являющегося низшим. Так, элементарный живой субстрат (клетка) содержит собственно биологическое, которое существует в клетке посредством дополнительного специфического

(«сверххимического») химического содержания и потому воспринимается как химическое, уже не являясь им в строгом смысле слова. Наличие этого «сверххимического» содержания, не существующего на ступени свободного химического, отмечается исследователями уже на молекулярном уровне живого. Физико-химическое на этом уровне имеет двойственный характер, что означает формирование физико-химическими свойствами микроструктур живого под определяющим воздействием целостной системы клетки тех или иных биологических функций, закономерностей (1). Нетривиальность, специфичность физико-химических свойств, химических превращений в живых системах представляет собой новое дополнительное содержание, подчиненное неживой системой в процессе ее превращения в элементарную живую систему.

Признание высшим только целостной системы (целого) и отрицание наличия собственно высшего в нем (частей такого же качества) не объясняет высшего, так как сводит его к новому (высшему) типу связей старых элементов. Но новые (высшие) связи, функции тоже существуют посредством старых (низших) связей, функций, «строят» себя из них, как своих элементов (частей): например жизнь реализуется посредством совокупности химических, физических, механических форм движения. Деятельность человека, его тела, мозга тоже может быть «разложена» на простейшие составляющие, вплоть до физических процессов, связей. На этом основании можно сделать вывод, что в высшей системе связей, функций, как в субстрате, тоже нет собственно высшего (новых частей), поскольку все новое содержание этой системы оказывается «составленным» из элементов предыдущих степеней и при углублении в него на определенном уровне предстает как старое (низшие связи). Но тогда как объяснить новое (высшее) качество целого? Сделать это можно, по моему

мнению, только признанием существования в высшем целом (субстрате и функциях) частей того же (высшего) качества, хотя и образованных элементами низшего, поскольку иного «материала» для их формирования просто нет.

По отношению к человеку это означает, что его тело как целостная материальная (вещественная) система имеет интегральную социальную природу (сущность) и включает собственно социальные субстратные компоненты (структуры), связанные со специфическими конкретными социальными функциями, обращающие остальное вещественное содержание человеческого тела в интегральное социальное качество, обеспечивающее ему социальный способ существования. В этом смысле человек, человеческое тело как интегральное целое и его специфические (социальные) субстратные компоненты выступают как интегральное целое и его специфические (социальные) субстратные компоненты выступают как социальная материя, «социальное (человеческое) вещество». Обобщение, интеграция собственно социальным содержанием (прежде всего гоминидальной триадой) остального содержания (структур) человеческого тела выступает как большая или меньшая их социализация (как в историческом, так и в индивидуальном развитии).

Субстратный подход в понимании материи, ее развития позволяет четко отличить социальное качество человека от «социального» качества вещи, которые иногда фактически отождествляются. Так, при системном понимании социального качества оно считается присущим в равной степени и человеку и вещи как элементам социальной системы. Субстратное различие их, которое и является основным различием, здесь во внимание не принимается. Причем субстрат человека (человеческое тело) имеет иерархическую структуру (физическое-химическое-биологическое-социальное), иерархия которого

несопоставима с иерархией вещи, ограниченной физическим уровнем.

Довольно широкое хождение имеет точка зрения, согласно которой все социальное в человеке имеет чисто общественную, деятельностьную природу, является продуктом внешнего воздействия. Иногда это обосновывается успехами педагогов и психологов в обучении слепоглухонемых детей. Социальная система воспитания и обучения, разработанная И.А.Соколяским, А.И.Мещеряковым и применяемая в Загорском детском доме, позволила буквально «очеловечивать» таких детей, почти лишенных контакта с внешним миром. Э.В.Ильенков, ссылаясь на этот факт, утверждал что все специфически человеческие психологические функции и обеспечивающие их физиологические, нейродинамические механизмы не имеют ничего врожденного, представляют собой «интериоризованные» формы внешней деятельности (2).

Действительно, положительные результаты этой уникальной работы свидетельствуют о силе социального воздействия общества на человека, значении для становления психики, социального качества человека, предметной деятельности самого индивида. Но они отнюдь не говорят о чисто внешнем источнике социальной сущности человека (индивида). Скорее, наоборот. Возможность достижения таких результатов в условиях, когда контакт индивида с внешним миром ограничен только тактильными ощущениями, свидетельствует о мощи того социального начала, которое заложено в человеке, его теле уже к моменту рождения. Это начало, внутренняя социальная сущность человека в форме генетически закрепленного первичного социального субстратного качества и делает возможным формирование его предметной деятельности, сознания. Разумеется, вне общества, коллектива, оно не может «созреть» и стать действительностью, но с помощью общества (воспитателя)

в предметной деятельности индивида реализуется, развивается его собственное, телесное социальное качество с соответствующими (социальными) проявлениями, функциями. Не случайно в работе со слепоглухонемыми громадное значение имеет индивидуальный подход, пробуждение интереса к какому-либо предмету или действию (3).

В то же время необходимо учитывать, что эмпирический, естественнонаучный анализ вещественных структур человеческого тела биологическими методами неизбежно является редукцией социального к биологическим средствам существования. Он фиксирует социальные субстратные свойства человека как его биологические особенности. Как заметил Гегель, химия, изучая кусок мяса, находит в нем кислород, углерод, которые уже не являются мясом. Так же и биолог, изучая субстратные свойства человека, его тела, находит биологические структуры, но не философское осмысление особенностей этих структур человеческого тела, представляющих новую, высшую степень развития материи, вещества и обеспечивающих в следствие этого возможность социальной деятельности. Таким образом, субстратный подход в анализе развития позволяет лучше понять его общий механизм, вскрыть более глубокие уровни действия этого механизма и тем самым конкретизировать диалектическую концепцию развития субстратным аспектам.

Литература

1. Чепиков М.Г. Молекулярная биология и понятие биологической специфики // Взаимодействие методов естественных наук и познания жизни. М., 1976.
2. Ильенков Э.В. Психика человека под «лупой времени» // Природа. 1970. № 1.

3. Мещеряков А.И. Познание мира без слуха и зрения //Природа. 1970. № 1.

О.В.Санникова
Ижевск

ФАКТОРЫ ЦЕЛОСТНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

К началу XIX в. в философии сложились основные концепции взаимодействия, которые условно могли быть разделены на два большие класса. Первый, так называемый «суммативно-материалистический» класс теорий включал в себя представления о целом как простой сумме элементов, независимых друг от друга и самого целого и выступающих во взаимодействии объектами. К таким теориям можно отнести все механистические теории атомистов с древности до ХУШ в., а также материалистические организмические теории средневековья и Нового времени.

Другой большой класс - класс так называемых «целостно-идеалистических» теорий - основывался на понятии субъекта, который сливался с собственным процессом. Такой субъект-процесс присутствует в философских построениях Лейбница, Бошковича, Гегеля. Поскольку субъект взаимодействия является условием образования посредством самого себя некоего целого (системы взаимодействия или мировой целостности), он сам должен представлять собой не столько элемент целого, сколько саму целостность в миниатюре. Тогда фактор целостности оказывается внутри, а не вне совокупности взаимодействующих субъектов. Но этот фактор все же принадлежал не материи, а духу. Да и механизм взаимодействия уже не представлялся таким наглядным. Процесс уже невозможно было отделить от субъектов взаимодействия, дифференцировать на элементарные акты.

Этот прием не годился в той картине мира, где господствовал принцип основополагающей целостности, принадлежащей духовной субстанции.

Конкретная наука явно симпатизировала больше первому классу философских теорий именно потому, что они позволили построить простой и наглядный механизм взаимодействия. Концепция так называемого близкодействия была по-своему конкретно-научной интерпретацией механистического элементаризма. Близкодействие основывалось на представлении о континуальной среде, проводнике взаимодействия, где действие передавалось от точки к точке и могло быть разложено на любое число элементарных актов. Скорость передачи действия в классических теориях механики была бесконечно велика, поэтому концепция близкодействия в принципе не отличалась от альтернативной теории дальнего действия, где передающая среда отсутствовала, а действие совершалось мгновенно.

Лишь открытие конечной скорости передачи действия сделало близкодействие и дальнее действие принципиально несовместимыми. Ведь естественное сопротивление движению обретшей материальность передающей среды уже могло быть описано материалистическими теориями естествознания (механикой, теорией упругости и т.п.), хотя и не без противоречий. Природа же дальнедействующих сил выглядела весьма мистически, не укладывалась в рамки элементаризма, была проявлением неведомого мирового процесса, организующего целостность универсума. Да и другие теории вплотную подходили к естественнонаучному обоснованию целостности мира, пересмотрев представления о природе участников взаимодействия. Так случилось с электродинамикой Фарадея-Максвелла, где субъект взаимодействия, атом, опосредует процесс взаимодействия своей собственной сущностью, представляет собой непрерывную область сил и действий,

простирающуюся до бесконечности. В теории электромагнитного поля присутствует описание компенсаторного механизма, который делает систему электромагнитных взаимодействий самодостаточной и, следовательно, приближенной к целостности.

Это тем более касается современных физических теорий микромира, где невозможность локализовать субъекты взаимодействия устранила классические принципы моделирования процесса. Была создана новая модель - виртуальный обмен, - описывающая квантовый переход и отражающая взаимодействия квантовой частицы со всем мировым целым, что означает в то же время воздействие целостности на самое себя через свое бытие в виде квантовой частицы. В такой модели получила не только философское, но и конкретно-научное обоснование идея принципиальной неразложимости субъекта и процесса, что является одним из обоснований фактора целостности взаимодействия.

Другое обоснование целостности этого процесса состоит в том, что взаимодействие должно быть представлено как универсальная целостность, само- организующая система, чему в современной физике немало способствует успешное развитие теории Великого объединения известных типов физического взаимодействия на основе единой модели квантового обмена. В этом случае каждый из видов взаимодействия представляет собой сложную систему процессов компенсации и возмущения, где неперенным условием самовозобновления этой системы является другой тип взаимодействия, который сам, будучи круговоротом, способен к самовозобновлению, так что совершенно невозможно определить, какое взаимодействие является предпосылкой, какое - результатом. Связь четырех видов взаимодействия - это сложный процесс функционирования системы в системе. Сама же эта связь есть способ бытия

единого, всеохватывающего, себя разрушающего и себя созидającego процесса универсального взаимодействия.

Как нам кажется, возврат к элементаризму неизбежен, пока философ остается в рамках, методологически неадекватных намерениям системно-целостного подхода к взаимодействию. Необходимые методологические приемы может, на наш взгляд, предоставить метод восхождения от абстрактного к конкретному, который успешно развивал вслед за Гегелем и Марксом Э.В.Ильенков. Он утверждал, что системообразующим фактором является механизм такого взаимодействия элементов, которое само развивается в систему и имеет в себе источник этого развития. Взаимодействие из случайной целостности превращается в целостную систему только тогда, когда оно является самовоспроизводящимся процессом, когда цель взаимодействия замыкается «на себя», когда взаимодействие как совокупное целое имеет в себе свои предпосылки и результат. Такая система взаимодействия определенно имеет черты конкретного, многообразного в своих свойствах и отношениях единства, «единства во многообразии».

Пренебрежение диалектикой абстрактного и конкретного приводило к мистическим, идеалистическим выводам о происхождении источника, причины движения и взаимодействия. А «...мистика исчезает только при условии, если исходным пунктом исследования действительности делаются не разрозненные чувственно воспринимаемые индивиды, а некоторое целое, некоторая система явления»(1).

В этой связи попытки выделить простейшее элементарное взаимодействие, не разложимое далее на более простые, есть не что иное, как стремление выделить некое абстрактное взаимодействие и свести к нему или к сумме таких абстракций прочие взаимодействия. Эта попытка показывает всю безуспешность сведения

конкретного к абстрактному во взаимодействии, ибо выясняется, что критерий элементарности здесь в такой же степени относителен, как и при поисках первоэлемента. Без сомнения, решение определенных задач требует выделение такого элементарного взаимодействия в качестве абстрактного объекта, и сам элементаристский подход обладает признанными эвристическими свойствами. Но абсолютизировать его, пренебрегать «целостными» представлениями невозможно.

Именно относительность элементарности ведет к «дурной бесконечности» в поисках все более «элементарного» взаимодействия, якобы являющегося основой всего процесса движения. И если не замкнуть процесс взаимодействия на себя, «дурной бесконечности» при элементаризации не избежать. Только рассмотрение взаимодействия как самоопределяющейся субстанциальной системы, имеющей в себе самой источник изменения - противоречие, подход к взаимодействию как к целостной системе, подчиняющейся принципу *causa sui*, позволит избежать рецидивов метафизики и механицизма.

Обращение к системной природе взаимодействия основывается на том, что этот процесс играет ведущую роль в образовании систем. Примем, что критерием системного единства является требование его целостности. Конечно, взаимодействие не является исключительным фактором целостности. Оно само есть вариант такого общего системно-целостного фактора, как отношение. Отношения организуют объекты в систему, так что упорядочивание носителей отношений есть творение не только нового порядка, но и нового содержания, новых способностей объектов вступать в другие отношения. Таким образом, поскольку налицо возникновение нового качества, формируется целое, «...не представляющее собой сумму своих частей, а систематическую совокупность, которая создается отношениями между ними»(2). Тогда отношение

как системообразующий фактор не является нематериальным, надмировым началом, а существует через вещи, явления, процессы, сами в себе имеющие тенденцию к связям, к единению. Поскольку каждая вещь есть носитель признаков ее единения с другими, познание индивидуальных носителей и участников отношений позволяет абстрагировать условия этого конкретного единства и выделить систему отношений как объект, как закон функционирования некоего целого.

Что же касается элементарного отношения и его связи с системой отношений, то, согласно принципу восхождения от абстрактного к конкретному, систему отношений можно рассматривать как такое целое, где закон упорядочения находит свое специфическое воплощение в отношениях конкретного типа, но не исчерпывается ни одним из них. Поэтому выделение элементарного отношения может иметь смысл, только если оно, выделение, не затмит специфическую закономерность упорядочивающего всеобщего отношения. Ни одно из конкретных отношений не может считаться элементарным, поскольку не является единоличным системообразующим фактором, а каждое подразумевает как свое условие, предпосылку, выражение или способ бытия практически все другие типы отношений. Элементарное отношение, т.е. такое, устранение которого ведет за собой прекращение существования данной конкретной системы, есть сам как таковой принцип системного бытия данного единства. Отношение является собой абстрактно всеобщее, а взаимодействие - его конкретное воплощение, однако не единственное. Можно сказать, что взаимодействие - способ выражения, существования отношения, и системность взаимодействия есть собственно выражение системности отношения. Но другие типы отношений все же не сводятся к взаимодействию, хотя их осуществление невозможно без этого процесса, и наоборот. Взаимодействие тогда можно

определить как такое отношение, которое является условием и предпосылкой всех других отношений, и само существует только в их рамках, и чья специфика состоит в переносе материи, энергии, информации. Этот перенос обеспечивает специфически системный способ процессуального взаимоопределения материальных образований и формирует структуру процесса, которая существенным образом определяет свойства целого.

С изменениями структуры связана собственная эволюция системы, процесс изменения которой (системы) также структурирован. Иначе говоря, «имеется структура процесса, которая переходит в целостную, завершенную структуру, ограничивающую движение и взаимодействие элементов определенной формой движения. Переход в другую форму движения есть образование, организация новой системы» (3).

В общем случае законы изменения системы допускают множество вариантов как «конечных» состояний, так и путей «перехода» к этим состояниям. При всяком акте изменения система оказывается перед выбором, какое из возможных состояний станет действительным. В результате активизации нового состояния возникает новая организация системы, полученная путем определенного упорядочения возможных состояний, вследствие чего снимается неопределенность в способах изменения системы. Процесс устранения неопределенности в состояниях системы характеризуется как информационный, что, по-видимому, применимо и к системе взаимодействия. Действительно, взаимодействие всегда предполагает определенную меру упорядочения, пространственно-временную организацию, определенное и вполне конкретное отношение между элементами, подразумевающими в данных условиях такой и только такой способ связи между ними. И наконец, всякому взаимодействию присуща избирательность, т.е. ограниченность сферы влияния, чему, по существу, и

отвечает ситуация выбора, необходимая для информационных процессов.

Информация может быть фактором корреляции не только актуальных и потенциальных состояний системы, но и поведения элементов, не вызванного напрямую физическими взаимодействиями. Подобные корреляции описываются теорией неравновесных процессов и квантовой физики, где так называемый эксперимент Эйнштейна-Подольского-Розена указывает на возможность нефизического отношения между компонентами квантовой системы, ранее объединенными динамическими связями. Классический термин «дальнодействие» приобретает в связи с этим новое содержание. Теперь дальнодействие выражает реальную несиловую согласованность элементов системы, основанную на информационной корреляции. Не всякое взаимодействие связано с переносом информации, а только то, которое напрямую ведет к структурной реорганизации системы. Поскольку взаимодействие как процесс само упорядочено определенным образом, т.е. информационно, в нем заложены сведения о носителях информации, участниках взаимодействия. Поэтому взаимодействие есть условие не только внутреннего упорядочения, структурности носителей информации, но и их внешней организации, связи между собой в информационные системы. Такие системы выступают как информационные именно благодаря специфике взаимодействия между носителями информации. Поэтому носители информации способны проявлять во взаимодействии не только собственные свойства, но и свойства некоей более обширной информационной структуры. Кроме того, благодаря избирательности взаимодействия, ведущей к ограничению числа участников процесса, происходит актуализация и конкретизация информационной структуры, которая (структура) только в подобном состоянии способна вступать в отношения с

другими структурами и разворачивать свои собственные возможности самосовершенствования и развития.

Но такое накопление новых свойств и повышение собственной организации еще не служит целям самовоспроизведения метасистемы. Переданная метаструктурой информация о своих потребностях совокупности носителей информации должна вернуться к этой же метаструктуре в виде фактора, обеспечивающего ее самовоспроизведение. Разумеется, этот процесс осуществляется через деятельность материальных компонент метасистемы, ответственных за прием, переработку и использование информации, что возможно лишь при условии взаимодействия с внешней средой, с другими системами. Это взаимодействие является условием системного единства материальных образований. Поэтому представляется особенно важным раскрыть более детально структуру самого процесса взаимодействия. Необходимо представить вещь, предмет не как объект, но как самоактивный субъект взаимодействия, диалектически связанный со своим процессом, индивидуум, изменения которого являются индикатором этого процесса. Диалектика требует, чтобы субъект взаимодействия находился в отношении противоречивого единства как с самим собой, так и с другими участниками процесса. Конечно, вещь вступает в конкретный процесс взаимодействия с уже сложившимися чертами индивидуальности, как «готовый» носитель противоречий. Но в новом процессе происходит формирование иных ее свойств, так что в проблеме первичности субъектов взаимодействия и процесса решающая роль принадлежит именно процессу. «Любой единичный предмет, вещь, явление, факт приобретает ту или иную форму своего существования от того конкретного процесса, в движение которого он оказывается вовлеченным; любой конкретной формой своего существования любой единичный предмет

обязан не себе, не своей самодовлеющей единичной природе, а этой конкретной, исторически развивающейся системе вещей, в которую он попал, внутри которой он возник» (4).

Определенная, конкретная природа вещи, нашедшая свое воплощение в процессе, содержит в себе и такое противоречие, как соотношение между возможностью и действительностью. Действительное представляет собой именно эту определенность вещи, а возможное - ее **другую** определенность как результат некоего взаимодействия. Актуальные отношения с другими вещами, создающие внутреннюю сущность вещи, закладывают тем самым и набор ее возможных состояний. Многообразие отношений есть возможность многообразных возможностей вещи. Набор возможностей есть внутренняя определенность, перешедшая из внешних отношений, но вариант, становящийся действительностью, это «заслуга» внешних условий. Корреляция внутренних возможностей и внешних условий определяет вероятность того или иного состояния.

Современная квантовая физика дает прекрасный образец вероятной природы системы взаимодействующих субъектов - микрочастиц. Модель взаимодействия в квантовой физике, виртуальный обмен, отражает перераспределение возможных состояний микрочастицы. Подобная корреляция осуществляется несиловым способом. Сами же виртуальные частицы запечатлевают в себе набор возможных состояний реальной квантовой частицы, которая как бы погружена в облако этих виртуальных частиц. Так же как возможности, коренящиеся в действительности, оказывают на нее влияние, а действительность определяюще воздействует на свои возможности, виртуальная «шуба» воздействует на реальную частицу, а реальная частица влияет на свое виртуальное окружение. Таким образом, в микромире возможно не только взаимодействие реальных частиц между собой, но и взаимодействие реальной частицы со

своим виртуальным отражением, иначе говоря с самой собой, но в своих возможных состояниях, взаимодействие действительности со своими возможностями. Для познания целого необходим хотя бы момент, фрагмент функционирования элемента в системе взаимодействия, где этот элемент, вещь предстает не как неизменный, независимый компонент, организуемый извне, но как субъект изменений, **элементарный процесс**. Место этого элементарного процесса в системе взаимодействия необходимо определить.

Структура этой системы включает в себя элементы взаимодействия (элементарные процессы), которые репрезентируют всю систему, субъекты взаимодействия и пространственно-временные параметры процесса, результат взаимодействия как возникновение нового системного качества. Возможность того или иного результата коренится в исходных свойствах субъектов, действительный же результат определяется только процессом.

Целостность формируется по двум направлениям: во-первых, она обеспечивается самим процессом взаимодействия, где формируются свойства его субъектов, способствующие самовоспроизведению системы взаимодействия. Во-вторых, образование целостной системы взаимодействия происходит как становление универсальной самоорганизующейся системы, где специфические частные виды взаимодействия являются способами бытия этой целостности. Во втором случае согласно методу восхождения от абстрактного к конкретному с конкретным сопоставляется система универсального взаимодействия, с абстрактным - те определенные типы взаимодействия, через которые и существует универсальное. Каждый такой тип взаимодействия является относительно целостной системой со своей формой внутреннего противоречия. Становление и гибель противоположностей в рамках этого противоречия

создают специфические отношения взаимных переходов различных форм взаимодействия друг в друга, обеспечивая конкретной системе универсального взаимодействия существование как саморазвивающейся целостности.

Иной вариант сопоставления состоит в том, что с абстрактным соотносится элементарное воздействие, с конкретным - взаимодействие, организующее целостность и само являющееся целостной саморазвивающейся системой. Тогда элементарное взаимодействие есть простой, неразвитый момент конкретного, с устранением которого исчезает и сама конкретность. Поэтому абстракт - элементарное взаимодействие - вполне конкретно, поскольку имеет в себе «отпечаток» существенных черт своей конкретности, оно является исторически первым актом данного взаимодействия, который воспроизводится постоянно на последующих ступенях процесса уже как его необходимая предпосылка и результат.

Но конкретное взаимодействие в таком случае не есть суммативное единство своих элементарных актов, а целостный, порождающий себя процесс, где каждый простейший акт имеет в неразвитом виде предпосылку становления конкретного в целостную систему, где сам абстракт постоянно возрождается как одна из сторон конкретного. Тогда выделение элементарного акта взаимодействия необходимо проводить, «отталкиваясь» от имманентной целостности процесса, так чтобы этот абстракт отражал реальное противоречие в более или менее развитом виде как источник самовозобновления процесса в целом. Таким образом, необходимый и наиболее общий принцип выделения абстрактного, элементарного взаимодействия есть его, элементарного взаимодействия, способность репрезентировать целостную систему в элементарном акте. Но применение этого критерия достаточно затруднено, особенно в том случае, когда система взаимодействия изучена недостаточно или же

когда вследствие абсолютизации результатов познания репрезентант частного взаимодействия, его элементарный акт, может быть принят за всеобщий принцип любого взаимодействия, как это случилось с механицизмом. Цикл отдельных взаимодействий замкнут лишь относительно, в его процессе воспроизводятся не только предпосылки данного типа взаимодействия, но и производятся условия другого процесса. Тогда новая система начинает воспроизводить предпосылки, сформированные еще в старой, как свои собственные, добавляя к ним, однако, и те, что присущи только ей и вырабатываются только внутри нее. Таким образом, мир взаимодействия представляет собой совокупность относительно замкнутых на себя циклических процессов, каждый из которых связан и обусловлен другим. Но будучи каждый в относительности замкнутым целым, процесс выступает как момент тотальной целостности, как ее выразитель, содержащий в себе ответ, воплощение универсальной связи.

Связанный со своим индивидуальным субстратом отдельный процесс взаимодействия конечен во времени. Но эта временная завершенность относительна, поскольку как угодно долго возобновляющий себя процесс вынужденно затухает в своем продукте, в новой самовозобновляющейся системе взаимодействия. Поэтому затухание в продукте есть новое возрождение процесса, связывающее старую и новую системы. Иначе говоря, взаимодействие как эволюционный процесс есть бесконечное во времени отношение между конечными своими субъектами.

Идея самообновляющегося процесса приводит к выводу, что взаимодействие, вообще говоря, обратимо в смысле возвращения к исходному, слияния причины со следствием. Стабильность, устойчивость явлений, предметов предстает как раз результатом обратимых процессов и условием существования этих процессов, поскольку возобновляется не только природа участников взаимодействия, но и тип

отношений, запечатленных некоторым образом в элементарном акте, вне и без которых не существуют они сами. Значит, элементарное взаимодействие является моментом стабильности и в то же время моментом изменчивости, порождения более высокой организации системы взаимодействия.

Значит, любой возврат самовоспроизводящейся системы к себе не является абсолютным возвратом. Благодаря флуктуациям внутри процесса, обусловленным различными случайными обстоятельствами, в системе взаимодействия зарождаются зачатки нового. Нарушение стабильности процесса порождает условия необратимости взаимодействия. Благодаря флуктуационным изменениям возникают предпосылки формирования нового элементарного взаимодействия, составляющие которого «берутся» из предшествующего процесса. Изменение структурной организации этих составляющих порождает элементарную ячейку взаимодействия другого типа, что в свою очередь ведет к становлению целостной системы иного, более «высокого» уровня. При этом низший уровень, давший жизнь вышнему, отнюдь не прекращает своего существования. Просто сфера влияния высшего уровня взаимодействия включается в сферу влияния более низшего. Это относится прежде всего к различным уровням организации материального мира и, следовательно, затрагивает связи между различными уровнями взаимодействия. Так, «...физическая форма как всеохватывающая в известном смысле включает внутри себя все остальное. Химическая форма, будучи «включенной» в физическую, сама в свою очередь охватывает и включает в себе биологическую. Последняя вместе с планетарной формой (биосфера) содержит в себе социальную» (5).

Таким образом, системно-целостный подход к проблеме соотношения целостного и элементарного во

взаимодействии представляет новую возможность для определения взаимосвязи процессов различных уровней организации материи. Для этого, разумеется, необходимо рассмотреть специфику взаимоопределения элементарного и целостного на каждом из этих уровней для того, чтобы наиболее полно раскрыть формы проявления всеохватывающей универсальной целостной системы взаимодействия. Перспективы исследования универсальной системы взаимодействия в целом неисчерпаемы и способны бесконечно предоставлять все новые и новые направления такого исследования.

Литература

1. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С.221.
2. Кассирер Э. Познание и действительность. Спб., 1912. С.319.
3. Аверьянов А.И. Системное познание мира. М., 1976. С.71.
4. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960. С. 92.
5. Лойфман И.Я., Стадник В.П. Единство мира и круговорот материи. Свердловск, 1988. С.102.

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ РАЗВИТИЯ

Структура процесса развития состоит из отношения его основных видов: прогресса, регресса и горизонтального развития. Существует взаимоопосредование этих трех видов. Горизонтальное развитие, создавая многообразие объектов, различные варианты бытия на одном уровне материи, раскрывает условия для отбора. Развитие выходит на новый уровень через немногие элементы старого. Это протон и электрон в микромире, белки и нуклеотиды в химии, приматы в биоте. В космосе оптимальными оказываются планеты земного типа.

Новый уровень создает новый горизонт развития. Прямого восхождения нет. Прогресс опосредуется одноуровневым развитием. Участвует в этом и регресс. Каждый уровень бытия отличается круговоротами, включающими исчезновение и возникновение, повторение, воспроизводство. Элементарные частицы воспроизводятся с помощью Больших Взрывов. Звезды взрываются и вновь образуются. Химические соединения распадаются и возникают снова. Круговороты в биоте и обществе связаны со сменой поколений.

Есть и «круговороты» иного типа: повторение по вертикали. Высшее повторяет низшее в онтогенезе. Этот закон присущ каждой форме материи, кроме, может быть, физической. Но и элементарные частицы, возможно, рождаются сегодня в наиболее крупных объектах Вселенной.

Распад, гибель являются главной формой регресса: высшее превращается в низшее. Другие формы регресса -

деградация, паразитизм, упадок. Распад высшего не ведет к его полному исчезновению, так как сохраняются или повторяются условия, породившие высшее. Все уходит и вновь появляется, но повторение не является абсолютным: возникают варианты нового. Видоизменения связаны со случайными факторами, они сами по себе не порождают «предметы другого рода» (Аристотель). Только через отбор низшее идет к высшему.

Структурно-пространственный аспект целостности развития заключается во взаимосвязи трех миров. Их взаимодействие - важнейший фактор развития. В мегамире идут синтезирующие, интегративные процессы, рождающие химическое вещество. Звезды силой тяготения создают условия для термоядерного синтеза, в котором производятся химические элементы. Микромир рождается в звездах.

В составе космических объектов низшее получает дополнительное развитие, которое затем получает самостоятельные возможности. Звезды продуцируют все химические элементы, кроме водорода. Взрываясь, они выбрасывают вещество в космическое пространство. Возникает второе поколение звезд с более сложным химическим составом, образуются планеты, появляется твердое и жидкое вещество.

На планетах земного типа разворачивается химическая эволюция, для которой кроме многообразия элементов нужны еще растворитель (вода) и высокая температура. Планетарно-геологические системы содействуют этому развитию. Макромир разворачивает свои возможности с помощью космических систем. Живое не существует в просторах космоса, оно есть только на удобных планетах. Жизнь не является результатом только химического развития. Нужны соответствующие внешние факторы. Микромир и мегамир не только порождают макромир, но и содействуют его развитию. Человек тоже возникает при

«содействии» планетарных и космических процессов. Он продукт интеграции всех миров, всех форм, разновидностей и видов материи, существующих в нашей Вселенной. Они порождают универсально действующее вещество. Если природа есть Бог, как говорили пантеисты, то человек - божественное существо, он должен верить, прежде всего, в себя.

Непосредственно человек возникает благодаря синтезу таких разновидностей материи, как живая и неживая. Неживое (физическое, химическое) входит в организм животного в преобразованном виде («теневая система»), но когда наши предки начинают использовать «невключенное низшее», оно постепенно вырастает в ткань общества трансформируясь. Происходит синтез всех уровней материи. Это составляет структурно-исторический аспект целостности развития.

В физическом плане структуру мира образуют три вида материи: вакуум, вещество и поле. Три вида, три разновидности и три уровня материи образуют общую структуру мироздания. Она исторична и процессуальна, а ее процессуальный аспект тоже характеризует целостность развития.

ГЕНЕЗИС УРОВНЕЙ РАЗВИТИЯ

Развитие сегодня принято определять как необратимое, направленное, закономерное изменение природных, социальных и теоретических объектов. Точнее, следовало бы говорить о различных линиях подобных взаимосвязанных изменений, смены состояний объектов различной природы, о генетической порождающей связи между этими объектами и их состояниями. Понятие «уровень развития» и означает достигнутое состояние в ряду сменяющих друг друга состояний, в основе каждого из которых лежат структурные изменения и определенный тип функционирования структуры и составляющих ее подструктур (уровней организации). Изначальные и наиболее наглядные линии развития фиксируются как последовательная смена состояний организмов растений, животных и человека (от возникновения зародыша до зрелости и гибели).

Генезис уровней развития не может быть рационально понят без обращения к основным характеристикам развития: необратимости, направленности, закономерности.

Взгляды человечества на Вселенную эволюционировали в общем направлении от признания неизменности, извечности всего существующего к признанию изменяемости, становления, развития; от признания первотолчка, «начала мира» - к торжеству идеи вечности Вселенной, самодвижения материи. Однако торжество теории эволюции в XIX в. имело своим следствием абсолютизацию идеи необратимости происходящих во Вселенной изменений. При этом в одних случаях ученые приходят к выводу о неизбежности «конца» мира (теория тепловой смерти Вселенной), в других - его «начала»

(некоторые интерпретации теории расширяющейся Вселенной).

Цепочки необратимых изменений - линии развития, которые, несомненно, прослеживаются в природе, будучи приписанными всей Вселенной, представленными как нечто однонаправленное, неизбежно подрывают идею самодвижения материи, приводят к серьезным методологическим трудностям, независимо от того, идет ли речь о непрерывном усложнении строения материи или о ее непрерывной «деградации», упрощении строения. Если Вселенная развивается как единое целое в одном направлении, то перед нами бесконечный последовательный ряд ступеней развития, каждая из которых «выше» (или «ниже») предыдущей. При материалистическом взгляде на Вселенную, признании ее вечного существования, несотворимости и неуничтожимости неизбежен вывод о «самому себе равном состоянии» материи, сделанный еще Дюрингом, если обратиться к «началу» ряда, т.е. к спасительному первотолчку.

Справедливо критикуя материалистов прошлого за их метафизический подход к природе, мы вместе с тем не можем не отметить рационального зерна в их воззрениях на движение и на соотношение обратимости и необратимости. П.Гольбах был глубоко прав, утверждая, что нет и не может быть ничего вне природы, объемлющей все сущее, что «целое не может иметь цели, так как вне его нет ничего, к чему оно могло бы стремиться»(1).

Вот почему, следуя Энгельсу, надо диалектически подойти к известному положению Гегеля о так называемом бытии природы вне времени. Гегель не провел последовательно идею развития применительно к природе (2): Самопознающая абсолютная идея, породив природу как свое «инобытие», одномоментно познает ее, дальнейшее развитие связывая уже не с нею. Однако во взглядах Гегеля

есть ряд позитивных моментов, на которых имеет смысл остановиться. Прежде всего, рассматривая Вселенную с позиции материалистического монизма как замкнутую на себя и вечно существующую, мы должны утверждать, что никакая форма ее движения не может исчезнуть окончательно. В бесконечной Вселенной «сосуществуют» в каждый момент времени в разных ее участках планеты, звезды, газопылевые туманности, потоки частиц, различные формы жизни, вещество в сверхплотном и в иных, еще не известных нам состояниях.

Таким образом, признание вечногo существования Вселенной, несотворимости и неуничтожимости материи предполагает **многонаправленность** развития, неизбежным вариантом которой является полярно противоположная направленность, имеющая своим следствием **повторяемость** сменяющих друг друга форм материи, **обратимость** процессов и явлений.

Этот важный вывод иногда подвергается сомнению с позиций гипотезы о конечности и расширении Вселенной, имеющей свои основания в некоторых выводах из общей теории относительности, впервые высказанные А.А.Фридманом. Эти выводы, полученные в результате преодоления формальных математических трудностей при решении уравнений общей теории относительности на основе упрощающих предположений о распределении материи во Вселенной, нельзя считать бесспорно обязательными, что отмечается рядом исследователей. «Более разумно, - пишет, например, К.П.Станюкевич, - вместо того, чтобы рассматривать теорию относительности и ее космологические выводы, постулировать бесконечность и неисчерпаемость материи (и Вселенной)... Постулат неисчерпаемости бесконечной Вселенной имеет ряд преимуществ (не только философских) по сравнению с моделями Фридмана» (4). Все большее распространение

получают «симметричные» космологические модели (в частности модели «пульсирующей» Вселенной).

Можно заметить к тому же, что для обоснования идеи многонаправленности развития во Вселенной даже нет необходимости в постулировании бесконечности Вселенной; достаточно, чтобы она была велика. Даже при этих условиях с позиций господствующей ныне концепции близкодействия (при признании конечной скорости передачи взаимодействия) невозможно объяснить, чем определялось бы общее для всей Вселенной направление развития при условии слабой динамической связи между ее максимально удаленными друг от друга частями (если не вставать на путь объяснения непонятного с помощью еще более непонятного или даже фантастического).

Концепция бесконечного поступательного развития материи, развития без повторяемости и обратимости оказывается не менее односторонней и метафизичной, нежели концепция простого круговорота, прямой и всеобщей повторяемости. Как отмечает В.И. Ленин: «Движение и становление, вообще говоря, могут быть без повторения, без возврата к исходному пункту, и тогда такое движение не было бы «тождеством противоположностей». Но и астрономическое и механическое (на Земле) движение и жизнь растений и животных - все это вбивало человечеству в головы не только идею движения, но именно движения с возвратом к исходным пунктам, т.е. диалектического движения»(5). Обратимость и необратимость в движении материи следует рассматривать в диалектическом единстве, т.е. как две противоположные стороны единого процесса, взаимодействием и взаимопереходами которых определяется его содержание.

Наука дает нам многочисленные свидетельства взаимопревращений всех видов материи друг в друга (различные виды веществ превращаются друг в друга, образуют различные сочетания, вещество переходит в

излучение, а излучение в вещество). Всей материи присущи пространственно-временные и энергетические характеристики, гравитационное взаимодействие, ни одно из материальных образований не может быть исключено из системы всеобщего взаимодействия, следствием которого являются постоянные изменения; не возникая и не исчезая, материя бесконечно меняет свои формы или, как говорил Спиноза, «успокаивается» превращениями, сохраняя в масштабах Вселенного мира все богатство форм своего движения. Единство материального мира, взаимосвязь всех видов материи и форм ее движения служат основой для взаимопереходов, повторяемости явлений, обратимости процессов.

Процессы в фундаменте материи демонстрируют нам эту способность материи очень широко: атомы излучают и поглощают кванты энергии; ярким примером повторяемости, обратимости являются всевозможные колебания; происходит соединение и разъединение частиц на уровне атомов и молекул; элементарные частицы взаимно переходят друг в друга; на Земле происходит круговорот веществ и т.п. Данное тело при соответствующих условиях может быть в конечном счете превращено в атомы, элементарные частицы, излучение.

Обратимость, повторяемость - реальная, необходимая черта движения материи. Однако обратимость никогда не бывает полной, точной, прямолинейной. Рассматривая соотношение обратимости и необратимости, точнее было бы говорить о **принципиальной (всеобщей) обратимости** процессов природы. В отличие от полной обратимости принципиальную обратимость можно охарактеризовать следующими положениями:

1. Обратимость не есть полное повторение, точный возврат к предыдущим этапам движения.

2. Всеобщий характер обратимости не означает прямых возвратов и прямых переходов от одного вида материи к другой.

3. Возвращение к «исходному состоянию» из достигнутого не означает повторения в обратном порядке всех этапов движения до состояния, с которого начался «возврат».

Принципиальная обратимость всегда связана с **локальной необратимостью**, с отсутствием точной повторяемости; каждое явление своеобразно и, строго говоря, необратимо. И в то же время любое локально необратимое изменение есть момент в цепи процессов, ведущих к повторению в главном. **Локальную необратимость можно рассматривать, следовательно, как форму проявления принципиальной (всеобщей) обратимости (превращаемости).**

Соотношение принципиальной обратимости и локальной необратимости имеет важное значение для понимания сущности и направленности космических процессов. На недопустимость абсолютизации какой-либо из сторон этих процессов указывал еще Ф.Энгельс. «Мы приходим, таким образом, к выводу, - писал он, - что излученная в мировое пространство теплота должна иметь возможность каким-то путем, установление которого будет когда-то в будущем задачей естествознания, превратиться в другую форму движения, в которой она может снова сосредоточиться и начать активно функционировать» (6).

В связи с введением представлений о принципиальной обратимости и локальной необратимости можно поставить вопрос: частью каких изменений более общего характера и масштаба являются данные необратимые изменения; с какого момента движения противоположности переходят друг в друга и начинается обратный по направлению процесс? Следует подчеркнуть необходимость именно такой постановки вопроса, так как еще и сегодня

абсолютизация необратимых изменений и принципа возрастания энтропии препятствует исследованиям проблемы соотношения обратимости и необратимости, создает для исследователей некий психологический барьер; в последние десятилетия «лед», несомненно, «тронулся», и давний блестящий вывод Энгельса находит все большее подтверждение (6).

Оказывается неизбежным признание многонаправленности развития, наличия его «восходящих» и «нисходящих» ветвей, а также их взаимоперехода, преобладания различной направленности процессов в разное время и разных местах. Функционирование различных структурных уровней, цикличность и обратимость служат основой своеобразия, качественной специфики, ограниченности состояния. Неповторимость циклов, локальная обратимость и взаимодействие уровней служат общей основой перехода к другому уровню функционирования, закрепляющему необратимое, направленное изменение, т.е. развитие, закономерности которого находят далеко не полное отражение в современных научных теориях. Взяв углубленно ряд уровней развития «неживое - живое - социальное», мы видим закономерность, отраженную в объеме и содержании сопоставляемых понятий. Объем понятий уменьшается, а содержание становится богаче, специфичнее. Живое - это особым образом организованное неживое, социальное - особым образом организованное живое. У живого есть характеристики, общие с неживым, составляющим его основу, но есть и такие, которых у самой основы нет. То же следует сказать и о социальном. Существенно отличается и функционирование каждого из уровней: отсутствие взаимодействия со средой, как правило, не разрушает неживого; для живого специфическое взаимодействие (ассимиляция и диссимиляция) является условием сохранения и существования; живое приспособляется к

среде, социальное стремится приспособить среду к своим потребностям.

Возникновение предбиологических систем, в которых осуществляются «сохраняющие реакции» и простейший гомеостазис, связано с характерной для любых систем закономерностью, выражаемой принципом Ле Шателье, согласно которому внешнее взаимодействие, выводящее систему из состояния термодинамического равновесия, вызывает в системе процессы, стремящиеся ослабить эффект воздействия. Эволюция систем, переход с уровня на уровень связаны со сложными комбинациями отрицательной и положительной обратной связи, способствующими соответственно сохранению системы и ее росту (деление клеток), а затем реализуемыми в управлении живыми и социальными процессами.

Последовательность уровней функционирования может быть зафиксирована в связи с представлением о свойстве отражения как способности всех систем изменяться в результате взаимодействия и так или иначе сохранять в особенностях своей структуры особенности вызвавшего изменение взаимодействия.

Простейшие живые организмы и растения обладают раздражимостью, которая есть не что иное, как способность «отвечать специальными процессами на жизненно значимое воздействие» (7). Избыточное или недостаточное освещение, например, непосредственно вызывает определенные физико-химические процессы, ведущие к изменениям, направленным на поддержание жизнедеятельности, но система не реагирует на изменения в среде, которые не оказывают на нее прямого воздействия: приближение объектов, звук (не во всех, правда, случаях) и т.п.

О сложном, опосредованном отражении и управлении можно говорить на уровне организмов, обладающих ощущением, которое есть «раздражимость по отношению к

такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм к другим воздействиям, т.е. которые ориентируют организм в среде, выполняя сигнальную функцию» (7). Ощущение исторически возникло тогда, когда некоторые воздействия утратили (или потеряли в значительной степени) непосредственное значение для жизнедеятельности организма и сохранились как «воздействия на воздействия». Так, свет играет роль непосредственно действующего фактора (молодое животное, как правило не может расти без света), но еще более существенна роль света в качестве сигнала, ориентирующего животное в среде его обитания (при добыче пищи, спасении от врагов и т.п.). Здесь мы сталкиваемся с неоднородностью механизмов отражения в рамках самого управления. Непосредственное и опосредованное воздействие суть необходимости разного порядка для воспринимающей их системы.

С возникновением более высоких «этажей» сигнальных воздействий («вторая сигнальная система») и соответствующих механизмов перекодирования сигналов поведение организмов становится все более сложным вследствие очень широкого диапазона управляющих опосредованных действий, ответ на которые в значительно большей степени, чем при простом управлении, определяется состоянием системы, установившимися в ней связями, ее историей, включая обучение (строевая команда сама по себе не поворачивает солдата «кругом», красный свет не останавливает автомобиль, а запрещающая надпись - слепого или неграмотного).

Генезис уровней социального развития, как известно, связан с функционированием производительных сил и фиксируется как способ общественного производства. Осуществляя в виду необходимости процесс производства, люди вносят в него те или иные изменения, отбирая и закрепляя те способы деятельности, которые ведут к

облегчению труда, повышению его производительности. Уровень развития производительных сил определяет характер труда (индивидуальный, общественный, совместный, всеобщий), его разделение и всю совокупность общественных отношений. Метафизическими крайностями в понимании закономерностей общественного развития являются идеализм («мнения правят миром») и волюнтаризм, а также механицизм и фатализм, в рамках которых нет места для целенаправленной человеческой деятельности («никто не организует партию для оказания содействия солнечному затмению»). Представление об автоматизме прогрессивного развития представляет собой современную форму метафизического подхода к развитию общества.

Уровень развития систем различной природы во многом характеризуется степенью необходимого разнообразия состояний и структуры (у клетки как целого два состояния - спокойное и возбужденное, у организма - неизмеримо больше и т.д.), а стало быть, и возможностями взаимодействия с окружающей средой, возможностями регулировать свое поведение результатами прошлых взаимодействий (память), а также концентрацией свободной энергии.

Генезис теоретических систем при всей их специфике в основе своей подчиняется тем же закономерностям, их возможности определяются степенью общности предпосылок и разнообразия проверяемых следствий, степенью охвата реальности, предсказательными возможностями. Теории только объясняющие, но не предсказывающие, не содержащие в себе механизма предсказания - теории *ad hoc* («для данного случая»), не имеют ценности, или таковая весьма ограничена.

Об основных факторах, способствующих порождению нового знания, хорошо убедительно и вполне современно

сказал в свое время Александр Сергеевич Пушкин, точно ранжировавший их по значению:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений - парадоксов друг,
И случай - бог-изобретатель...

Литература

1. Гольбах П. Избранное. М., 1963. Т.1. С.111.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С. 286-287.
3. Станюкович К.П. Гравитационное поле и элементарные частицы. М., 1965. С.7.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С. 308.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.362.
6. Кузнецов П.Г. Противоречие между 1-м и 2-м законами термодинамики // Изв. АН СССР. Сер. Техн. и физ.-мат. наук. 1959. Т.8, №3; Франк-Каменецкий Д.А. Множественное рождение нуклонных пар тепловыми фотонами в открытой космологической модели // ДАН СССР. 1962. Т.144, вып.2.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959. С.40.

А.Ф.Кудяшев
Уфа

БЕСКОНЕЧНОСТЬ В СЕБЕ

Проблемы, сопровождающие употребление слова «бесконечность», во многом связаны с пониманием его предметной области. Вообще говоря, научный термин имеет значение, определенное в зависимости от своего денотата.

Термином должно обозначаться то, что он обозначает. Если же словом обозначают то, что оно не обозначает, или обозначают «неизвестно что», или же им вовсе ничего не обозначают, то оно не является научным термином. Слова, не являющиеся терминами, могут привлекаться в поисковых, эвристических целях, могут способствовать расширению предмета научного исследования (изучения) и с развитием знаний могут служить предпосылками для введения новых терминов. Такой «недоопределенный» характер имеет, например, словосочетание «физическая бесконечность».

В предметно-онтологическом смысле существования физической бесконечности не существует ибо она не является объектом исследования физиков. Природа обнаруживает себя перед физиками в виде конечных объектов. Тем самым физическая бесконечность сходна с мнимой единицей: оба понятия выполняют свойственные им теоретические функции, но им обоим за пределами теории физик не находит никакого соответствия. Вернер Гейзенберг, выдающийся физик XX века, оценивая роль понятия бесконечности в науке, отмечал отсутствие чего-либо соответствующего этому понятию, хотя и признавал его важность в области математики. «Например, в теории аналитических функций решающим является существование важных математических закономерностей, касающихся пары неизменных переменных. Эти закономерности легче понять, если образовать абстрактное понятие $\sqrt{-1}$, хотя оно не принципиально необходимо для понимания и хотя среди натуральных чисел ему ничто не соответствует. Таково же абстрактное понятие бесконечности, а оно тоже играет в современной математике важную роль, хотя ничто ему не соответствует и хотя его введение нагромождает массу проблем. Таким образом, в математике мы поднимаемся ко все более

высоким ступеням абстракции, получая целостное понимание более обширных областей»(1).

В математике абстракции от абстракций обычно становятся объектами математического исследования. Далеко не все математики считают допустимым рассматривать понятие бесконечности в качестве такого объекта. В тех случаях, когда это делается, предварительно осуществляется оконечивание бесконечного. В итоге получается, что исследуется конечное, своеобразно понимаемое. При этом оконечивание бесконечного может сочетаться с обесконечиванием конечного, как это вышло у Георга Кантора с трансфинитными числами и с актуальной бесконечностью. «Бесконечно» прав Герман Вейль, находивший величие математики в замене вопроса о бесконечном вопросом о конечном, точнее, «именно в том, что почти во всех ее теоремах в силу самой ее сущности всякий вопрос о **бесконечном** решается на уровне конечного», и полагавший, что эта «бесконечность» математической проблемы базируется, однако, на том, что **последний фундамент математики образуют бесконечный ряд натуральных чисел и связанное с ним понятие существования** (2).

Редукция бесконечного к конечному неосуществима, и на самом деле в процессе исследования производится подмена первого вторым. Если же подмену как бы не замечают и продолжают говорить о бесконечном, то бесконечное превращается или во множественное число конечного («отрезок» натурального ряда), или в его метафору, в основе которой лежат, как известно, сравнение и перенос.

Отвергаемое как чересчур огрубляющее истину, но упорно появляющееся все снова и снова, механистическое толкование бесконечности как «дурной» бесконечности - это лишь один из множества образов, в которых обнаруживает себя **оконченное бесконечное**

(обесконеченное конечное), причем «дурная» бесконечность так или иначе сопутствует не только сознанию обыденному, но и профессиональному сознанию ученого любой специальности. Образы, создаваемые на базе «дурной» бесконечности, предстают как монотонное движение в рамках определенного сохраняющегося качества. Наличие и сохранение одного и того же качества не всегда очевидно, поэтому характерные для «дурной» бесконечности однообразие и безнадежность процесса, заведомо не имеющего окончания, иногда остаются смутно ощутимыми.

По сути дела, «дурная» бесконечность прячется во всякой метафоре. Поразительна метафора Х.Борхеса, известная под названием «Вавилонская библиотека». Здесь образ грандиозной Вселенской библиотеки задается множеством одинаковых шестигранных галерей, по двадцать полок в каждой. Галереи располагаются этажами и сообщаются коридорами с другими соседними галереями. «В коридоре - зеркало достоверно удваивающее видимое. Зеркала наводят людей на мысль, что Библиотека не бесконечна (если она бесконечна на самом деле, зачем это иллюзорное удвоение?); я же предпочитаю думать, что гладкие поверхности выражают и обещают бесконечность...»(3). Удержать в голове все подробности описания этой метафоры в его сложности чрезвычайно трудно; кажется, что в ее описании есть лишние детали, напоминающие оформление построек в стиле барокко. Однако смысловое богатство и все излишества данной метафоры основаны на той же самой - и даже не один раз напоминающей о себе - «дурной» бесконечности.

Контрастной по отношению к образу бесконечности у Борхеса выглядит бесконечность у Леонова, которая является, без сомнения, плодом его долголетних раздумий, лишена излишней детализации ввиду ее ненужности и все равно загадочная и таинственная. «...Единственно мыслимая

бесконечность есть неограниченных размеров кольцо» (4), - говорит один из «отрицательных» персонажей последней книги писателя. Подробный комментарий потребовал бы литературоведческих разработок. Отметим лишь, что в данном примере образ бесконечности как бы минимизирован, причем и здесь достаточно отчетливо обозначена «дурная» бесконечность.

Более удачные образы бесконечности, пожалуй, предлагаются в философии. Однако они едва ли применимы при проведении научных исследований. Одним из них является известный образ сферы, центр которой везде, а окружность нигде. Другой образ рисуется в виде «узловой линии отношений меры», в которой ее различные состояния могут «слипаться», притом линия закручена так, что некоторые ее состояния пересекаются и могут становиться элементами других состояний (5). В последнем примере «дурная» бесконечность в явном виде отсутствует. Но она неизбежно проявит себя при введении соответствующего образа в стиль научного мышления, так как в конкретном научном исследовании выбранный «кусок» узловой линии (всю-то ее не возьмешь) будет служить метафорическим образом исследуемого конечного объекта. Хотя и произойдет оконечивание бесконечного, бесконечное окончательно не исчезнет, поскольку само наличие метафоры означает нескончаемый перенос и тем самым апелляцию к «дурной» бесконечности.

Бесконечное и конечное в философии рассматриваются как две противоположности, притом такие, что они исключают что-либо третье. Они несовместимы, и то, что присуще конечному и ограничено его природой, оказывается совершенно несвойственным бесконечному; и наоборот, то, что характерно для бесконечного, не имеет места в конечном. Само собой разумеется, что понятие бесконечного сводится к формулировкам, отрицательным по отношению к положительным определениям конечного,

а должно иметь собственные содержательные характеристики, в которых выразятся особенности философского метода.

Между тем считается, что «бесконечное... не имеет свойств... Вне конечного бесконечное лишено значения и неотлично от ничто» (6). Тогда познавать конечное означает также познавать бесконечное. Такая бесконечность «знает» конечное, складывается из конечных элементов, рассматривается или в одном ряду с конечным, или же как целое, состоящее из конечных частей. Именно такое бесконечное, проявляющееся в конечном, и может познаваться путем исследования конечного. Однако перенесение свойств конечного на бесконечное, являющееся метафорическим, тянет за собой все ту же «дурную» бесконечность.

Если же допустить трактовку бесконечного без конечного, то следует признать, что трансцендентное конечному бесконечное указанным путем познавать бесполезно. Отсюда следует существование бесконечности в себе, особой философской абстракции, в значительной степени определяющей онтологические особенности философских принципов.

Таким образом, понятие бесконечности неоднозначно. Физик склонен признать важное значение бесконечности, но исключительно в рамках теории. Для математика бесконечное есть особый идеальный элемент математического метода или метафора конечного (происхождение которой может быть философским или художественным); при изучении бесконечного оно подменяется множественным числом конечного. В итоге бесконечное как таковое не является объектом научного исследования. В науке исследуется и познается конечное.

В философии бесконечное предстает как семейство образов, слишком разветвленное, чтобы оно покрывалось метафорами конечного. Очень может быть, что имеются

образы бесконечности, исключая подобные переносы. Поэтому бесконечное может осмысливаться как символ трансцендентного. Весьма вероятно, что существует и неосмысляемая бесконечность, исключая образы. Тогда бесконечное есть знак бесконечности в себе, не проявляющейся через конечное, поскольку его полностью исключает. Для познания подобной бесконечности субъект обязан был бы становиться ей равным. Невозможность такого равенства выводит соответствующее понятие за пределы познания конечным.

Литература

1. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С.214.
2. Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989. С.127.
3. Борхес Х.Л. Соч. В 3 т. Рига, 1994. Т.1. С. 312.
4. Леонов Л.М. Пирамида. 1. М., 1994. С. 145.
5. Свидерский В.И., Кармин А.С. Конечное и бесконечное. М., 1966. С. 175-176.
6. Уайтхед А.Н. Избр. работы по философии. М., 1990. С.330.

В.И.Кашперский
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Широчайшее использование термина «функция» в научном и обыденном мышлении, в том числе при объяснении форм сознания («функция общественного

сознания»), психики как функционального свойства, функционального отражения, соотношения процессов функционирования и развития, законов науки, способов детерминации явлений (соотношение функциональности и причинности), сочетается с многозначностью, неопределенностью содержания этого термина. Причем, его многозначность и неопределенность обнаруживаются как в отношении к специфическим предметам наук (в математике, логике, психологии, физиологии, лингвистике, социологии функции определяются различным образом), так и в связи с мировоззренческой, методологической оценкой места и роли функций в бытии, природы функциональных свойств и зависимостей. Не только в прошлом, но и в наше время создаются новейшие версии функциональной телеологии, основанные на интерпретации биологической целесообразности, социальных свойств вещей или явлений духовной жизни. Известный философ Э. Блох предложил концепцию «авроры-функции», или «утопической функции», как фатального целеполагания, которое выражает общую направленность человеческой культуры, интенцию деятельности за пределами самой деятельности. Блох считает подобное полагание предвосхищением грядущего, выразимым в понятиях Надежды, Влечения, Высшего Блага, неизбежностью утопии, притом видит в своей концепции возможность сближения с марксизмом, готизации марксизма, слияния марксизма и христианства.

«Аврора-функция» истолкована как предельный горизонт деятельности, который можно предвосхищать в надежде, но нельзя предвидеть научно (отсюда придание идеалу формы утопии). Многие, подобно Блоху, видят в функциях выражения свободной игры духовных сил (человеческих либо сверхчеловеческих, в данном случае не это важно), способность сопрягать одну с другой в сфере понятий реально, объективно несоединимые вещи.

Полагаю, здесь верно интуитивное схватывание самого наличия онтологического аспекта функциональных зависимостей и связей. Понятие функционального бытия - это характеристика последнего в качестве пред ставшего, незавершенного, бытия только виртуального, т.е. выраженного в потенции, до оформления какой-либо предметности.

Согласно идее автора «философии символических форм» Э.Кассирера, различные сферы культуры представлены их символическими функциями как конститутивными принципами, свободно творимыми человеком независимо от вещного мира и становящимися основанием созидания последнего. Здесь действительно угадывается наличие детерминирующей роли функции, но с отрывом, отделением функционального бытия от того, функцией чего оно является. Вообще в западной философии XX века функции и функциональные свойства трактуются чаще всего в контексте интерпретации биологических и (или) социальных свойств и качеств или даже исключительно явлений духовной культуры. В отечественной литературе близкая точка зрения на понятие функции разрабатывалась А. Ф. Лосевым. По его мнению, функциональная связь отличается от реальных связей, где царят не функции, но вещественные принципы и действия, чисто силовые и материальные связи (1). Функциональность выражает, следовательно, мыслительный, отвлеченно-смысловой, а не материально-реальный характер взаимосвязи явлений, не имеет онтологического статуса. Кроме того, распространен тяготеющий к позитивизму логико-семантический контекст анализа. Позитивистская ориентация просматривается в тех логико-методологических исследованиях, в которых функции понимаются как выражение природы исключительно и только математических символов (В.Гейзенберг, Е. Вагнер), как условные соглашения

(А.Пуанкаре). Такие крупные представители логико-лингвистического анализа, как Г. Фреге и Б. Рассел, видели в функциях универсальные логические формы - основу исчисления теоретических объектов любой природы. Подчеркнем, что само по себе понятие пропозициональной функции в математической логике или лингвистике продуктивно, а его использование вполне обосновано, - речь сейчас идет о некорректности интерпретации, согласно которой за такой функцией видят лишь субъективную логическую форму, а не объективное отношение самой действительности.

Остановлюсь подробнее на способе функциональной интерпретации социальных свойств вещей, норм и ценностей культуры в теории социального действия Т.Парсонса, который синтезировал функциональные идеи Г. Спенсера в биологии и Э. Дюркгейма в социологии труда с теорией ценностей М. Вебера (2), а также в оказавшемся неожиданно близким социологическому функциональному по духу эмерджентистском материализме (3). Внимание сосредоточим на выявлении проблем и позитивного содержания функционального подхода, которые удалось раскрыть в рамках названных направлений.

Как уже отмечено, одним из источников идей Парсонса стало теоретическое наследие Г. Спенсера. В 60-е годы XIX столетия последний на материале биологии показал, что развитие сопровождается нарастанием разнообразия в развивающейся системе и что этот процесс протекает в форме дифференциации функций. В то же время существуют внутрисистемные факторы интеграции, обеспечивающие формирование новых связей и сохранение целостности системы. Он дает превосходный анализ кооперативного поведения частей биосистем, явления их коадаптации (взаимоприспособления) - вплоть до вывода о наличии «функционально-причинных» видоизменений и предположения об их унаследовании. По Спенсеру,

«развитие есть интеграция материи, сопровождаемая рассеянием движения, во время которой материя переходит от состояния несвязной и неопределенной однородности к состоянию определенной и связной разнородности, а неизрасходованное движение претерпевает аналогичное же превращение»(4). Следовательно, появление разнообразия в процессе развития компенсируется интеграцией, гармонизацией, преодолением различий, становлением тождества. Замечу, что тем самым было намечено перспективное направление современных исследований по функциональной теории организации (5), особенно после возникновения кибернетики и теории систем, и подчеркну существенный вклад в эти исследования А. А. Богданова. В 20-е годы XX столетия Богданов предпринял первую попытку разработки всеобщей организационной науки (тектологии), в основе которой находились бы принципы функциональной организации (6). Он уже прямо связывает рост разнообразия, сложности с образованием новых возможностей в системе как возможностей ее собственных, действенных состояний. «Тектологический прогресс... ведет к усложняющейся организации форм, - пишет Богданов-, ибо в них накаплиются приспособления к новым и новым, изменяющимся условиям. Усложнение, в свою очередь, благоприятно для развития пластичности, так как увеличивает богатство возможных комбинаций» (7). В этом же направлении раскрытие особого статуса возможностей, когда связи в системе и их потенциальные комбинации становятся, по существу, беспредельными, изучение функциональных механизмов организации продолжается в настоящее время. Эти связи «не заданы заранее, но фиксированы только в возможности» (8). Единство дифференциации и интеграции, нарастающей неоднородности и роста целостности путем возникновения новых взаимодополнительных связей и координации частей в условиях противоречия возможного и действительного -

основные и предельные принципы функциональных организаций, которые, как подчеркивается в литературе, являются, в сущности, всеобщими и должны быть использованы при построении общей теории систем (9). Сложность вопроса, однако, в том, что ни механизм функциональных связей, ни статус их бытия, ни способ локализации функций не были достаточно убедительно раскрыты Спенсером или Богдановым, - и сегодня это в значительной степени открытые вопросы науки. Парсонс, опираясь на результаты Спенсера и исходя из задач социологии, результатов Дюркгейма (анализируя разделение труда как его функциональной дифференциации), пошел по иному и более легкому пути: в качестве системообразующих он ввел веберовские культурные нормы и ценности, в отличие от Вебера релятивизированные к действительности, вплоть до отдельной личности. Социальное действие - «эмерджентный феномен», культурно определяемый, но не сводимый к своим определениям. Это отчасти позволило Парсонсу преодолеть безличностную, автоматическую логику социального развития, ввести вместо случайного генерирования социального разнообразия идею его сознательной организации и выбора, направленности эволюции, во всяком случае эволюции отдельной личности («теория реального волюнтаризма»). Приращение какого знания о функциях дает такой подход? Во-первых, функционально задается диапазон физической детерминации при выборе средств для достижения ценностных, нормативных ориентиров при всем том, что в пределах этого диапазона средства деятельности детерминированы физически. Во-вторых, функционально обуславливается системность личности, общества как подсистем действия («эмерджентного феномена»). Они культурно детерминированы, и это не физическая, а функциональная детерминация. Это, верное в принципе, в

идее, рассмотрение противоположных - причинных и функциональных - детерминант социального процесса и составляет вклад социологического функционализма в познание функции. Внимание функционалистов концентрируется на взаимоотношениях структурных и организационных переменных в системных контекстах. Организационные переменные (прежде всего ценности и нормы) интегрируют части в целое, упорядочивают стадии процесса выяснения их роли в деятельности более крупных структур, элементами которых они являются.

Следует отметить, что социологический функционализм противопоставляет материальное и духовное как по существу независимые в своих истоках стороны социального действия. Парсонс делает акцент на равновесии функций как норме системы, а затем вводит (по существу, аксиоматически) логику функционирования от ценностей через нормы к коллективам (социальным общностям) и от них - к функциям (ролям), а затем уже к индивидам (10). Непроясненность онтологического статуса функциональных связей приводит здесь к некорректным, как я полагаю, выводам. В результате идеология превращается в конечное основание (порождающий фактор, причину) общественной жизни. Установка на нормы и ценности тяготеет к неоправданному субъективизму и волюнтаризму (функционально-нормативные аспекты человеческой деятельности рассматриваются как спонтанный продукт духа, как социально-индетерминированные). В силу сказанного представляется, что функционалисты не отвечают на ключевые вопросы, без ответа на которые применение функционального подхода к любой сфере исследований лишается смысла: как рождаются те или иные функции в системе вплоть до ее норм и ценностей; как они изменяются, развиваются; каков механизм их детерминирующего воздействия и их субстанционализации, которая, конечно, не может получить

объяснение простой ссылкой на «свободное» принятие роли со стороны индивида. Не находят ответа и вопросы о том, как разрешается противоречие интеграции и дифференциации, какие закономерности определяют форму, порядок, организацию системы. По моему убеждению, ответы на эти вопросы с применением функционального подхода требуют опоры на более глубокий мировоззренческий фундамент, на принципы предметной деятельности и деятельного понятого отражения. Опора на эти принципы позволяет видеть, что общественные отношения есть функциональные переходные (и в этом смысле виртуальные, потенциальные, неустойчивые, исторически не оформленные) состояния совместной (разделенной и кооперативной) жизнедеятельности социальных индивидов. Функциональное бытие социальных связей не прекращает существования и тогда, когда последние интериоризуются, «входят вовнутрь», превращаются в жизненные («сущностные») силы индивида, реализуются как его потребности и интересы. Направленность интереса функциональна по своей природе, так как и общественные отношения, и потребности данного конкретного индивида объективированы в очеловеченной природе, в социальных свойствах вещей.

Социальные связи, общественные отношения объективны, однако существуют лишь постольку, поскольку существуют реальные, живые люди и покуда они существуют. Последнее не означает, что они существуют только во «внутренней структуре» личности. В определенном смысле - в смысле их функционального бытия - общественные отношения (как и язык, сознание) существуют в пределах межличностных социальных структур. Но определяются они не этими структурами, а производящими свою жизнь (К. Маркс) людьми как единственными творцами - хотя и не единственными

носителями - общественных отношений. Функциональные характеристики систем - это материальная субстанция, отделившаяся от себя самой, реализующая себя в ином субстрате, т.е. всякий раз иначе, по-новому, уникально. Противоречие субстанционального и функционального содержаний разрешается в процессе функционально детерминированного развития, обновления.

Эмерджентный (эмерджентистский) материализм вырос как будто из других оснований, из критики теорий тождества ментального (духовного, психического) и физического, из обсуждения mind-body problem, называемой в нашей литературе психофизической и включающей психофизиологический аспект. В 60-70-е гг. это направление развивалось как функциональный материализм (Х. Патнем, Д. Льюис, А. Данто, Дж. Фодор), сложившийся в дискуссии со сторонниками так называемого «научного материализма». В рамках последнего была предпринята попытка элиминировать духовное как фантом ненаучного мышления, откуда произошла его разновидность - «элиминативный материализм» Р. Рорти, Г. Фейгля, Дж. Смарта, Д. Армстронга; смягченный вариант «научного материализма» представила другая его разновидность - «теоретический материализм» Дж. Корнмэна, Т. Нагеля и других, признающих эмпирический факт существования психического и переводящих проблему редукции ментальных явлений на уровень теоретического описания. Здесь нас интересует существо аргументов функционалистов, обосновывающих нередуцируемость к физическому и вместе с тем незлеминируемость из теоретического описания функциональных свойств и связей в системах. Была предложена программа исследования функциональных состояний как системных, как выражающих бытие в отношениях, включая отношения к физико-химическому составу, нейромозговым процессам,

поведению (11). А. Данто рассматривает функциональные отношения как семантические, непосредственно подводя к «эмерджентному» пониманию функций с культурологических позиций, как выражающих социальные свойства и качества. «Ментальное» рассматривается как эмерджентный результат воплощения в сознании человека социально-обусловленного содержания. Согласно Дж.Марголису, духовные явления должны описываться как свойства высокоорганизованных материальных систем, эмерджентные потому, что они есть продукт развития этих систем, присущи им лишь как целостным образованиям и образуются посредством воплощения. По существу, здесь Марголис вплотную подходит к пониманию функциональных отношений как реализации свойства социального отражения, ставит (в отличие от Парсона или Мертона) вопрос о локализации функций. «Воплощение» есть отношение представленности, данности друг другу предметов, обладающих интенциональным свойством «иметь смысл» (т.е. семантически сопряженных). «Оно имеет место между физическими телами и сущностями, - пишет Марголис, - которые существуют только в культурной ситуации, но которые вместе с тем не могут существовать помимо физических тел»(12). Такой подход позволяет автору частично совместить индивидуальность и тождественность (как становление тождества), связь и развитие. В то же время констатируется особый способ бытия «эмерджентных сущностей», не редуцируемый к физическому. Но это весьма отдаленный от действительности образ функционального бытия. Марголис близок к социологическому функционализму, хотя сам он и не замечает этой близости: ни Парсонс, ни Мертон не упоминаются в его работах. Однако аналогия несомненна: и здесь и там он чрезмерно развивает «физическое» и «социальное» (культурное), чтобы затем уже соединить их довольно искусственным образом, вместо того, чтобы

раскрыть процессуальное единство их совместного становления. Признавая «каузальную роль психического», он весьма «необычно» изображает связь социального и природного в человеке: «Однажды возникнув, личность вступает в отношения со своим телом и может даже вызвать ... изменения в нем» (13). Ограниченностью концепции Марголиса следует считать также сведение им функциональных свойств исключительно к социальным (культурным). М. Бунге в этом отношении идет дальше, дает более общую трактовку свойству эмерджентности, определяя ее в терминах целого и частей и понимая по существу как системное функциональное свойство. Но неразработанность понятия функции приводит к тому, что уход от социальных свойств в более широкую область функциональных свойств произвольных сложных систем сразу же делает аргументацию зыбкой, неубедительной.

Сегодня понятие функции превратилось в общенаучное. Выполняет ли оно в действительности роль общенаучного? При первом знакомстве с употреблением термина «функция» в различных научных дисциплинах создается впечатление, что речь идет о различных понятиях. Действительно, в современной науке не выработано общезначимого понятия функции. Математики, употребляя термин «функциональная зависимость», имеют в виду определенный тип связи, соответствия величин - например между значениями аргумента и функции, функции и функционала и т.д. Биологи делают акцент на назначение тех или иных частей биосистем по отношению к целому. Таковы функция органа в организме, организма в популяции. В психологии речь идет о функциональных состояниях, функциональных органах как неустойчивом во времени, отличном от физического способе бытия психики (в частности, мышления, чувств, переживаний человека). Социологическое понятие функции, во всяком случае в рамках сложившейся традиции, подразумевает описание

социальных ролей индивидов, групп в обществе как внешнего проявления свойств на уровне их отдельных носителей. В кибернетике и теории систем функции связывают с совокупным интегративным действием множества компонентов системы. Возможны также (и в литературе широко представлены) различные комбинации указанных представлений. Так, используя идеи кибернетики и системного подхода для описания общества как системы, В.Г.Афанасьев в определенной мере синтезирует различные определения понятия функции, приходит к правильному выводу, что функция - это особого рода активность, что она именно интегративный результат функционирования образующих систему компонентов. Но автор рассматривает функции вне их самостоятельной созидательной активности, так как не придает значения связи функциональных представлений в науке с процессами превращения возможностей в действительность. Функция рассматривается наряду с другими аспектами целостной системы: системно-структурным, управленческим, информационным, среди которых находится и системно-функциональный. И хотя Афанасьев прямо не противопоставляет законы функционирования законам развития, он убежден, что функциональные законы - это законы движения общественной системы исключительно в рамках данного качества (14). Активность функции сводится, следовательно, к выражению относительно устойчивой реакции системы на изменение ее внутренних состояний и ее внешней среды, к ее, так сказать, консервативному моменту, не способствующему, а напротив, препятствующему обновлению, развитию системы.

4

В кибернетике рассматривается связь функциональных процессов с процессами информационного отражения. Управление - это сторона процесса отражения в кибернетических системах, его составная часть,

специфическое функциональное реагирование, на что указывают многочисленные определения управления как функции, как переработки информации в сигналы, направляющие деятельность машин и организмов, перестройки системы, процесса ее приведения в «нужное» состояние. Управление, следовательно, полностью не совпадает с движением ни в какой его форме, является отличным от движения упорядочивающим фактором последнего, функционально организует движение. Различают меру управления, которой является информация, и меру движения (энергию). Но это свойство управления вместе с другими (избирательностью, направленностью, цикличностью, функциональной связностью физически разделенных управляющей системы и управляемого объекта) как раз и доказывает органическую связь управления с отражением, подводят к пониманию близости содержания понятия функции и категории отражения, к раскрытию роли отражения в обеспечении преемственности развития. Посредством отражения (взаимного воспроизведения вещей, данности их одна другой) результаты развития сохраняются в общей динамике возникновения и уничтожения вещей, но не физически, а функционально, путем перестройки организации отражающего, которая осуществляется как воспроизведение особенностей отражающего в форме новых возможностей отражаемого. В несубстанциональном, функциональном способе бытия этих возможностей реализуется частичное сохранение отражаемого (его особенностей, содержания и т.д.) и вместе с тем опережение действительности, функциональное «как бы» вынесение вперед, предвосхищение, связь того, что есть, с тем, что будет. Наиболее отчетливо тождество функциональных связей и отношений отражения просматривается в процессах опережающего отражения действительности. Посредством управления функциональное бытие при определенных

условиях субстанционализируется, что составляет отдельную и достаточно сложную проблему.

Действительная форма соответствия, с которой связано отражение, - это функциональное соответствие. В современной математике происходят серьезные сдвиги в сторону разработки аппарата, выражающего процессуальный, динамический характер функционального соответствия, деятельное отображение морфизмов, перенос их с одного объекта на другой. При этом изменения второго состоят в воспроизведении характеристик одной величины (аргумента, функции) в изменениях другой (функции, функционала соответственно). В физиологии, психологии функция определенно рассматривается как самореализация «воплотившегося» на подходящем материальном субстрате отраженного содержания, как системное свойство («функциональный орган»), находящее выражение в специфическом реагировании, влиянии системы «на себя» и на свое окружение.

Сложность восприятия функциональных процессов за пределами социальных форм в том, что, обнаруживая себя лишь по своей роли функции в системе, они «уплывают» из поля зрения исследователя при всяком частичном, несистемном их анализе: то, что в изучении социальной реальности даже по частям оказывается доступным рефлексии (в функциональных процессах отражения она «у себя дома»), недоступно физическому эксперименту. Лишь в тех случаях, когда удастся достаточно строго выделить развивающуюся систему (популяцию, многоклеточный организм, клетку), становится возможным локализовать носителя функции (организм в популяции, клетку в организме, геном в клетке), но не сам «функциональный орган», который не локализован в физическом смысле, представляет собой «виртуальный системный эффект» развития.

Поэтому исключительно нужной считаю экспликацию в общенаучном контексте математических представлений о функции и их эволюции. Функция представляет собой одно из основных математических понятий XX века, когда функциональному анализу стала принадлежать в математике выдающаяся роль. Но так было не всегда: после введения в математику понятия функции понадобилось более двух столетий, чтобы было осознано его действительное значение для развития математического познания. Это понятие (лат. *functio* - осуществление, исполнение, деятельность) в неявной форме содержится в работах Декарта, Ферма и впервые получает интерпретацию в трудах Лейбница, Дирихле. Лейбниц использует его для обозначения **отношения зависимости** между свойствами кривых линий и касательных к ним (либо их нормалей) в точке. В первый раз идея функции выдвинулась в число доминирующих в алгебре и геометрии в XIX веке в процессе разработки символической алгебры. Первое обобщение принадлежит И. Бернулли, который в 1718 г. определил функцию как произвольное аналитическое выражение; в геометрии задачи о касательных стали решать путем аналитического вычисления дифференциалов, а арифметика получила более общую алгебраическую форму исчисления высказываний с постоянными и переменными коэффициентами. Здесь уместно вспомнить введенное Дирихле понимание функции как обозначение **соответствия** переменных величин: если X и Y , переменные величины, связаны в своих изменениях так, что изменение Y зависит от изменений X и соответствует ему, то $Y = f(X)$ есть функция аргумента X . Природа функционального состояния соответствия (зависимости, связи) выяснилась прежде всего применительно к основной задаче математического анализа: изучению операций **дифференцирования** (интегрирования), **пределов** и **сходимости** к пределу. Это означает требование

количественной соизмеримости сопоставляемых переменных в рамках меры.

Переход к алгебраическому анализу происходил в условиях переосмысления предмета математики как науки о числах и фигурах в сторону ее понимания, господствовавшего до недавнего времени в качестве универсальной теории структур (15). Возрастание математиков к количественным и качественным методам исследования в естествознании (качественный анализ в период возникновения экспериментальной науки) стали рассматривать как низшую, «доколичественную» ступень познания. Этим определяется и подход к проблеме интенционального содержания, к функциональным связям, их плотности и т.п. Еще Аристотель ввел в математику способы описания интенсивного и экстенсивного - в частности в связи с изучением движения, его усиления или ослабления. Но разработанные им методы качественного сравнения и анализа не вписались в математический аппарат науки XV^{II}-XV^{III} вв., были оставлены за пределами математики как методы «квалитативной метафизики». Со времен Ф.Бэкона только то получает право считаться наукой, что выразимо на языке экстенсивностей и количественных отношений. Количественные представления входят в анализ соотношения силы, сопротивления, движения, интенсификации (усиления) и ремиссии (ослабления) разнообразных связей, форм, качеств - не только, скажем, теплоты и света, но и доброты, святости и др. Это означало, что переход к пониманию количественного описания как «более научного», чем качественное, обуславливал приоритет количества над качеством в мышлении теоретиков. Наряду с генеральной линией развития математики как науки о «чистых» количествах в направлении к теории структур намечались и пути разработки новых качественных методов, которые позволяли бы сравнивать, соотносить вещи, процессы с

различными мерами - типа отношений толерантности или упорядочения по возрастанию сложности, но с сохранением соответствия. Это уже качественные методы постколичественной математики, такой качественно-количественный анализ, который выходит за пределы отдельной меры в область отношений вдоль узловой линии мер развивающейся, имеющей собственную историю действительности. Такой подход необходимо должен был найти отражение в новом витке эволюции математического знания. Основной нерешенный вопрос математического анализа касается онтологического статуса функциональной связи: выражает ли она теоретическую форму эмпирически-причинных зависимостей, является абстракцией, описывающей причинные отношения и законы, или же это не абстрактно, а конкретно-всеобщее понятие, посредством которого воспроизводится отличная от причинной закономерная связь в самой же действительности? Выше были приведены многочисленные свидетельства в пользу второго понимания, раскрывающего теснейшую связь содержаний понятия функции с категорией отражения. Моделирование функционального пространства-времени возможностей как накопленного содержания отражения, непрерывности функций при качественных превращениях вещества или поля как способа сохранения преемственности в развитии посредством отражения составляет перспективу функционального анализа, предполагающую отказ от гипотез однородности, изотопности пространства-времени развивающейся системы.

Что касается специфики функциональной связи, то в математике она близко «схвачена» в понятии корреляции, существенно проясняющем природу функциональной зависимости. Функция корреляции описывает плотность, интенсивность связи, степень не причинной зависимости двух скоординированных в своем поведении явлений. Во

временном аспекте эта функция позволяет выразить степень преемственности состояний одной и той же системы (автокорреляционная функция). Тем самым появилась как будто возможность включить в математическое описание систем принцип историзма, преемственности новообразований, связь состояний развивающейся системы. Однако исключительная сложность такого описания и отсутствие в прошлом практической потребности в нем, обусловили теоретико-вероятностную, статистическую трактовку корреляционной связи, и внимание привлекали, например, лишь такие функции автокорреляции, значение которых уменьшается во времени. Таким образом, совершенно правильно выделяемая в литературе характерная черта корреляционной связи (она характеризуется известной степенью неопределенности) первоначально получила поверхностно-статистическую интерпретацию.

Функциональный анализ в качестве самостоятельной математической дисциплины оформился в XX столетии в процессе объединения идей математического анализа, геометрии и теории множеств, точнее - синтеза алгебры (в том числе топологической) и геометрии (в том числе неевклидовых пространств) на базе теории множеств. Это - второй виток спирали в познании функций, приведших к более глубокому их пониманию. В процессе геометризации анализа функции стали рассматриваться как точки или векторы функциональных пространств, а последние - как многомерные, а затем и бесконечномерные (гильбертовы) пространства. Теоретико-множественное обобщение понятия функции приводит к понятиям функционала (для вещественных чисел) и оператора (для объектов математической символизации любой природы).

Функция в ее современном понимании есть отношение отображения образа в прообраз, активно упорядочивающее прообраз в соответствии с образом.

Пусть нас не смущает различие математических и гносеологических традиций: для математика образ есть отражаемое, а прообраз есть отражение, активное воспроизведение образа, в процессе которого достигается их соответствие, тождество. Предлагая новые идеи, касающиеся использования функционального подхода в математике, специалисты отмечают жесткую аксиоматическую заданность математических структур, которая порождает беспомощность в исследовании неточных по самой своей сути понятий. Таковы понятия превращения возможности в действительность, или реализуемости, а также непрерывности, выбора, детерминированности. Таковы, добавлю, любые математические понятия, описывающие развитие как процесс: математика еще не стала теорией процесса. П.Вопенка предлагает путь разработки «нестандартного» анализа, уделяя серьезное внимание проблемам **интенционального** содержания (следовательно, отражения и самоотражения), а также возможности его превращения в действительность. «Примеры собственных полумножеств известны издавна, но они рассматривались как аномалии... Тем не менее мы встречаем собственные полумножества всюду, когда, изучая свойства ..., делаем упор на интенциональное содержание этого свойства, а не просто на его объем» (16). Интенциональное содержание рефлексивно, и вместе с тем оно воспроизводит системные свойства, выраженные как возможность элемента - носителя этого содержания. Поэтому предположения Вепенки представляются современными и перспективными, особенно в связи с анализом аксиом выбора и детерминированности.

Возможность долгое время интерпретировалась математиками как **осуществимость**, - то, что неосуществимо, скажем, в силу запретов природы, или свойств пространства и т.п., то невозможно, как

невозможны четыре взаимно перпендикулярные прямые. Начиная с Больцано общепринятой стала иная, идущая от логики интерпретация, отождествляющая возможность с **непротиворечивостью**: объект возможен, если он непротиворечив. На примере канторовской теории множеств Вopenка показывает неприемлемость такого понимания возможного для раскрытия природы процесса, действия, развития. Мы не можем предложить какого-либо акта или действия, которое было бы закончено и переводило бесконечное множество из состояния возможности в состояние существования (17). Всякий перевод такого рода, будучи **отображением**, сопровождается ограничением отражаемого содержания, фильтрацией, выбором из возможного. В то же время, устанавливая связь соответствия, воспроизводя соответствие, отображение функционально ограничивает круг возможного, реализация одних возможностей устраняет другие. Поэтому вполне обоснованно Вopenка считает недостаточным связывать возможность в математике только с понятиями непротиворечивости или осуществимости: первое слишком отдалено от реальных процессов, которые противоречивы, второе недостаточно схватывает взаимное влияние возможного и действительного. Область осуществимых множеств может оказаться несовместной, одно может исключать другое. «Переводя множества в состояние существования, мы начинаем фильтровать область осуществимых множеств» (18), тем самым сужая ее. «Поэтому мы будем говорить, - пишет автор, - что процесс осуществления всегда протекает на некотором фильтре осуществимых множеств».

Это продвижение к пониманию интенциональных аспектов функциональной зависимости и отражения, информации. Математические аксиомы выбора, а затем и детерминированности эксплицируют, как мы полагаем, представление об избирательности отображений и

функционального упорядочения моделей развивающейся системы. Несколько огрубляя, предложенную Цермело в 1904 г. аксиому (принцип) выбора можно интерпретировать в следующем смысле: существует функция, позволяющая выбрать из некоторого множества произвольное его подмножество. Отсюда известная теорема Цермело: всякое множество можно вполне упорядочить. Но это означает, что произвольное множество может быть упорядочено, и принципом такого упорядочивания оказывается функция (семейство функций), а не структура. Многочисленные возражения Бэра, Лебега, Брауэра, советского математика Н. Н. Лузина относятся не к самой идее, а к ее математической нестрогости и невозможности критерия, по которому следует выбирать элементы множества. Но оказалось, что математика не может обойтись без применения этой аксиомы в доказательствах, относящихся к функциональному анализу и теории меры: доказательство многих теорем предполагает упорядочение множества, а упорядочение осуществляется в соответствии с функцией выбора.

Следовательно, аксиома выбора и понятие фильтра становятся необходимыми, когда мы от математики структур переходим к математике функций, от устойчивых состояний к их возможностям, от алгоритмов и машинных программ (в смысле структурных предписаний последовательности действий) к теории функций и функциональной организации модели.

В последние десятилетия в трудах отечественных и зарубежных ученых наметился новый этап познания сущности функций и функциональных отношений в биологии. В теории функциональной системы П.К. Анохин доказал, что весь механизм такой системы построен на опережающем отражении действительности, которое детерминирует поведение, совмещая в содержании отражения в виде возможности «планы» индивидуальной

памяти, родового опыта, актуального отражения. Посредством отражения формируется функциональное состояние системы, превосходящее будущий результат ее поведения в качестве возможного. Опережение носит не абсолютный, а относительный характер, функциональное отношение существует не наряду с субстанцией, а как ее собственное отношение, выражает возможность самой деятельности. Поэтому вопрос стоит не о том, какие свойства материи обеспечивают механизм функциональной организации. Анохиным была разработана концепция специфического функционального состояния результата как нефизического состояния, отражающего возможности системы и доминирующего над ее поведением. Рефлексы выступают здесь в качестве условия сохранения и поддержания результативности, направленности, целесообразности поведения, инерция движения компенсируется опережающим отражением. «Какие силы сохраняют цель до момента ее реализации?» - спрашивает Анохин. И отвечает: «Оказывается, рефлекторный аппарат. Наши действия дают ответвления возбуждения, которые заряжают части мозга, и эти импульсы идут обратно в мозг., и там они все время дают энергию для формирования цели» (19). При этом существенные признаки будущего результата динамически формируются благодаря многосторонним процессам афферентного синтеза с извлечением из памяти прошлого жизненного опыта и его результата, т.е. посредством «исторического» отражения.

Включение в анализ функций опережающего отражения действительности составляет не условие или предпосылку, а суть концепции функциональной системы. В последней именно функциональная модель-отражение, организованная на определенном вещественно-энергетическом носителе, сама же становится фактором дальнейшей организации, детерминации системных изменений. На это все еще обращается недостаточно внимания. Акцептор действия

предвосхищает не сам результат как возможность (в этом статусе функционального бытия результат уже имеется до осуществления действия в качестве отражения - модели), а лишь афферентные свойства результата (20), т.е. ту стадию процесса отражения, на которой он предстает как специфическое реагирование и превращение возможности в действительность, как субстанционализация функционального.

В этом пункте обнаруживается теснейшая связь биологических и психологических исследований функций. Не случайно Анохин получил свои результаты в области физиологии высшей нервной деятельности. В фундаменте связи лежит тот факт, что психика, сознание суть отражение действительности и вместе с тем функция определенным образом организованной материи. Психологическая наука позволяет глубже понять, как, каким образом отражение и функция могут быть активными организаторами вещественного процесса.

Современное опережающее развитие науки превращает исследование в мысленный эксперимент в мире возможного, рефлексия о действительном не как существующем, а - сущем, в котором все действительное обременено своим возможным в качестве его же, действительного, перспективы. Методологической нормой не только научного, но и духовного творчества вообще, всей культуры, «духом времени» становится стремление ученого, писателя, живописца, композитора не отчуждать от себя предмет исследования, а «быть его частью», вчувствоваться, вживаться в действительность. Для ученого-теоретика такое вживание включает вмысливание самого себя в объективное отношение самого мира. Вот это-то обстоятельство бытия психики, мышления в предметной ткани действительности стало объектом пристального внимания психологии. Как заметили В.П.Зинченко и М. К. Мамардашвили, психологическая реальность бытия

человека в мире - это не факт его отношения к действительности: психически интенциональные процессы с самого начала привлекаются к анализу как отношение к действительности (21).

По нашему глубокому убеждению, эта ситуация не является новой для психологии в аспекте своего **возникновения**, она лишь **проявилась** как необходимость сегодняшнего дня, и двигателем этого проявления стала сама жизнь современного человека, ее изменившийся темп и ее ускорившееся необратимое обновление. Роль ученого в этих условиях все более изменяется: он не может оставаться бесстрастным летописцем событий, превращается в их провозвестника, предвосхитителя. Если не так давно многие ученые предпочитали видеть свое назначение в поиске **прецедентов**, следовательно, в накапливании знаний о том, что и как «должно» быть, **ибо уже встречалось ранее**, апробировано общественной практикой, то теперь мы решительно подвергаем сомнению испытанное на практике, поверяя его тем, как оно **относится к развитию**, повернуто к прошлому или к будущему, к деградации или прогрессу. В наших отношениях в природе бессмысленно искать прецеденты для решения сегодняшних проблем, ибо это **новые проблемы**, решаемые лишь на пути постоянного качественного обновления системы «общество-природа», обновлении опережающем, сначала «знающем», а затем уже «делающем». Здесь существенно, правда, что это знающее делание предстает в ином и новом свете отношения к миру с позиций потенциализма. XXI век будет, по моему глубокому убеждению, опираться на принцип не силы, подчинения и покорения, ставшими символами XX века, а потенции, ориентации на глубокое постижение и вслушивающееся познание возможностей бытия, его потенциальных предсостояний. Смысл дальнейшей разработки онтологии функциональных связей и состояний

можно видеть в готовности к предстоящим изменениям образа рациональности в науке, в понимании человека. Человек лишь посредник в специфических формах превращения возможностей в действительность. Тем более это верно в отношении сферы внутрисоциального. Общественные отношения подвергаются испытанию на трансформацию еще более быструю, еще более радикальную. Быть хозяевами природы, подчинить ее, не ждать от нее «милостей», а взять у нее то, что нам нужно, и притом чем больше, тем лучше - это ведь проекция на всю доступную действию человека реальность той социальной модели деятельности, которая в различных, но непременно эгоистических формах власти и порабощения господствовала вот уже на протяжении ряда тысячелетий, но стала особенно привычной и поэтому кажущейся незыблемой в XX столетии.

Потому-то психологические исследования объективности психического, функциональных органов в советской психологической школе (Л. С. Выготский, А.Н.Леонтьев, А.Р. Лурия, В. П. Зинченко и др.) актуальны и необходимы. Приведу выдержку из работы Зинченко и Мамардашвили, в которой отражение и функция, функциональная организация отражения как связи находятся в фокусе исследования, подводя читателя к пониманию того, что есть «функциональный орган» в психологии. «Теоретические объекты психологии, - пишут авторы, - представляют собой объекты данной, **особой** действительности..., в деятельности сознательных существ ... происходит как бы удвоение и повторение явлений в зазоре **длящегося** опыта, позволяющем этим существам обучаться, самообучаться и эволюционировать... Такая система отсроченного действия представляет пространство (функциональное - В.К.), куда задолго до итогов процессов, дающих мотивационно, перцептуально, мнемонически, эмотивно и т.д. организованный внутренний мир

сформировавшегося в своих функциях существа, - вторгаются символизирующие вещественные превращения объективных обстоятельств, дающие при этом вполне телесно, а не субъективно действующие образования, развернутые вне интроспективной реальности.

Эти материализованные превращения, эти психические замещения вместе с **физическим случившимся или происходящим** - и вне рамок классического различения внешнего и внутреннего - являются естественно развивающимся основанием находимого на другом полюсе мира восприятий, переживаний, содержания интенций, симультанных целостностей гештальта... иными словами, это уже особые цельные... объекты..., рассматриваемые внутри их собственной истории. Они-то и сохраняются во всем последующем функционировании психики как (порой скрытые) определения, **как детерминистические связующие воздействий** (подч. мною - В.К.) и побуждений» (22).

Носители перцептивных или мнемонических смыслов и значений - «вне индивида развернутые деятельностью образования, чувственная ткань, сплетенная квазивещественными превращениями действительности и ставшая органом вычерпывания из нее информации...»

Авторы называют этих носителей «экстрацеребральными вещественными символизациями деятельности и ее биодинамических схем», полагая, что это и есть функциональные органы психологии. Это особое бытие, требующее для его понимания разработки нового понятийного, математического аппарата, «неэвклидовой реальности полей и пространств», своеобразного «четвертого измерения» действительности (23), того, что допустимо связать с понятием функционального бытия возможностей как отражения-отношения. К близкому выводу приходят и авторы цитируемой работы, когда соответствующие концепции функционального органа

объективно-психическое помещают «между» когнитивной и исполнительной деятельностью субъекта. Психическое как содержание отражения не относится ни к цели, ни к мозгу, живет в «квазипредметном измерении бытия». Это особая и вместе с тем детерминирующая поведение реальность, состоящая в реальности функций психической жизни, что в числе первых осознали и стали использовать в своих моделях специалисты в области психологии труда и эргономики, которые проводят исследования в терминах типа: пространство моторного поля, «образ-манипулятор» и т.п. Функциональный орган не есть нечто вещественное, оформленное, занимающее определенный объем пространства. Под компонентами функционального органа понимаются различные формы активности, в том числе направленные действия или фазы процесса деятельности. С позиции концепций функционального органа можно предположить, что внутренняя моторика - это представления субъекта о пространстве возможных действий или возможных способов действия в той или иной ситуации.

Следовательно, функцию можно интерпретировать как свойство развивающейся системы, состоящее в избирательной закономерной организации (упорядочении) движения компонентов системы, направленной на активное взаимоотношение, достижение соответствия, совместимости, вписанности системы в условия ее изменяющегося окружения посредством превращения возможного в действительное. Функция - организатор отбора вещественно-полевых компонентов систем в процессах их развития, притом отбора сначала в возможности, а затем уже - в действительности. Возможность переходит в действительность по определенному, образно выражаясь, проекту или плану - «плану» целого, «плану» результата, которые сами суть лишь основанные на свойстве отражения относительные,

преходящие формы направленности, упорядоченности вдоль узловой линии меры процессов развития.

Литература

1. Лосев А.Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы мышления //Вопросы философии. 1998. № 8. С.146.
2. Parsons T. The social systems. N.Y., 1951.
3. Марголис Дж. Личность и сознание: Перспективы нередуктивного материализма. М., 1996.
4. Спенсер Г. Основания биологии. Соч.: В 2 т. СПб, 1899. Т.2. С.238.
5. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. М., 1972.
6. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). М.; Л., 1925-1929. Ч. 1-3.
7. Богданов А.А. Цит. Произв. С. 156.
8. Фукс-Киттовский К. Проблемы детерминизма и кибернетики в молекулярной биологии. М., 1980. С. 235.
9. Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы //Системные исследования: Ежегодник. 1971. М., 1972. С.202.
10. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии. //Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 30.
11. Putman H. The Mental Life of some machines (Modern) Materialism: Reading on Mine-Body identity. N.Y., Chicago, 1969. P. 221.
12. Марголис Дж. Личность и сознание: Перспективы нередуктивного материализма. М., 1996. С. 359.
13. Марголис Дж. Личность и сознание: Перспективы нередуктивного материализма. М., 1996. С. 359. С. 140-141; 67.

- 14.Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980. С.45, 138, 143.
- 15.Бурбаки Н. Архитектура математики. М., 1972.
- 16.Вопенка П. Математика в альтернативной теории множеств. М., 1983.С. 14,36.
- 17.Вопенка П. Математика в альтернативной теории множеств М., 1983. С. 122-122.
- 18.Там же. С. 132
- 19.Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избр.труды. М., 1978. С.46.
- 20.Там же. С.47.
- 21.Зинченко А.П. Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии. //Вопросы философии. 1977. № 7. С.117.
- 22.Там же. С.118.
- 23.Там же.

И.Я.Лойфман
Екатеринбург

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩЕГО

В условиях нынешнего мировоззренческого плюрализма, широкого тиражирования религиозно-идеалистических и постмодернистских представлений о материальном и идеальном бытии представляется целесообразным подчеркнуть основополагающие определения сущего, установленные в диалектико-материалистической онтологии как итог миропознающей деятельности человека и как ее методологические ориентиры.

Существовать - это значит быть единством противоположностей. Таков исходный принцип диалектической онтологии, реализующийся посредством

пар полярных категорий, или пар противоположностей. Каждая из таких категориальных пар есть элемент диалектики, т.е. предел делимости ее системы, ее специфический субстрат и в то же время генетически исходная форма системы, ее начало (зародыш, «клеточка»). Учитывая многоуровневость развертывания системы и, следовательно, разнопорядковость ее элементов, можно выделить в диалектической онтологии первоэлементы, которые и будут основополагающими определениями сущего.

1. Сущее (бытийствующее) организовано. Каждый предмет и каждый процесс прерывно-непрерывны, элементарны и сложны, конечны и бесконечны, случайны и необходимы, определены качественно и количественно, структурно и функционально и т.д., а это значит, что именно единство противоположностей выражает закономерность организации (сосуществования, полагания, строения и т.п.). Основополагающими определениями сущего в аспекте его организации являются **тождество и различие**.

В противовес постмодернистской эпистеме разрушения, которая абсолютизирует всякого рода разрывы и разломы, рассеяние и гетерономичность, материалистическая диалектика утверждает единство тождества и различия. Тождество в различии (сущность в явлении, необходимость в случайности и т.д.) приобретает экстенсивно-бесконечное бытие, различие в тождестве (явление в сущности, случайность в необходимости и т.д.) приобретает интенсивно-бесконечное бытие. Тождество сущего есть тождество посредством различия, т.е. тождество различного (самополагание), а различие сущего есть различие посредством тождества, т.е. различие тождественного (саморазличие). В диалектико-материалистической онтологии организация сущего есть

его **самоорганизация**, конкретное единство самополагания и саморазличия.

2. **Сущее** (бытийствующее) **динамично.**

Противоположные стороны каждого предмета и каждого процесса, воздействуя друг на друга и обуславливая друг друга, изменяются. Они не только различны, но и неравнозначны. Утверждать, что одна из противоположностей всецело определяется другой (отстаивая, например, тезис о том, что структура всецело определяется функцией), - это значит игнорировать взаимоизменение противоположностей и относительно самостоятельный характер их изменений. С другой стороны, трактовать взаимосвязи противоположности как абсолютно равноправные и абсолютно симметричные, а их закономерную связь сводить к простой параллельной изменчивости, не зависящей от времени, - это значит преувеличивать момент сосуществования противоположностей, игнорировать момент порождения одного другим, перехода одного в другое. По сути дела, в одном случае упускается из виду координация, функциональный аспект взаимосвязи противоположностей, в другом - субординация, причинный аспект этой взаимосвязи. Между тем функциональность прямо или опосредованно связана с причинностью, всегда с ней сопряжена. Сопряжение функциональности и причинности обнаруживается в каждом противоречии, что позволяет считать единство противоположностей закономерным выражением функционирования (движения, взаимодействия, воспроизводства и т.п.). Основополагающими определениями сущего в аспекте его функционирования являются **устойчивость и изменчивость**, которые представляют собой динамические модификации тождества и различия.

Нельзя согласиться с антидиалектическим противопоставлением **устойчивости, гармонии**

(уравновешивания противоположностей, их кооперации) изменчивости и борьбе противоположностей. Со времен Гераклита известно, что гармония как согласие разногласного не исключает и не дополняет изменение и борьбу, но представляет их собственный порядок. Мир есть гармония борющихся противоположностей (символ ее - лук и лира). Устойчивость сущего есть устойчивость изменчивого (самосохранение). А изменчивость сущего есть изменчивость устойчивого (самоизменение). В диалектико-материалистической онтологии движение есть его **самодвижение**, конкретное единство самосохранения и самоизменения.

3. Сущее (бытийствующее) исторично.

Противоположные стороны каждого предмета и каждого процесса, отрицая себя, переходят друг в друга и в иные формы, причем диалектика взаимоперехода противоположностей есть диалектика потенциального и актуального. Развитие идет от возможного к действительному и от действительного к возможному, количество переходит в качество и обратно, случайность становится необходимостью, а необходимость случайностью и т.д. Каждая из противоположностей в своем полном развитии превращается в свое другое, так что положительное (тождество) содержит в себе момент отрицательного, а отрицательное (различие) содержит в себе положительный момент. Различение противоположностей не должно быть абсолютным в силу того, что противоположности текучи, связаны переходами, могут изменяться по степени (степень тождественности, степень необходимости, степень существенности и т.д.). Переход, превращение противоположных моментов противоречия друг в друга имеют всеобщий и необходимый характер, а это значит, что единство противоположностей выражает закономерность развития (становления, генезиса, превращения и т.п.).

Основополагающими определениями сущего в аспекте его развития является **преемственность и обновление**, которые представляют собой генетические модификации тождества (устойчивости) и различия (изменчивости). Развитие внутренне связано с функционированием, только в функционировании формируется развитие и только в развитии протекает функционирование.

Абсолютизация преемственности, непрерывности в развитии проявляется в таких трактовках процесса развития, как ряд качественных скачков без каких-либо опосредствующих количественных изменений, как творение новых форм, не содержащих никаких элементов старого, как чисто случайный процесс, лишенный какой-либо направленности. Таким образом, антидиалектическая трактовка соотношения преемственности и обновления ведет к односторонности, к упрощенным концепциям, которые склонны переносить источник развития, в том числе качественных изменений, «вовне», приписывать их какой-либо внешней силе, которая часто оказывается духовной. Заметим здесь, что абсолютизация идеи дополнительности соотносительных противоположностей, в частности таких, как динамическое и термодинамическое состояния системы, физико-химические процессы в организме и его функциональная деятельность, биологическое и социальное в человеке, ставит под сомнение способность науки воспроизвести объект в его целостности, раскрыть генетическую связь различных структурных уровней природы, познать единство мира. Преемственность сущего есть преемственность обновляющегося (самовоспроизводство), а обновление сущего есть обновление преемственного (самообновление). В диалектико-материалистической онтологии развитие, история сущего есть его **саморазвитие**, конкретное единство самовоспроизводства и самообновления.

Итак, развернутые в определенной последовательности основополагающие определения сущего представляют собой систему категорий тождества и различия, устойчивости и изменчивости, преемственности и обновления, характеризующих сущее в методологических горизонтах организации, движения и развития. В диалектико-материалистической онтологии сущее раскрывается как триединство самоорганизации, самодвижения и саморазвития.

В.П.Стадник
Каменск-Уральский

ПОНЯТИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО НАУЧНОГО ПОДХОДА КАК ФОРМА ПОЗНАНИЯ ЕДИНСТВА ПРЕДМЕТНОГО МИРА

Все многообразие естественнонаучных знаний включает единство, поскольку несет в себе объективную тенденцию складываться в единую картину природы. Как свидетельствует история философского знания, человеческое мышление всегда направлено на то, чтобы экстраполировать полученные знания о естественных связях на некоторое целостное образование, которое именовалось «системой природы». Натурфилософская проблематика - одна из центральных в философском познании (1). И это не случайно, поскольку вместе с философствованием по поводу целостности природы человек осуществляет поиск универсальных принципов существования материальных тел.

В системах натурфилософских воззрений всех времен отчетливо выражена тенденция исследовать материальный мир как целое - вполне реальный объект теоретико-философского реконструирования, его необходимость «заложена» в самой природе человеческого мышления, ибо человеческая мысль всегда движется от абстрактно-общего ко всеобщему, от абстракции «тело вообще» к выводам о единстве «всех тел».

Но если предметный мир неизбежно выделяется человеком в его мышлении в особую целостность, то правомерен вывод об универсальной связи в системе материальных тел. Значит, переход к проблеме «всех тел» предполагает исследование объединяющего основания. В итоге надо принять, что «все предметы» не конгломерат, а представляют целокупность. Этот вывод был сделан еще в глубокой древности, например древнегреческим философом Анаксагором (ок. 500-428 до н.э.) в известных утверждениях - «все во всем», «каждое в любом», «во всем есть часть всего», «любая вещь возникает из любой» и др.

Однако проблема всеобщей связи имеет два аспекта: общепhilosophический, в котором затрагивается широкий спектр вопросов, относящихся к бытию вообще, и естественнонаучный, в котором исследуется всеобщая связь в природе. Если перейти на уровень вычленения предметной области, эта логико-гносеологическая операция представляет для нас особый интерес. Она имеет важное значение в том плане, что, во-первых, конституирует предметный мир и, во-вторых, служит основой для философско-онтологического реконструирования.

В этой связи представляется правильным отличать понятия «материальный мир» и «предметный мир». На наш взгляд, эти понятия выполняют разную логико-гносеологическую функцию в системе философского знания. Если понятие «материальный мир» включает в себя в качестве ведущей проблему материи и духа, то для

содержания понятия «предметный мир» эта проблема не является определяющей. Дело в том, что специфичность предметного мира заключается в его самоопределенности. Главное для предметного мира - это понимание его «самого по себе», без всяких внешних прибавлений. Предметный мир оказывается особым «срезом» материального мира. И необходимость в таком представлении заложена в потребности человека осмыслить действительность в ее естественном состоянии.

Итак, вопрос о конституировании предметного мира «самого по себе» является важной составной частью философского теоретизирования. Он всегда ставится и решается, например, в натурфилософских конструкциях уже в силу того, что человеческое мышление постоянно «настроено» на отчуждение независимой от себя области существования. Самосознание субъектом собственной определенности не может не сопровождаться контрастным сопоставлением с тем, что есть как таковое «в себе» и «для себя». Данная ситуация была хорошо понята немецким философом Иммануилом Кантом (1724-1804) и обстоятельно проанализирована им в книге «Критика чистого разума». В том, что И.Кант был вынужден признавать «вещь в себе», надо видеть не только некоторый логико-гносеологический принцип, но и признание того, что вне «вещи в себе» невозможно понять и «чистый разум» вместе с его априорными категориями и процедурой умозрения.

Даже субъективно-идеалистическая позиция, отождествляющая вещи с ощущениями, содержит неявно «иное» за пределами этих ощущений. Ведь все философствование субъективно-идеалистического толка направлено к тому, чтобы исключить границу между вещами и ощущениями и тем самым «растворить» вещи в сознании. Следовательно, вещи «сами по себе» присутствуют здесь в качестве своего отрицания.

Предметный мир вроде бы исключается, но разве через это отрицание он не утверждается вновь? Предметный мир как необходимая философская структура в любом случае дает о себе знать независимо от способа философствования. Мышление не может от него избавиться, а только манипулирует им, делая его либо необходимым, либо ненужным в той или иной конструкции бытия.

Из сказанного вытекает, что в философском познании человек строит метафизические «системы природы» уже в силу того, что он обременен предметностью в самой сути мышления. Ибо, только осознавая «нечто» вне себя, человек может утверждать себя в качестве мыслящего существа. Отсюда и неизбежность в системе философского знания онтологической проблематики. В онтологии воплощена необходимость человеческого разума отчуждать от себя то, что должно пребывать как самостоятельное «в себе» бытие. Это можно назвать способностью к объективации, к конструированию «иного». Но это и «десубъективация» - важная компонента мышления, неизбежно присутствующая в самоопределении сознания.

В диалектико-материалистической философии как раз и делается попытка перейти к полной самоопределенности мира вне его соотнесенности с чем-то «потусторонним» и «чуждым» ему. Все находится в нем и для него, так что проблема объективации вещей должна решаться как процедура отражения внешних предметов в сознании общественно развитого человека. Но тогда как же мыслить предметную реальность в ее абсолютной самообращенности к себе? По-видимому, необходимо использовать особую методологию, каковой и явился диалектический метод.

Продолжая начатую материалистами XVIII века традицию считать движение признаком активности материи, диалектико-материалистическая философия развивает особое видение этой активности как вполне достаточной для того, чтобы заключать в себе всю полноту

возможностей материальных преобразований. Это есть точка зрения самостоятельной творческой активности материального процесса, нашедшая свое воплощение в объективных диалектических законах движения. В отличие от довлеющих над миром извне «вечных законов природы» французских материалистов ХУІІІ века, диалектические законы «действуют» как внутренний фактор взаимоотношения материальных тел. Это фундаментальное онтологическое допущение выводит философскую мысль на качественно новый уровень объяснения бытия, именно такого объяснения, когда в предметном мире не учитываются потусторонние источники, а значит, он должен полностью опираться сам на себя. Проблема самодвижения в данном случае приобретает особое диалектическое измерение.

Мы имеем в виду переход на точку зрения эволюционно-исторического миропонимания. Согласно диалектико-материалистической философии предметный мир в своей тотальной самоопределенности разворачивается как процесс взаимопревращений, генетических переходов. Это значит, что каждое отдельное образование переживает в мировом движении собственную историю. Все в мире конечно, поскольку начинается из чего-либо иного и в конце концов превращается в иное. Поэтому существенное значение для предметного мира приобретает временно-генетический фактор. Отдельные образования возникают и исчезают в некотором историческом времени. В этой связи Ф.Энгельс пишет: «Для диалектической философии нет ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» (3).

Логическим средством воссоздания теоретического объекта всеобщего процесса возникновения и исчезновения

выступает диалектика. Именно в ней, по мнению Ф.Энгельса, надо видеть необходимые предпосылки для теоретико-философского реконструирования целостного мира материальных вещей. Диалектика, будучи призванной, согласно Ф.Энгельсу, объяснять единую связь материальных тел, получает в диалектико-материалистической философии активное развитие в своей «предметной» интерпретации, в своей направленности на внешний мир «в самом себе». Разработка «объективной диалектики» и есть путь к вещам в себе и для себя. Предметный мир как таковой становится отправным пунктом теоретизации, источником концептуального богатства диалектико-материалистической системы.

Вместе с тем в отечественной философской литературе сформировалась определенная позиция в отношении того, как же следует понимать диалектику предметного мира в его «тотальности». Основной упор был сделан на вопросы диалектики как логики и теории познания, а проблемы системности и единой связи предметов мира не получили достаточного развития. Иначе говоря, в диалектико-материалистической теории философского анализа вещей в их совокупности. В итоге преобладающее влияние получила точка зрения понимания материализма как теории познания, признающей познаваемость «вещей в себе» (В.И.Ленин)

Но если «вещи в себе» реальны, то должно найти свое место воззрение на материальное бытие вообще, а значит, и на предметную реальность в частности. Причем, и это нами уже подчеркивалось, различие в данных аспектах заключается в том, что материальный мир исследуется в плане его соотношения с духовным миром, а предметная реальность есть тот же самый объект, но исследованный как таковой, т.е. пребывающий в себе и для себя. Ибо для материализма важно не только решение основного вопроса философии в пользу первичности материи, но и то, каким

образом материя воплощает себя в собственных формах. Как и во всякой материалистической мысли и в соответствии с историко-философской традицией, в диалектико-материалистической философии вполне определенно сложилась точка зрения, что предметный мир должен быть понят в его **замкнутости**. Имеется в виду постановка проблемы самообеспечения, невозможности нематериальных внешних воздействий. Материальные предметы в своей целокупности непроницаемы для духовной субстанции, существуют в силу собственных принципов. С точки зрения диалектики аспект замкнутости предметного мира раскрывается в различных концепциях «самости», например, в диалектико-материалистических принципах самоорганизации, самодвижения и саморазвития.

Вторым выводом, вытекающем из диалектико-материалистической философии, является утверждение, что предметный мир в своей целостности должен рассматриваться во **внутренней полноте**. Это утверждение направлено на то, чтобы исключить возможность духовных источников в самой целокупности вещей. Внутренняя полнота отрицает «пробелы», полагает, что все превращения и переходы в предметном мире совершаются в абсолютной самодостаточности, детерминированы законами материального бытия. Все качественное разнообразие тел составляет полную систему в том смысле, что в нем нет «места» для какой-либо иной активности, кроме исходящей от самих тел. В диалектико-материалистической философии это отражено в таких основополагающих принципах, как принцип всеобщей связи, принцип материального единства, принцип всеобщего универсального взаимодействия и других.

Третьим выводом, имеющим фундаментальное значение для философского материализма, является вывод о сохранении и производстве в системе материальных тел

атрибутивных состояний материи. Согласно Ф.Энгельсу, к таковым относятся основные формы движения материи (механическая, физическая, химическая, биологическая и социальная) в их единой взаимосвязи и нескончаемом воспроизводстве в мировом круговороте материи. Материалистическая позиция предполагает, что носители духа - материальные тела, обладающие разумом, - возобновляются непрерывно с «железной необходимостью» (Ф.Энгельс), следовательно являются необходимым элементом всего многообразия материальных превращений.

Нам представляется, что основной пафос диалектико-материалистической философии заключается в ее эволюционно-исторической ориентации. В соответствии с духом времени диалектико-материалистическая философия взяла на себя трудную задачу осмысления новой исследовательской программы, намечаемой уже в середине прошлого столетия эволюционными учениями в биологическом мире, в социальной действительности и в космогонических теориях. Была определена новая область философского анализа - процессы превращения в генетической обусловленности явлений. Диалектико-материалистическая философия первая встала на путь осмысления мира в его эволюционно-историческом развертывании. Оказывается, что каждому явлению в мире «отмерен» свой промежуток времени, определена своя длительность существования. И в этой исторической реальности пребывают все материальные образования. Напрашивается вывод, что **на смену функционально-динамическому объяснению вещей приходит эволюционно-историческое их видение**.

Чем глубже реконструируется предметный мир, тем более многообразными связями этот мир наполняется. Если на начальном этапе человеческое мышление ограничивалось ~~организационно-пространственными~~ отношениями, то позднее эти отношения становятся

фрагментом более богатой функционально-динамической модели, а утверждающееся в настоящее время эволюционно-историческое мирозерцание включает в себе в качестве своих абстрактных моментов предшествующие принципы объяснения вещей. В целом складывается историко-философский процесс сменяемости качественно различных представлений о связи в системе материальных тел. Эта связь обогащается различными гранями, становясь все более конкретной.

Возвращаясь к проблеме фундаментального научного подхода, подчеркнем, что рассмотренные нами исторические модели предметной реальности имеют основополагающее значение в познавательной деятельности человека. Именно с их идейных позиций осуществляется всеобщий ход проникновения в суть вещей. Устойчивое функционирование в общественном сознании определенного образа совокупного бытия вещей (организационного, динамического или генетического) приводит к тому, что неизбежно «отрабатывается» и соответствующая логико-методологическая норма формирования содержания научно-познавательной деятельности.

В итоге намечается определенная стратегия - ведущая перспектива исследовательской программы. Это и есть особая форма познания - фундаментальный научный подход. В соответствии с историческими предпосылками мы выделяем три фундаментальных научных подхода - **системно-культурный, функционально-динамический и эволюционно-исторический**. Каждый из данных подходов разрабатывает свой «срез» действительности, конституирует собственный предмет. Поскольку же в них отражены этапы обогащения, то между ними существует различие по уровню абстрактности. Самым богатым по содержанию является эволюционно-исторический подход.

Он включает предшествующие подходы в качестве своих абстрактных моментов.

Необходимо отметить, что понятие «научный подход» в своей категориальной функции пока не исследуется, хотя в литературе оно широко используется. В нем подчеркивается исходное основание для движения в определенном направлении. А.Ф.Кудряшев (4) правильно обращает внимание на то, что необходимо выяснять категориальный статус понятия «научный подход» в методологии научного познания. В частности, А.Ф.Кудряшев полагает, что научный подход есть способ формирования метода и предмета исследования. Развивая эту мысль, скажем, что целесообразно «исходность» научного подхода связывать с философскими соображениями. В научном подходе мы фиксируем предельно общее полагание действительности, констатируем философско-мировоззренческую позицию. Научный подход, по нашему мнению, должен охватывать тотальность материального бытия, нацеливать на целокупность предметного мира. Мы не отрицаем возможность и других смысловых оттенков, например немировоззренческого плана. Однако в таком случае утрачивается широта, фундаментальность проблемы. Нам представляется, что обусловленность научного подхода философско-мировоззренческими соображениями точнее определит категориальный смысл данного понятия.

Подытожив сказанное, подчеркнем, что в системно-структурном подходе ведущая роль принадлежит диалектике организации. В ней предметный мир раскрывается как принцип пространственного бытия. Это статически организованное целое, в котором предметы связаны лишь в своей внеположенности. В функционально-динамическом подходе особую роль приобретает диалектика движения материальных тел, осуществляется переход к проблеме внутреннего функционирования вещей и явлений. Эволюционно- исторический подход выдвигает

на первый план диалектику развития. Предметом анализа становится связь превращений, решается проблема неисчерпаемого качественного разнообразия состояний материи. Мир вещей приобретает свойство единого исторического процесса.

Литература

1. Кушаков Ю.В. Как возможна «философия природы»? //Филос.науки. 1985. №1.
2. Антология мировой философии: В 4 т. М., 1969. Т.1. С.308-315.
3. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 т. М., 1987. Т.6.С.289.
4. Кудряшев А.Ф. Единство наук: основания и перспективы. Свердловск, 1988. С. 78-97.

Д.А.Нуриев
Уфа

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В процессе постановки и решения многих вопросов гносеологии всегда принимаются некоторые допущения, которые называются нами основаниями. Эти допущения в конечном счете обуславливаются определенным и вполне конкретным видением строения и структуры самой действительности. Поэтому и возникает вопрос, как же понимается строение и структура самой действительности.

Строение и структура самой действительности могут рассматриваться в самых различных срезax. Действительность часто представляется как система связанных между собой относительно самостоятельно

существующих материальных объектов. При таком понимании действительности возникает проблема отыскания реально существующей связи этих объектов. В натурфилософских построениях связь материальных объектов осуществляется посредством пустоты (Эпикур), эфира (Декарт), пространства (Ньютон) и т.д.

Действительность может быть представлена путем выделения как самих объектов, так и их атрибутов (свойств, признаков и т.д.). При таком представлении реальной действительности возникает вопрос, составляют ли объекты и их атрибуты систему какого-либо ее среза. Имеются два ответа на поставленный выше вопрос. Одни философы утверждают, что соотношение «объект и его атрибуты» существует в самой действительности, а другие отрицают реальность такого рода соотношений вне познавательной деятельности. В первом случае появляется возможность считать, что объекты и их атрибуты являются элементами системы соответствующего среза действительности, а во втором - отрицать существование такой системы.

В упомянутых выше случаях не ставится и не рассматривается в явной форме проблема **способа** существования атрибутов (свойств, качеств, признаков и т.д.). Ученые стремятся дать ответ на вопрос: «Что такое свойство и какова взаимозависимость материального объекта и его свойств?». Считается, что реальность свойств материальных объектов не требует особого обоснования. Более того, часто допускается наличное бытие свойств вещей, их эмпирическое существование и чувственное восприятие.

Действительность может быть осмыслена так, как она есть, как она дается людям в повседневной практической их жизнедеятельности. При этом осознанно или неосознанно признается возможность осуществления связи материальных объектов посредством непосредственного их контакта либо посредством соответствующих им полей. В

такой мировоззренческой концепции возникает проблема понимания **способа существования атрибутов** объекта вообще, и в частности **атрибутов субъекта**, т.е. **свойств человека** (в том числе и **сознания**).

Упомянутые выше представления о мире независимо от желания ученых так или иначе принимаются как исходные предпосылки в процессе постановки и решения многих фундаментальных теоретико-познавательных проблем. И в зависимости от того, какие из этих представлений принимаются за исходные предпосылки, так и понимается сам процесс познавательной деятельности и формируются соответствующие им гносеологические конструкции.

1. В гносеологии закрепляются первые две из указанных выше мировоззренческих конструкций. Тогда в рамках теории познания признается воздействие на органы чувств человека как самих вещей, тел, различных (физических или биологический) полей, так и их **свойств**. Если предполагается воздействие на органы чувств человека **свойств** вещей, то тогда явно или неявно признается **переход** (перенос, перевод) этих свойств в сами органы чувств. Если предполагается воздействие на органы чувств человека **свойств** вещей, то тогда явно или неявно признается **переход** (перенос, перевод) этих свойств в сами органы чувств. Если предполагается воздействие на органы чувств человека **вещей либо полей**, то тогда открыто или скрыто признается «снятие» их **свойств** самими органами чувств. Причем «снятие» свойств **осуществляется** разным способом: путем **преобразования** вещей либо полей в их свойства или в свойства ощущения. В качестве **преобразователя** выступают здесь **практика, деятельность, труд** и т.п. В данном случае в качестве **элемента, связующего** субъект с объектом познания, принимаются **атрибуты** самого субъекта (например, практика, труд и т.д.) либо познаваемого объекта (например, пространство, взаимодействие и т.п.).

Указанную выше гносеологическую концепцию условно можно назвать практично-трудовой гносеологией. Здесь роль языка и языковой деятельности в формировании знания (и сознания, мысли и т.п.) полностью игнорируется. Не ставится, а поэтому не рассматривается проблема понимания способа существования свойств вещей, тел, различных полей, способов функционирования свойств человека и, в частности, его сознания.

2. В гносеологии закрепляется третье из указанных выше мировоззренческих конструкций, где считается, что люди всегда имеют дело с относительно самостоятельно существующими вещами и телами, различными полями. Здесь признается воздействие на органы чувств человека только самих этих вещей либо полей. При этом доказывается, что действительная связь между субъектом и объектом познания всегда осуществляется с помощью их непосредственного контакта либо опосредовано, а именно посредством других вещей и полей, т.е. на основе материального их отношения. Считается, что вещи и тела, различные поля существуют относительно самостоятельно: они могут изменяться, превращаться в нечто другое, относительно самостоятельно существующее. Предполагается, что свойства (атрибуты, качества и т.п.) существуют как неотъемлемая сторона или характеристика вещей, как неотъемлемый их параметр или признак, которые сами по себе не могут изменяться, исчезать или возникать; они существуют в вещах, полях и т.д. в виде способности, и их реальность обнаруживается, проявляется в соответствующих отношениях между собой, связях и взаимодействиях самих вещей и тел, различных полей.

При этом обосновывается, что раздвоение самой действительности на материальное и идеальное, физическое и духовное и т.п. осуществляется с помощью языковой

реальности (в частности, слов, понятий, категорий и т.д.) и языковой деятельности, считается, что посредством языковой реальности выражаются (замещаются) как сами вещи и тела, различные поля, так и их свойства (качества, атрибуты и т.п.). Таким образом, предполагается, что посредством языковой реальности «снимаются» с самой действительности не только свойства веществ, атрибуты объектов, но и сами вещества и объекты.

Здесь доказывается, что с помощью языковой деятельности материальное превращается в идеальное. При этом свойства (качества, атрибуты и т.д.) не переносятся в органы чувств человека, а обнаруживаются в процессе «рассечения» самих вещей, тел, различных полей посредством языковой реальности, расчленения их с помощью понятий и категорий и т.д. на стороны и моменты, характеристики и признаки. Нет иных способов выделения свойств вещей, атрибутов, объектов, их моментов и признаков, характеристик и параметров, кроме как посредством языка и языковой деятельности. В практической (трудовой, производственной и любой другой, кроме языковой) деятельности сама действительность не раздваивается на вещи и тела, на различные поля, с одной стороны, и с другой - на их свойства (качества, атрибуты, признаки и т.д.). Идеальность свойств вещей, атрибутов объектов означает, что они действительны как понятие «свойство», категория «атрибут», как элементы языковой реальности, которые существуют в сфере языковой деятельности. Объективность свойств, атрибутов и т.д. означает, что они действительны как некие внутренние способности вещей, объектов, различных полей.

Способом существования языковой реальности, элементами которой являются, в частности, слова, понятия, категории, является языковая деятельность. Под языковой деятельностью подразумевается процесс оперирования

понятиями, категориями и т.п., процесс формирования мысли посредством языковой реальности. В процессе языковой деятельности все понятия и категории оказываются равноценными и равнозначными по гносеологическому их статусу, равноправными и равновозможными как элементы языковой реальности, как формы мысли. В этом плане такие понятия, как, например, «вещество», «свойство», «объект», «атрибут», «субъект», «человек», «сознание», «деятельность», «практика», «труд», «движение», «материя» и т.п. и т.д., становятся равноценными и равноправными по гносеологическому их статусу, равнозначными элементами языковой реальности, равновозможными формами мысли.

В процессе изложения результатов познания одновременно и одинаково объективируются (онтологизируются, натурфицируются) самые различные и в то же время равноценные и равноправные по гносеологическому статусу понятия, отличающиеся друг от друга как по их общности, так и по объекту их отображения. В результате понятия «вещество», «объект», «атрибут», «субъект», «человек», «деятельность», «труд» и т.д. становятся соответственно веществом, объектом, атрибутом, субъектом, человеком, деятельностью, трудом, категории «материя» - материей, «движение» - движением, «свойство»-свойством, «сознание» - сознанием и т.п. Все это говорит, в частности, о том, что так называемые онтологические проблемы существования материи вообще, движения, свойства, сознания как таковых возникают в результате натурфикации либо наиболее общих понятий (например, понятий «материя», «движение» и т.д.), либо так называемых «атрибутивных категорий» (например, категорий «практика», «деятельность», «сознание» и т.п.) в результате их объективизации и онтологизации.

Из-за онтологизации понятий и категорий, их натурфикации и объективизации ускользают из поля

зрения логические проблемы взаимосвязи и взаимозависимости самих этих понятий и категорий. Если **логическая связь** между базисными и надстроечными понятиями объективируется, натурфицируется, то тогда создаются иллюзии существования таких онтологических проблем, как проблема соотношения материи и ее движения, вещества и его свойств, поля и его свойств, объекта и его атрибутов, человека и его свойств, человека и его сознания и т.д., и т.п. А если объективируется и натурфицируется логическая связь между понятиями, находящимися в родовидовых отношениях, то тогда создаются иллюзии существования таких онтологических проблем, как проблема соотношения материи и вещества, материи и поля и т.д. Все такого рода проблемы имеют либо гносеологическую, либо логическую природу.

Т.С.Васильева
Пермь

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Переломный характер современной эпохи, угроза гибели человечества делают необходимым глубокое исследование наиболее общей природы исторического процесса, его глобальных перспектив. На наш взгляд, в качестве субстанции общественного развития выступает сущность (родовая и индивидуальная) человека. Маркс неоднократно подчеркивал, что «вся история человека есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» (1).

Конкретно-всеобщая интерпретация исторического процесса - это объяснение его содержания, смысла, закономерной смены общественно-экономических формаций как результата развития родовой и индивидуальной сущности человека от простого

(неразвернутого, неразвитого) состояния ко все более развитому, вплоть до момента, с которого начинается подлинная человеческая история. С этих позиций последовательность общественно-экономических формаций представляет собой не простую цепь изменений, вызванную противоречием между производительными силами и производственными отношениями, а развитие собственно-социальной субстанции - человеческой сущности, родовых и индивидуальных «сущностных сил». Известно, что человеческая сущность коренным образом отличается от сущности животного. Люди суть социальные материальные существа, осуществляющие социальную (трудовую) деятельность и вступающие в социальные отношения. Вместе с тем они наделены и сознанием. Сущность человека, таким образом, имеет две стороны: материальную как определяющую и духовную как зависящую от нее. Присваивая силы природы, люди создают себя и средства существования, необходимые им как социальным существам. Сущность человеческого существования состоит поэтому в непрерывном процессе порождения индивидом себя из природы, в производстве себя посредством ее преобразования. Производство индивидов - это производство их родовой и индивидуальной сущности, которая выражается в сущностных силах: способностях и потребностях, труде и мысли, науке и искусстве и т.д. Эти сущностные силы находятся в единстве и противоречии. Человеческая сущность чревата внутренними противоречиями: между способностями и потребностями, трудом и мыслью, коллективностью и индивидуальностью и др. Внутренние противоречия человеческой сущности находят внешнее выражение в борьбе классов, коллективной и частной собственности и т.д. Исторический процесс представляет собой развертывание, углубление прежде всего сущности человека, а не ее внешних проявлений. Углубление человеческой сущности есть ее

усложнение (т.е. увеличение многообразия сущностных сил и усиления их интеграции), а не простой количественный рост. Прогресс, усложнение сущностных сил человека составляют основное содержание исторического процесса. Поэтому критерий социального прогресса необходимо доводить до выяснения содержания, характера и уровня развития этих сущностных сил.

В каждой общественно-экономической формации человеческая природа модифицируется, изменяется под влиянием различных факторов, среди которых главными являются труд и отношения, в первую очередь отношения собственности. При этом не труд и собственность формируют сущностные свойства индивидов, а они сами в процессе труда производят, творят себя. Ручной, машинный и автоматизированный труд по-разному реализует и развивает сущностные силы индивидов. Чем сложнее труд, тем больше он соответствует родовой и индивидуальной сущности индивидов и в свою очередь сам зависит от степени ее развития, усвоения индивидами накопленного социального опыта, материальной и духовной культуры. Собственность устанавливает (задает) масштаб развитию индивидов, ограничивая его существующими объектами собственности, подлежащими присвоению. Индивиды всегда начинают с присвоения имеющихся материальных условий, что равносильно развитию у них определенных способностей, которые впоследствии перерастают доставшиеся им от прошлых поколений средства труда. Это требует их дальнейшего совершенствования, приведения в соответствие с развившимися способностями и потребностями. Присваивая новые силы природы, индивиды изменяют наличные производительные силы и тем самым видоизменяют самый труд. Чем сложнее присвоенные человеком силы природы, тем сложнее он сам и осуществляемый им процесс труда. Поскольку субстанцией труда являются сущностные силы природы,

ассимилированные, аккумулированные и преобразованные в человеческие сущностные силы, действительным критерием труда как целесообразной деятельности может быть качество рабочей силы.

Каждая ступень в развитии сущностных сил человека означает и ступень в развитии разделения труда, которое происходит по логике самого труда и зависит от его сущности, содержательности. Способность общества к прогрессу заложена не в создаваемой им технике, а в «сущностных силах» человека, прежде всего в коренном свойстве труда производить больше материальных и духовных благ, чем необходимо для его собственного поддержания.

Первой закономерностью исторического процесса как процесса развития человеческой сущности является умножение, возвышение сущностных сил человека, включающее в себя не только количественный рост, но прежде всего качественное усложнение, ибо их предметом становятся все более сложные производимые человеком условия.

Вторая закономерность исторического процесса заключается в опережающем развитии способностей, служащих основным источником общественного богатства. Труд как процесс связан прежде всего с реализацией способностей, обладающих наиболее сильной тенденцией к саморазвитию, с присоединением к силам человека сил природы. Необходимость превышения способностями потребностей или, иначе, опережающего развития способностей выступает поэтому в качестве важнейшего фактора прогрессивного развития общества, качественного усложнения производительных сил (человека и техники). Более того, социальный прогресс был бы невозможен без опережающего развития общей способности к труду, заключающей в себе основной импульс к творчеству, ибо одним из важнейших противоречий развития труда является

противоречие между способностью к труду вообще (общей способностью) и способностью к конкретным видам труда (частными способностями). Диалектика общих и частных способностей к труду состоит в том, что общая способность развивается на базе частных способностей и наоборот, но примат принадлежит первой.

Третья закономерность исторического процесса состоит в противоречивом и скачкообразном росте свободы человека в ходе общественного развития, в превращении несвободного способа развития сущностных сил в свободный. Эти способы различаются по трем основным признакам: 1) характеру связи способности и потребности - непосредственному и опосредованному, 2) воспроизведению человека во всей его полноте или ограниченными рамками той или иной формы эксплуатации, 3) возможности развития всех и каждого или меньшинства индивидов за счет большинства.

Четвертая закономерность исторического процесса служит проявлением всеобщей диалектической закономерности аккумулятивного развития материи. Объективная основа истории общества - аккумулятивный характер развития труда, выражающийся в росте богатства содержания при переходе от простого (ручного) труда к более сложному, машинному, и далее к автоматизированному труду. Точно так же, как сложный труд включает в себе простой, способность к более сложному труду содержит в себе способность к менее сложному труду, но не сводится к ней. Так, способность к машинному труду снимает в себе способность к ручному труду (которая есть накопленная из поколения в поколение и передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка), но качественно отличается от нее, ибо машина функционирует только «в руках непосредственно обобществленного или совместного труда» (Маркс). С усложнением труда, переходом его от одного вида к

другому происходит и усложнение потребности в труде. Усложнение труда и сущностных сил человека вызывается накоплением не только живого, но и овеществленного труда - используемых в нем средств труда. Повышение производительности труда невозможно без постоянного возрастания способностей человека.

Пятой закономерностью истории как процесса развития человеческой сущности является возрастание от формации к формации степени индивидуализации сущностных сил человека. Будучи родовыми его свойствами, они непосредственно принадлежат индивидам, а не коллективам людей и в этом смысле всегда имеют индивидуальный характер. Поскольку общество представляет собой сложный коллектив индивидов и выражает сумму тех связей и отношений, в которых они находятся друг к другу, общественно-экономическая формация как историческая форма общества связана с социально-историческим типом индивида или, иначе, социальной организацией родовых и собственно индивидуальных сущностных свойств, присущих той или иной ступени развития общества. Социально- исторический тип индивида следует отличать от психологического типа индивида, который в значительной мере связан с биологическими особенностями человека (различают художественный и мыслительный типы, экстравертов и интровертов и др.). Исходной точкой для индивидов всегда служили они сами, их человеческая природа, возникающая вместе с началом исторического процесса и являющаяся априорной по отношению ко всему последующему развитию общества. В каждой общественно-экономической формации человеческая природа модифицируется, изменяется под влиянием различных факторов, среди которых главными являются труд и отношение к собственности, задающие тот или иной масштаб развития индивидов.

Каждой исторической ступени развития труда и собственности свойственно противоречие между человеческой сущностью и ее осуществлением. Социально-исторические типы индивидов характеризуются поэтому различной степенью их соответствия человеческой сущности.

Исторической заслугой капитализма явилось превращение рабочей силы в частную собственность индивида, что послужило одной из важнейших предпосылок колоссального прогресса общества. Однако капитализм порождает свое собственное отрицание, которое восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства. Индивидуализация общественной собственности выступает существенной стороной закономерного развития общества, поскольку делает возможным действительное соединение трудящихся со средствами производства и тем самым создает устойчивые предпосылки индивидуального развития, индивидуальной свободы и активности.

Человеческая сущность исторического процесса становится теперь ключевой фундаментальной проблемой философии и истории. Ориентация на человеческую сущность исторического процесса в целом, его современного этапа в особенности, позволит глубже понять логику общественной жизни и перспективы человечества, ибо реальный смысл человеческого существования как выражения человеческой сущности заключается в безграничном развитии человека посредством познания и преобразования природы.

Современный кризис человеческой цивилизации - это кризис несвободного способа развития сущностных сил человека, выразившийся в исчерпании основных

возможностей, заложенный преимущественно в физическом, абстрактном труде как ведущем факторе развития человека, в старом разделении труда, породившем противоположность физического и умственного труда, в частной собственности, основанной на присвоении чужого труда, а также в способе мышления, порожденном узкоклассовыми интересами, выдвинувшимися на первый план. Единственно возможным средством сохранения человечества, его прорывом на новый уровень развития является переход к принципиально новому типу труда.

Одним из крупнейших открытий Маркса является предсказанное им возникновение всеобщего или научного труда, элементы которого зарождались уже в XIX в. Всеобщий, научный труд противопоставлялся им физическому, абстрактному труду, который всегда выступает как частный труд, связанный с «совокупным» рабочим, в отличие от труда в науке, имеющего всеобщий характер. Всеобщий труд - это, во-первых, кооперированный труд, во-вторых, труд, в котором использован, аккумулирован весь предшествующий опыт. В будущем непосредственный, физический труд перестанет быть главной основой общественного производства, в качестве которой выступит всеобщий научный труд. «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма - одним словом, развитие общественного индивида» (2). Следует заметить, что, по Марксу, научный труд будущего - это не труд в науке, не умственный труд как таковой, а материальный труд, утративший частичный, разделенный, специализированный характер и ставший универсальным всеобщим трудом.

Такой труд является непосредственным воплощением результатов науки, т.е. онаученным трудом, и приводит в действие колоссальнейшие силы природы, которые становятся основным источником общественного богатства. Ведущую роль в новом историческом типе труда играет высокоразвитая общая творческая способность к труду, выражающая универсальную, всеобщую природу человека. Хотя такой труд будет иметь, очевидно, и какой-то специализированный компонент, в основном исполнительские функции перейдут к автоматизированной системе машин. Всеобщий труд, связанный с всесторонне развитым, целостным человеком, есть выражение его универсальной сущности.

Другое крупнейшее открытие Маркса состоит в том, что с появлением всеобщего труда, связанного с гигантской производительностью, исчезнет лежащее в основе существования товарного производства соответствие, пропорциональность между вещественным богатством (совокупностью потребительских стоимостей), производимых обществом, и стоимостью, абстрактным трудом. С исчезновением такого соответствия исчезнет и товарное производство, с которым связана предыстория общества. Исчезновение стоимости как мерила общественного богатства (и развития индивидов) и зарождение всеобщего труда Маркс считал важнейшими предпосылками перехода к подлинной истории.

Подход к подлинной истории общества, связанный со всеобщим трудом как основой истинно человеческого существования, приведет, очевидно, к созданию нового уровня конкретно-всеобщей теории исторического процесса.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 62.

2. Там же. Соч. Т. 46. Ч.2. С. 213-214.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР»

Универсум без регуляторов есть хаос. Универсум со свойственными ему регуляторами есть космос. Регулятор (лат. *regula* - правило, *regular* - приводить, налаживать) - это то, что упорядочивает данный фрагмент универсума, то, что задает характер его процессуальности.

Регулятор - понятие большой общности, применимое к миру неживой природы, к миру жизни, к социальным системам и процессам. Так, например, важнейшим типом регуляторов, присущих неживой и живой природе, являются законы функционирования и развития. Если мысленно отменить законы, фиксируемые физикой, химией, биологией, то результатом такого эксперимента явится мысленное достижение физического, химического, биологического хаоса. К сожалению, применительно к социальным регуляторам возможны не только мысленная их отмена, но и реальное их разрушение. Разрушение социальных регуляторов, как ясно из вышесказанного, ведет к социальному хаосу. История знает немало примеров приближения тех или иных сообществ к состоянию социального хаоса.

Итак, социальный регулятор есть то, что упорядочивает данное сообщество, то, что придает определенность этому сообществу, то, что задает характер его процессуальности. Понятие «социальный регулятор» обладает определенной двойственностью. С одной стороны, это понятие близко к понятию закона и отражает моменты устойчивости, повторяемости, существенности в структурах

и процессуальности социальных систем. Это объективная, так сказать, сторона содержания обсуждаемого понятия. С другой стороны, в этом понятии фиксируется то, что способы, средства упорядочения социальных систем не навязываются этим системам откуда-то извне, а изобретаются, создаются и более или менее сознательно используются самими людьми. То есть, становление и развитие общества, с такой точки зрения, - это становление и развитие новых (по сравнению с природными) регуляторов. Социальные регуляторы - это то, что превращает массу двуногих в человеческое общество. И наоборот, слом социальных регуляторов, как уже отмечалось, превращает социальный космос в социальный хаос.

Каждый социальный регулятор - это гениальное изобретение человечества (впрочем, некоторые из них имеют свои природные прототипы). Главные из них образуют основания определенных типов культуры и этапов в развитии человечества. Вычленение основных регуляторов социальной жизни, уяснение их динамики, взаимосвязей и детерминирующей роли по отношению к другим сторонам общественной реальности позволяет, на мой взгляд, построить основы целостного понимания общества и его истории.

Рассмотрение множества различных социальных регуляторов (в качестве примеров назовем только некоторые из них: нравственные и правовые нормы, религиозные запреты, обычаи, межгосударственные договоры, технологические дисциплины, расписание движения поездов и т.п.) и выделение среди них основных - задача чрезвычайно объемная и самостоятельная, требующая для своего решения объединенных усилий специалистов многих отраслей знания. Цель настоящего сообщения гораздо более скромная: показать эвристичность предлагаемого подхода к познанию общественной жизни.

Для достижения этой цели достаточно в качестве основных рассмотреть лишь четыре из всего множества социальных регуляторов, а именно: традиции, рынок, насилие, разум. Понятно, что выбор этих социальных регуляторов в качестве основных не случаен, однако здесь я не буду демонстрировать обоснованность сделанного выбора.

Придание статуса основного социального регулятора традициям, рынку, насилию и разуму позволяет предложить рабочую схему периодизации истории человечества, а также раскрыть специфику социальной жизни на каждом из выделенных этой схемой этапов развития общества.

Упомянутая схема содержит следующие периоды в эволюции общества. 1. Период традиционного общества (так я называю общество, в жизни которого роль главного регулятора играют традиции). 2. Период посттрадиционного общества (в рамках этого периода традиции утрачивают роль господствующего регулятора, на передний план выдвигаются насилие и рынок). 3. Предполагаемый, но отнюдь не гарантированный ноосферный период, когда главным регулятором социальной жизни станет нравственно-правовой разум.

Сразу же подчеркну, что, конечно, периоду традиционного общества предшествовал некий, во многом таинственный, по-настоящему творческий период становления, формирования социального качества (тех же традиций, в частности). Этот период остается за пределами моего рассмотрения. Второй момент, который необходимо выделить, состоит в том, что разум как специфическое, неотъемлемое качество человека проявляет себя на всех трех указанных этапах развития общества. Но на первых двух этапах (традиционного и посттрадиционного общества) воздействие его (в качестве регулятора общественной жизни) на социальные процессы опосредованно и второстепенно, тогда как на гипотетическом третьем (ноосферном) - непосредственно и

определяюще. Третий момент, который необходимо учитывать при оценке и использовании приведенной схемы состоит в том, что самое интересное и важное в развитии общества происходит в эпохи, переходные от одного из выделенных этапов к другому. В схеме таких эпох две. Первая осуществляет переход от традиционного общества к посттрадиционному. Эту эпоху я буду вслед за К.Ясперсом называть «осевой». Вторая (именно в эту эпоху нам «посчастливилось» жить) осуществляет переход от посттрадиционного общества к ноосферному, либо, поскольку становление последнего маловероятно, эта эпоха может стать периодом гибели человечества. Четвертый момент, который необходимо иметь в виду, состоит в том, что в реальной истории человечества выделенные периоды накладываются друг на друга, сосуществуют друг с другом. Многие народы продолжали вести традиционный образ жизни в то время, когда другие давно уже вступили в период посттрадиционного развития. Пятый момент касается второго этапа в развитии общества, который выше назван посттрадиционным. Такая его характеристика представляется недостаточной, несобственной. Это верно. Но дело тут в том, что этот период чрезвычайно сложен и многообразен, поэтому найти для него краткое и емкое название нелегко. Достаточно сказать, что он содержит в себе два «предельных», «идеальных» типа: рыночное общество и общество насилия. Наконец, последнее предварительное замечание к данной рабочей схеме периодизации истории человечества относится к третьему из указанных этапов. Не считаю, что когда-нибудь нравственно-правовой разум станет всемогущим и обеспечит человечеству блаженную и вечную жизнь. Тем не менее, считаю, что нравственно-правовой разум в исторически определенных границах может сдерживать стихийность и неразумие в развитии человечества. Стремление к достойной разумного человека жизни дает

некоторые основания надеяться на то, что нравственно-правовой разум превратится в главный регулятор общественной жизни. Хотя, повторяю, история и современность говорят нам о том, что эта надежда весьма призрачна.

Дам теперь самую краткую характеристику выделенных этапов эволюции человечества. При этом буду следовать такому порядку их описания. Господствующий регулятор определяет тип (характер) социальной процессуальности, с которым, в свою очередь, однозначно связана определенная форма социального времени. Этот же регулятор определяет главные социальные группы рассматриваемого общества и их взаимоотношения (социальную структуру), поскольку для осуществления любой формы социального регулирования необходимы социальные группы людей. Обществу с данным главным регулятором соответствует определенный тип мировоззрения и определенный характер осмысления жизни.

Отмечу здесь во избежание недоразумений, что своеобразная «первичность» социальных регуляторов по отношению к другим сторонам общественной жизни (типу социальной процессуальности, форме социального времени, характеру социальной структуры, типу мировоззрения и т.д.) носит в данном случае методологический, гносеологический характер. В бытийственном плане взаимоотношения социальных регуляторов, социальной процессуальности, социального времени, социальной структуры, мировоззрения и т.д. носят характер системной детерминации, то есть в этом плане среди них нет «первичного» и «вторичного».

Слабость древних человеческих общин перед стихиями, вплетенность их жизни в природные ритмы определяли в качестве предпочтительной стратегии выживания жесткую цикличность, консервативность их образа жизни. Любая

новация могла привести общину к гибели, поэтому социальный процесс осуществлялся по проверенным опытом многих поколений и освященным мифологическими представлениями схемы деятельности, образцам поведения. Эти схемы деятельности, образцы поведения задавались традициями. Социальность, культура были тогда настолько хрупкими, что общины не могли позволить себе роскоши творчества. Социальность, культура поддерживались благодаря строжайшему следованию традициям. Причем выполнение традиций обеспечивалось не столько тем, что кто-то их специально, осознанно насаждал и следил за исполнением, сколько их укорененностью в жизни сообщества. Само появление, возникновение образцов, форм, норм (архетипов) жизни относилось архаическим человеком к некому «начальному», «первому» времени. Именно тогда мифическими первопредками и были созданы образцы поведения и деятельности, а также сформировано нынешнее состояние мира. Человек традиционного общества своей деятельностью лишь повторяет, воспроизводит эти священные образцы. Самое незначительное отступление от этих священных образцов может привести к глобальным последствиям гибели сообщества, крушению мирового порядка. Впрочем, традиции поражают и специфические социальные группы с особыми функциями и особым статусом, т.е. структурируют общество. Речь идет, в частности, о существовании в традиционном обществе людей и групп людей, следящих за исполнением традиций, играющих главную роль в важнейших обрядах.

Итак, процессуальность традиционного общества строго циклична, замкнута. Традиционное общество не знало (не допускало) новаций творчества, оно было по сути вне истории.

Традиционному обществу свойственна и соответствующая форма социального времени. Его время

замкнуто, циклично, обратимо. Действительно, традиции, играя роль социальной памяти, т.е. обеспечивая связанность, единство социальной процессуальности, выполняют две темпоральные функции. Во-первых, они задают структуру (в частности замкнутость) соответствующего социального времени. Они определяют весьма детально и жестко, как, что и когда делать индивидууму, группе, всему сообществу. Вторая темпоральная функция традиций заключается в том, что традиции выступают в роли своеобразных часов, изменяющих социальное время. Ведь задавая ритмы, темпы социальной жизни, они задают также эталоны, стандарты длительности.

Этому соответствует мифологическое мировоззрение. В частности, циклическое время осознавалось и переживалось посредством широчайше распространенного в древности мифа о вечном возвращении.

Но на протяжении гигантской эпохи традиционного общества в качестве регуляторов социальной жизни выступали не только традиции. Традиции были главным регулятором, но свой вклад вносили и другие регуляторы, в частности - насилие, разум, зачатки рынка. Действие этих регуляторов вело к тому, что реальная социальная процессуальность и тогда не была строго циклической, содержала в себе творческую (историческую) составляющую. Именно они, оттесняя традиции, ввергли человечество в историю, именно им принадлежало будущее. Характер социальной процессуальности радикально меняется. Жизнь сообществ стремительно обновляется, одновременно очищаясь от архаики. Творческая социальная процессуальность осуществляет совсем иное - необратимое - социальное время. На смену мифологическому приходят религиозное и философское мировоззрения.

История посттрадиционного общества, как уже сказано, знает приближения к некоторым предельным формам своего существования: рыночному обществу и обществу насилия (в зависимости от господствующего рыночного регулятора).

Важнейшая особенность рынка как регулятора общественной жизни состоит в том, что он разрывает траекторию социальной процессуальности, толкает общество «вперед и выше». Действительно, рынок требует эффективного и все более производительного труда. Он ведет жесткий отбор производителей товара: выживает лишь тот, кто обеспечивает большую производительность труда. Рынок предъявляет новые и весьма строгие требования к образу жизни, он задает новую структуру социальной процессуальности и социального времени (ритмы, темпы, длительности, последовательность, необратимость-однаправленность экономической, а опосредованно - всей общественной жизни). Кроме того, рынок является, по сути, измерительным инструментом: он измеряет социальную ценность, социально-экономическую длительность деятельности людей. Он позволяет сопоставлять, сравнивать разнообразные виды деятельности социальных субъектов, сравнивать с точки зрения социально-экономической значимости их деятельности. Рынок - это часы, измеряющие социальное время. Рынок проверяет, наполнил ли ты (отдельный человек или производственный коллектив) календарное рабочее время социально необходимой, социально значимой деятельностью, реализовал ли ты себя в качестве социального субъекта и тем самым осуществил ли ты определенный отрезок социального времени или ты подремал его (календарное рабочее время) на уровне биологического существа и реализовал лишь биологическое время. Именно этими (собственным) часами - рынком - и следует измерять экономические процессы, если мы хотим

глубже понять их. Календарное (астрономическое, физическое) время и обычные часы не являются их адекватной мерой и адекватным устройством для измерения их длительности. Как уже отмечалось, каждый социальный регулятор порождает соответствующие социальные группы, которые обеспечивают его осуществление. Рыночный регулятор порождает разнообразные группы производителей товаров, специфическую социальную группу, члены которой продают свою рабочую силу, группу, члены которой покупают и организуют эффективное использование рабочей силы, групп людей, непосредственно обслуживающих рынок и т.п.

Рыночному обществу соответствует свое специфическое мировоззрение, ярчайшим принципом которого является утверждение «время - деньги». Впрочем, в реальной жизни рыночное общество и возникло на пустом месте и не создало абсолютное новое мировоззрение. Оно прекрасно приспособило к своим нуждам, например, христианское мировоззрение, что выразилось в формировании протестантизма, утверждавшего, в частности, что главным и самым тяжелым грехом человека является бесполезная трата времени.

Отмечу, что рынок даже в период его господства (рыночное капиталистическое общество) не был единственным и всемогущим регулятором социальной жизни. Рынок сам по себе слеп и жесток. К тому же жизнь общества не сводится к экономической целесообразности и эффективности, в ней есть место этическим и эстетическим оценкам, оценкам с точки зрения истины и справедливости. Сам рынок, создавая относительно высокий уровень жизни людей, пробуждает у них желание ограничить роль рыночного регулятора.

Наиболее простой (и страшный по своим последствиям) путь осуществления этого желания ведет к обществу, в котором главным регулятором становится насилие

(тоталитарное общество). Желание ограничить власть рынка в этом случае приводит к его разрушению. Заодно разрушается и такой все еще мощный регулятор общественной жизни, как традиции. На место этих естественных и необходимых на данном этапе развития общества регуляторов восходит независимо от первоначальных устремлений разрушителей рынка, провозглашавших в качестве новых регуляторов нравственность и разум, иной - грубый и примитивный регулятор: насилие, в глубине которого скрывается не разум, и конечно не нравственность, а воля. Разум видит хрупкость социального бытия, он видит что разрушать регуляторы, органично присущие обществу (традиции и рынок), означает столкнуть общество с естественного пути развития. Нравственность «видит», что деяния разрушителей рынка и традиций безнравственны. Но их упрямая воля насилует общество, субъективистски определяет людям их образ жизни. Разрушители рынка и традиций, выращивая всепроникающую командно-административную систему, принимают на себя роль регулятора социальной процессуальности. Естественно, что даже при благих намерениях они не могли предложить ничего, кроме субъективистского, волюнтаристского оформления социального процесса и социального времени. Отсюда столь характерные для тоталитарных обществ произвольное планирование (не основанное на внутренних, собственных ритмах социально-экономической жизни), штурмовщина, авантюристические «большие скачки» и т.п. Этот регулятор (насилие) по-своему структурирует общество. Очевидно, для его осуществления необходим субъект насилия: группы (вооруженных) людей, организованные по иерархическому принципу. Необходим здесь также и объект насилия: масса людей, обязанная под страхом применения к ним насилия строить «светлое будущее». Такое общество неизбежно вырождается в

царство лжи, страха, рабства. Первоначальное мировоззрение разрушителей рынка и традиций, поднимающее на щит разум и справедливость, становится настолько далеким от реальной жизни, что вырождается в совокупность ритуальных фраз. На место мировоззрения встает цинизм и лицемерие.

В обществе, выходящем из тупика тоталитаризма (таковым, хочется надеяться, является нынешнее российское общество), налицо противоречивейший, во многом хаотический характер социальной процессуальности. В таком обществе нет еще господствующего социального регулятора. В нем действуют и мертвеющая рука казармы (насилие), и возвращаемые к жизни национальные и религиозные традиции, и грубейшие формы примитивного рынка и, наконец, едва слышный голос разума. Это ведет к тому, что в обществе осуществляются, взаимодействуя друг с другом, разнокачественные, рассогласованные типы процессов, структур, времен, мировоззрений, тянущих общество и человека в разные стороны. Надо полагать что нынешняя какофония социальных регуляторов не может быть продолжительной, что в скором времени доминирующим станет рыночное регулирование.

Однако необходимо учитывать, что нынешний глубочайший кризис нашего общества, являющийся результатом тоталитарного прошлого, совпал с не менее глубоким кризисом человеческого общества в целом. Этот глобальный кризис - свидетельство того, что человечество переживает сейчас эпоху не менее переломную, чем осевая, когда оно вступило в историю. Сутью эпохи является, как уже отмечалось, исчерпание ресурсов стихийного развития человечества; стихийное, неконтролируемое нравственным разумом развитие, ведет человечество к гибели. Если человечество желает прожить свою жизнь и тем более сделать ее достойной жизни человека разумного, оно

должно постепенно делать основным регулятором общественной жизни именно нравственно-правовой разум. Конечно, здесь возможны упреки автору. Конечно, такую позицию можно назвать утопической и даже реакционной. Ведь мы только что видели, куда привели общество те, кто звал его в царство разума. Нам, прожившим в обществе, провозглашавшем моральность и разумность основными принципами своего построения, а бывшем во многом воплощением зла и неразумия, естественно критически относится к возможностям разума к концепции ноосферного будущего человечества. Но, думается, критическая оценка разума в качестве регулятора общественной жизни не должна перерасти в пренебрежительное и тем более враждебное отношение к разуму. Сон разума, как известно, рождает чудовищ. Становление новой основной формы регулирования социальной жизни должно происходить не через разрушение других: рынка, традиций и т.д., - а через ограничение сфер их действия, через постоянную корректировку их с позиций нравственного разума.

Г.В.Мокроносов, А.М.Мосоров
Екатеринбург

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ИХ СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ

Среди философских идей К.Маркса и Ф.Энгельса, определяющих материалистическое понимание общественной жизни, есть одна очень важная и малоизученная идея. Это идея о тождественности (в диалектическом смысле слова) индивидуальной жизнедеятельности людей и содержания общественных отношений. Она настолько важна, что ее следует считать

основным методологическим принципом, позволяющим вести всестороннее философское исследование личности и реалистически, без идеологических домыслов изучать содержание общественных отношений.

В сочинениях К.Маркса и Ф.Энгельса неоднократно подчеркивается важность этого принципа, кратко разъясняется его теоретическое содержание. Хорошо известен, например, тезис К.Маркса о том, что « ... сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (1). Однако это высказывание К.Маркса часто истолковывается односторонне, поверхностно. В нем часто видят лишь теоретическое положение о социальной обусловленности и социальной природе отдельных людей. Иногда бывает и хуже - в этом тезисе видят определенных людей.

Подобное толкование тезиса не позволяет обнаружить те моменты, которые собственно и характеризуют мировоззрение К.Маркса как действительно новое, революционное, принципиально отличающееся от взглядов других философов. Известно, что социальность отдельного человека всегда признавалась философами, признается она и в наше время. Ни один мыслитель, к какой бы философской школе он ни принадлежал, не отрицал и не отрицает социальной природы индивида.

Оригинальность и гениальность теории К.Маркса в другом: в особенностях его взглядов на социальную природу человека. К.Марксу удалось доказать тождественность индивидуальной жизнедеятельности людей и содержания общественных отношений того общества, в котором они живут.

Этот хорошо известный, но не всегда правильно понимаемый тезис К.Маркса нацелен прежде всего на исследование содержания общественных отношений. В нем содержится методологическое указание на такую трактовку

вопроса, в которой общественные отношения выступают как научная многогранная характеристика индивидуальной жизни людей, а жизнь индивидов - как форма существования отношений. Поэтому «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и складываются эти отношения» (2).

Глубокий смысл этого теоретического положения несовместим как с теми представлениями об общественных отношениях и личности, которые стихийно возникают у людей на уровне здравого смысла, так и с теми представлениями, которые создаются морализирующими идеологами, рассуждающими не о том, что представляет собой реальная жизнь данного общества, а о том, какова она должна быть.

С позиций здравого смысла невозможно было открыть внутреннюю тождественность индивидуальной жизнедеятельности и общественных отношений: объективная видимость такова, что общественные отношения выступают как нечто самостоятельное, существующее наряду и параллельно с людьми. Здравый смысл покорно идет на поводу этой видимости, фабрикуя понятия, в которых видимость выдается за истинную суть дела вместо того, чтобы быть отброшенной.

Обыденное, житейское сознание, нередко тяготеющее над нами и в сфере теории, склонно проводить резкую грань между человеком и средой, суживать границы личности до воображаемого социального атома. Здравый смысл проводит резкую, не существующую в действительности границу между человеком и общественными отношениями, что свидетельствует об узких границах компетентности здравого смысла.

Но и даже среди людей, претендующих на роль социологов-теоретиков, распространена, как отмечали

К.Маркс и Ф.Энгельс, устойчивая метафизическая иллюзия, суть которой состоит в противопоставлении людей их общественным отношениям. Согласно такой иллюзии, общественные отношения понимаются как нечто существующее рядом с людьми. Именно такую путаницу обнаружили К.Маркс и Ф.Энгельс во взглядах М.Штирнера: «На одной стороне у него - «изменение существующих условий», а на другой «люди», и обе эти стороны совершенно оторваны друг от друга» (3).

Ошибки в понимании общественных отношений, встречающиеся у таких теоретиков, как М.Штирнер и другие младогегельянцы, были заимствованы ими, правда в вульгарной форме, у выдающегося мыслителя своего времени Гегеля. Поэтому К.Маркс и Ф.Энгельс подвергли глубокому анализу и критике гегелевскую концепцию общественных отношений.

В философии Гегеля теоретические изъяны обусловлены не познавательными злоключениями здравого смысла. Величайший классик диалектики был свободен от познавательных шор здравого смысла. Но Гегель заведомо не ставил своей целью философское отображение всех сторон общественной жизни. Его интересовал только прогресс человеческого духа. Страстный защитник подлинных духовных сокровищ, он изобразил их как Идею, победно шествующую по Земле из прошлого в будущее и принимающую в лоно своей божественной стихии только духовные прогрессивные устремления индивидов. Эта Идея безразлична к тому, чего еще, помимо духовно-прогрессивных устремлений, хотят люди, какую материальную жизнь ведут - в любом случае они впряжены-де в историческую колесницу мирового духа. Для всемогущего потока Мирового духа безразлично, какие мельницы он попутно приводит в движение.

Гегель считал содержанием общественных отношений духовно-политическую жизнь общества, взятую не

всесторонне, а выборочно, в виде всемирно-исторического поступательного развития. В соответствии с таким пониманием значительная часть подлинно человеческой жизни оставалась за пределами его теоретических исследований.

Теория общественных отношений Гегеля - это философское отображение не всего объема духовной жизни людей, а лишь той ее части, которая дает существование и развитие духовной свободе в антагонистическом обществе. Естественно, что от философии Гегеля нельзя ожидать всестороннего отображения индивидуальной жизни людей. Ведь люди обычно живут материальными и духовными интересами, которые не простираются настолько далеко, чтобы человек мог действовать и мыслить, исходя из божественно возвышенных и божественно содержательных идеалов. Это обстоятельство было хорошо известно Гегелю, но оно не могло повлиять на его философские позиции, потому что сфера индивидуальной жизни, обозреваемая через призму мирового духа, неизбежно теряла свою значительность.

При всей своей содержательности и глубине концепция общественных отношений Гегеля не позволяет составить правильное объективное представление о живых людях, понять их стремления, мотивы поведения, оценить неисчерпаемые возможности для исторического прогресса, обусловленные обычными потребностями людей. «...Бесконечно маленькими представляются спекулятивному мышлению действительные люди» (4). «При помощи унаследованного от Гегеля теоретического вооружения эмпирическое, материальное поведение этих людей, конечно, нельзя даже и понять» (5).

Иначе понимали содержание общественных отношений классики буржуазной политэкономии. Сосредоточив внимание на возникновении и функционировании общественного богатства, оставив за бортом исследований

живых, действующих, создающих общественные отношения людей, они, вольно или невольно, истолковали исследуемую ими частичку общественных отношений как единственно исчерпывающее материальное содержание общественных отношений. Подлинное содержание общественных отношений (сложная индивидуальная жизнь людей) оставалось за пределами их теоретического исследования.

Отрыв общественных отношений от жизнедеятельности реальных людей проявился здесь в фетишизации вещей и, следовательно, в узости, односторонности при изучении тех реальных сторон общественных отношений, которые попали в круг проблем, исследуемых политической экономией. Неизбежным следствием ограниченного и фетишистского понимания общественных отношений было неумение выразить индивидуально-человеческое содержание в теории общественных отношений, несмотря на некоторые рациональные моменты, которые всегда высоко оценивались основоположниками марксизма, в конечном счете, годились лишь для того, чтобы окружить «...частную собственность либеральным ореолом, провозгласив ее правом человека» (6). Если бы мы захотели узнать из буржуазных экономических теорий, что же представляют собой люди, те отдельные индивиды, об отношениях которых так много пишут буржуазные экономисты, нам пришлось бы разочароваться: кроме беспомощных, убогих, банальных рассуждений о том, что каждый человек стремится к выгоде, наслаждению или приобретательству, мы ничего не узнаем. Именно об этом писал К.Маркс: «политическая экономия не знает незанятого рабочего, не знает человека труда, поскольку он оказывается вне этой сферы трудовых отношений. Жулик, мошенник, нищий, безработный, умирающий с голоду, нищенствующий и совершающий преступления человек труда - все это **фигуры**, существующие не для

политической экономии, а только для других глаз, для глаз врача, судьи, могильщика, надзирателя за бедными и т.д.; это призраки, витающие вне сферы политической экономии» (7). Изучение сочинений Гегеля, анализ работ классиков буржуазной политической экономии привели К.Маркса к убеждению, что исследованные им концепции общественных отношений все еще находятся на донаучном уровне. В них было одно общее, неприемлемое для К.Маркса - отрыв общественных отношений от индивидуальной жизнедеятельности людей и неизбежно следовавшее отсюда противопоставление общественных отношений индивидуальной жизни человека.

К.Маркс и Ф.Энгельс решительно выступили против любой формы гипостазирования общественных отношений как самостоятельной реальности, существующей наряду с людьми. Они подвергли резкой критике все разновидности представлений, в которых «...действительное производство жизни представлялось чем-то доисторическим, а историческое - чем-то оторванным от обыденной жизни...» (8).

В ходе анализа и критики предшествующих теорий общественных отношений основоположники марксизма постоянно подчеркивали, что речь идет не просто о тех или иных недостатках критикуемых теорий, а о несостоятельности их главного методологического принципа - теоретического разъединения общественных отношений и индивидуальной жизнедеятельности людей.

Этот несостоятельный принцип оказался поразительно стойким и способным приживаться в самых разных теоретических системах. Аргументированная, глубокая критика его К.Марксом и Ф.Энгельсом, казалось, делала невозможным дальнейшее использование этого принципа в философских теориях общественного развития. Однако он вновь и вновь воспроизводился в сочинениях буржуазных идеологов, выступая в обличье всякого рода теорий о

субъективных и объективных факторах. С ним боролись не только К.Маркс и Ф.Энгельс, но и Г.Плеханов. Выдающийся вклад в критику этого ошибочного принципа внес В.И.Ленин.

Живучесть этого ошибочного принципа объясняется не только сложностью социальной жизни и чисто гносеологическими трудностями познания общественной жизни, но и весьма прозаическими причинами. К.Маркс и Ф.Энгельс доказали, что идеология классового общества инстинктивно тянется к использованию этого принципа, потому что он позволяет скрывать социальные антагонизмы и тем самым служит интересам господствующего класса.

В сочинениях К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина показано, что любая теория общественных отношений, если она отрывает их от индивидуальной жизнедеятельности реальных людей, неизбежно превращается в оторванную от жизни наукообразную идеологическую спекуляцию, фальсифицирующую в одинаковой мере и реальные общественные отношения, и реальных людей. Классовые интересы пролетариата и трудящихся масс несовместимы с такими теориями, ибо они, иллюзорно отображая общественную жизнь, не дают полных знаний о жизни людей. Без этих знаний революционный пролетариат и его союзники не могут успешно разрушать отношения классового насилия и созидать новое социалистическое общество.

Удовлетворяя глубокую классовую потребность пролетариата в объективных, последовательно научных и всесторонних знаниях жизни, К.Маркс и Ф.Энгельс применили в своих философских работах качественно новый принцип объяснения общественного прогресса - принцип тождественности индивидуальной жизнедеятельности людей и содержания общественных отношений.

Для того чтобы раскрыть глубокий философский смысл созданного К.Марксом и Ф.Энгельсом социологического принципа, мы выделим три аспекта в его содержании.

Первый аспект составляет решение важнейшей проблемы: что следует считать содержанием общественных отношений. Научное достоинство теории К.Маркса и Ф.Энгельса состоит в том, что она в содержание общественных отношений включила всю многообразную, эмпирически наблюдаемую жизнь людей. Общественные отношения - эта философская категория для обозначения всего потока человеческой жизни. Индивидуальная жизнь каждого отдельного человека и всех людей вместе - единственное исчерпывающее содержание этого потока. Марксистская теория общественных отношений не выборочно, не частично отображает индивидуальную жизнь людей, а всесторонне, во всем ее многообразии.

Приведем лишь некоторые из многочисленных высказываний К.Маркса и Ф.Энгельса по этому вопросу: «...личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало - и повседневно воссоздает - существующие отношения...» (9), «действительными людьми в их действительном общении созданы эмпирические отношения...» (10), «в буржуазном классе, как и во всяком другом, совместными и всеобщими условиями становятся только развивающиеся личные условия, при которых живет каждый отдельный член класса» (11), «общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов...» (12).

В советской литературе сложился традиционный прием расчленения общественных отношений на материальные и идеологические, на экономические, политические, нравственные и т.д. Такое расчленение имеет положительное значение как для проведения принципа материализма в социологии, так и для уяснения структурно-

функциональных связей между различными видами отношений в рамках общественно-экономической формации. Однако только такой анализ приводит к односторонности, поскольку ему не предшествует исследование сущности и содержания общественных отношений, их генезиса в процессе материально-практической, предметной деятельности общественного человека.

Второй аспект марксистского социологического принципа нацелен на изучение отдельной личности. Содержание его состоит в решении проблемы: являются ли общественные отношения для личности чем-то внешним, посторонним (хотя и «тесно» с нею связанным) или же они органически входят во внутреннюю структуру личности, образуя имманентную часть ее «Я».

На первый взгляд кажется, что личность в общественных отношениях лишь проявляет свою особую индивидуальную «самость», существующую параллельно с общественными отношениями, что она лишь находит общественные отношения в качестве внешних условий. Поэтому как будто бы нельзя говорить о субстанциональном пребывании личности в общественных отношениях.

Однако, вопреки этой видимости, К.Маркс и Ф.Энгельс, преодолев иллюзорные впечатления обыденного сознания и узкий кругозор предшествовавших учений, пришли к крупнейшему и поистине гениальному открытию: общественные отношения органически входят во внутреннюю структуру личности, непосредственно составляют ее имманентную «самость». Нельзя не заметить, что вывод звучит как парадокс: общественные отношения, т.е. отношения многих, имманентны отдельному человеку. Как это понимать? В чем суть марксистского положения о единстве личности и общественных отношений?

Присмотримся к жизненному положению любого из индивидов и к этой позиции, которую он не может не

занимать относительно себя и общественных отношений своей эпохи, общества, класса. Человек любой эпохи включен в определенную социальную структуру, в объективные общественные отношения. Они существуют как отношения многих людей данного общества, а потому отдельный человек, заботящийся об удовлетворении своих потребностей, должен сам «приспособлять» общественные отношения к своим потребностям. Для отдельного человека необходимость объединять общественные отношения со своей собственной индивидуальностью является повседневной житейской заботой, вытекающей из самого существования человеческой жизни: ведь никто не может заменить любого человека в процессе удовлетворения его потребностей. Каждому приходится делать это самому.

Чтобы жить и удовлетворять свои потребности, человек действует, овладевает общественными отношениями определенной социальной группы, класса. В процессе своей жизни он постоянно «наполняет» определенный «участок» общественных отношений своим индивидуальным, личностным содержанием. Это наполнение общественных отношений потребностями, устремлениями личности и есть процесс включения общественных отношений во внутреннюю структуру личности. Своей деятельностью личность превращает «близлежащие» внешние социальные отношения в форму своего собственного индивидуального развития. Индивидуализированные общественные отношения несут в себе содержание конкретной личности, которая активно придает им неповторимое и оригинальное своеобразие. Индивидуальные качества личности, от обычных и повседневных до утонченных и интимных, постоянно прибывают в общественных отношениях. «Условия, при которых происходит жизнедеятельность индивидов, - представляют собой условия, относящиеся к их индивидуальности, и не являются чем-то внешним для них» (13).

Органическое слияние общественных отношений с имеющимися у личности готовыми потребностями, устремлениями - это лишь одно из проявлений пребывания общественных отношений во внутренней структуре личности. Другим таким проявлением является то, что все устремления, все потребности личности, какими бы «спрятанными» в интимный мир и удаленными от «поверхности» общественных отношений они ни были, представляют собой своеобразную, причем очень важную фундаментальную форму существования общественных отношений. К.Маркс открыл и теоретически обосновал тезис о том, что потребности личности являются способом существования общественных отношений.

Итак, общественные отношения являются непосредственной субстанциальной сферой существования всего личностного содержания индивида. «...Мое собственное бытие есть общественная деятельность» (14).

К.Марксу и Ф.Энгельсу удалось создать принципиально новую, научную теорию общественных отношений. Эта теория в качестве важнейшей составной части содержит учение о личности как живой, созидающей эти отношения индивидуальности.

В домарксистских теориях личность не могла быть исследована глубоко потому, что общественные отношения понимались иллюзорно. Тот факт, что они образуют имманентную «самость» индивида, был не известен теоретикам. Естественно, что на таком уровне исследований не могло быть и речи о подлинно глубокой теории личности.

В сочинениях философов домарксистского образа мышления можно найти множество уверений о том, что человек - существо социальное, общественное. Они были известны с древнейших времен, но также хорошо известна и недостаточная теоретическая емкость и состоятельность этих догадок. Например, в сочинениях Л.Фейербаха имеется

не меньше, а может быть и больше, чем в марксистской социологии, напоминаний об общественной сущности отдельного человека. Но от многократного повторения слова «социальность» теория Фейербаха не стала содержательней. Фейербах не смог научно проанализировать общественные отношения и структуру личности. Поэтому его теория личности волей-неволей была сведена к тощей антропологической абстракции. Многочисленные напоминания Л.Фейербаха об общественной природе человека не могли поднять его концепцию личности на уровень подлинно научного анализа человека, остались поверхностной декларацией.

«...Так как он рассматривает людей не в их данной общественной связи, не в окружающих их условиях жизни, делающих их тем, чем они в действительности являются... Фейербах никогда не добирается до реально существующих деятельных людей...»(15).

К Маркс и Ф.Энгельс научно обосновали такое понятие личности, из которого следует, что отдельному человеку непосредственно, в качестве его индивидуальной жизни, присущи общественные отношения. И поэтому каждый человек является не только объектом, на который извне воздействуют общественные отношения, но и субъектом, который активно творит общественные отношения. Индивидуальная деятельность каждой личности есть непосредственное созидание общественных отношений.

Этой важнейшей стороны общественной жизни не учитывали домарксистские философы. И по этой причине развитие общественной жизни подменялось в философии Гегеля мистическим самодвижением. Уже Фейербах видел, что верить в такое мистическое самодвижение общественной жизни нельзя. Но он лишь нигилистически отбросил теорию Гегеля, не одолев ее оружием конструктивной критики, потому что исходил из ошибочных антропологических представлений о человеке.

Подлинная критика философии Гегеля должна была показать действительные источники развития общественных отношений. Эти источники - в социально возникающих потребностях живых людей. Жизнедеятельность людей и есть общественные отношения. Общественные отношения развиваются потому, что они - средоточие не изменяющихся антропологических, а исторически преходящих социальных потребностей индивидов, которые вечно не удовлетворены существующим положением вещей, вечно прибывают в самоизменении.

Таким образом, только с открытием общественных отношений во внутренней структуре личности стало возможным не декларативно, а обоснованно показать, что именно личность выступает объектом общественных отношений.

Третий аспект методологического принципа социологии К.Маркса и Ф.Энгельса раскрывает объективную обусловленность и классовое (в классовом обществе) содержание индивидуальной деятельности человека.

Преобразование общественных отношений в индивидуальную черту, в «социальное тело» личности меньше всего похоже на волюнтаристическую акцию со стороны отдельного индивида. Общественные отношения отнюдь не «трофеи», беззащитные перед волей случайного человека. Индивид не может беспрепятственно выбирать себе любые общественные отношения, поступать с ними по своему произволу и наполнять их, как пустые сосуды, любым своим личностным содержанием. Общественные отношения, доступные отдельному индивиду, как и вообще все общественные отношения, насыщены личностным содержанием других людей. Поэтому индивидуализация общественных отношений отдельным человеком непосредственно затрагивает потребности и интересы других индивидов. Она с самого начала направлена на

встречу общественных отношений с личностным содержанием других людей, предполагает вторжение в сферу жизни других людей, которые в чем-то отличаются, от помогающей личности, а в чем-то сопротивляются ей.

Значит, только в практике при взаимоотдаче и устремленности с двух сторон - со стороны личности и со стороны общественных отношений (других людей) - отдельная личность действительными актами своего жизнеутверждения, отнюдь не произвольными, а исходящими из объективных условий ее бытия, может развивать общественные отношения, объединять эти отношения с содержанием своей индивидуальности и участвовать в сохранении и развитии потребностей других индивидов, вступающих с нею в общение.

В соответствии с формами собственности, разделением труда в обществе на долю отдельного индивида приходятся вполне определенные, объективно обусловленные социальные средства индивидуализации общественных отношений. Они и предопределяют характер и «участок» общественных отношений, доступные личности для индивидуализации. Так, в капиталистическом обществе у буржуа в качестве главного социального средства индивидуализации общественных отношений выступает капитал, у рабочих - продажа рабочей силы и т.д.

Следовательно, возможности преобразования человеком общественных отношений во внутреннюю черту своей индивидуальности находятся в прямой зависимости от характера социальных средств воздействия на общественные отношения капиталистического общества, которые позволили бы ему индивидуализировать отношения прибыли, ренты, процента, предпринимательского дохода. Эти отношения не входят во внутреннюю структуру личности рабочего, остаются недоступными для пролетария и поэтому для него имеют только значение внешних социальных условий.

Отсюда следует, что в классовом обществе, на основе поляризации системы общественных отношений, разные группы людей индивидуализируют резко различающиеся между собой классовые участки общественных отношений. Поэтому здесь формируются полярно противоположные классовые личности, антагонистически относящиеся друг к другу. Это не означает, что в пределах одного социального класса личность является пассивным продуктом общественных отношений и что все люди стандартны, одинаковы. Как правило, личность активна, целеустремленна, обладает относительной свободой выбора, иногда вплоть до разрыва со своим классом. Человек в большей степени созидатель и творец жизни, чем обычно он сам об этом думает.

Таковы три аспекта марксистского методологического принципа, раскрывающие его содержание.

Открытие общественных отношений в структуре отдельной личности показало, что именно личность является «точкой роста» всех социальных отношений, которые и существуют лишь потому, что они «нагружены» потребностями отдельных живых людей. Личность выступает единственным поставщиком содержания общественных отношений и, следовательно, является единственным творцом их объективного начала.

Для правильного понимания мысли К.Маркса и Ф.Энгельса крайне важно иметь в виду то обстоятельство, что личность выполняет эти важнейшие жизнетворческие социальные функции не какой-то социальной деятельностью, а простым эмпирическим процессом своей жизни, т.е. вся жизнь человека существует как содержание общественных отношений. Поэтому человек обычно не догадывается о полной мере своего участия в создании и развитии общественных отношений.

Учение К.Маркса и Ф.Энгельса о единстве личности и общественных отношений имеет огромное революционное

значение. Открытием общественных отношений в структуре личности они показали утопичность и абсурдность идеалистических и христианских утверждений возможности улучшения социальной жизни путем такого «внутреннего» совершенствования личности, которое оставляет без изменения существующие в обществе отношения.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.3.
2. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.1.С.424.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 377.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т 2. С. 43.
5. Там же. Т.3. С. 224.
6. Там же Соч. Т 3, С. 195.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений М., 1956. С. 573-574.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 38.
9. Там же . С.440
10. Там же . С. 222.
11. Там же . С. 355.
12. Там же . С. 24.
13. Там же . С. 72.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений М., 1956. С. 590.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44.

ПРЕДМЕТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие предметной деятельности человека есть развитие его общественных отношений. Интенсивное и экстенсивное развитие предметной деятельности приводит к усложнению общественных отношений. Сохраняя в себе «энергию» индивидуального и совместного труда людей, отделяясь от непосредственных производителей, они делают различных людей полезными друг для друга, обеспечивают связность развивающихся человеческих общностей.

Развитие предметной деятельности человека, концентрированно выражающей в качестве принципа и в качестве «начала» **единство** труда и общения, производства и самодеятельности, взаимодействия людей и их обособления, приводит к **отделению** труда от непосредственного общения, предметного богатства от индивидуального развития, форм взаимодействия от личностного самоутверждения... Для современного обществознания представляется банальным утверждение о том, что социолог или психолог должны «исходить из реальных индивидов». Проблема в том, как это сделать...

Достаточно известен марксов тезис о том, что если бы видимость и действительность совпадали, наука была бы излишней. Социальная реальность в своей конкретности не дана исследователю. И перед ним стоит задача, используя методические средства, продвинуться от видимости к действительности.

Переход от поверхностного - в этом смысле абстрактного - описания жизнедеятельности людей к ее конкретному пониманию и объяснению не означает исключения непосредственных данных о жизни, как мы ее

видим и переживаем, из сферы философского анализа, он указывает на возможность понять ее в соответствии с определениями, характеризующими специфику человеческого бытия, но не тождественными нашему видению и переживанию...

Обычный рассудок разделяет отношение человека к предмету, отношение человека к человеку, отношение его к себе самому. Для обыденной практики это естественно, хотя в этой «естественности» скрыты сложные вопросы: что это за человек, откуда взялись отдельные вещи и люди, как они могут жить (быть), существуя в этих отдельных актах и связях?.. Рассудок легко справляется с этими вопросами, прибавляя, в случае надобности, действие к общению, а общение к индивидуализации человека. Пользуясь подобной логикой, рассудок вполне эффективно действует в рамках обычного опыта, закрепляет определенные формы существования человека в этом опыте, формы осознания последнего. Так дело идет, пока человек не наталкивается на осязаемые границы обычного рассудка. И тогда он обращается к науке и философии. И бывает разочарован, когда обнаруживает те же рассудочные формы и представления, которые начали его подводить в обычной практике.

К сожалению, научные и философские представления о деятельности в массе своей мало отличаются от представлений обыденных: многочисленные рассуждения о связи деятельности и общения, индивидуального и социального, соответствующие дискуссии свидетельствуют об этом.

Когда человек (взрослый или ребенок), познакомившись с вещью, переходит к взаимодействию с другим человеком - это естественный, практически обоснованный шаг. Но когда профессиональный экономист или психолог рассуждает о деятельности и общении как о различных, обособленных и противоречащих друг другу процессах, которые надо

каким-то образом связать, - это постановка проблемы, заведомо исключающая ее решение...

Разумеется, о деятельности можно говорить и мыслить по-разному. Но в философии, особенно в философии середины XX в., понятие деятельности играет особую роль, поскольку оно раскрывает формы движения, изменения, развития общественной жизни, связывает ее обособленные, ее отдельные моменты и аспекты, стадии и состояния, ее «драматургов и актеров».

В плане методологическом таким образом понятая деятельность оказывается **принципом**, из которого выводятся другие понятия, трактующие совместную и индивидуальную жизнь людей, структуру и динамику этой жизни. Для использования понятия деятельности в этой функции совершенно необходимо определенное культурное напряжение, профессиональная смелость и последовательность. Важно отчетливое понимание того, что совместная и индивидуальная жизнь людей в значительной мере есть создание самих людей и существует как воссоздание и трансформирование обретенных ранее форм. «Естественный» ход эволюции, тем более «логика вещей» далее не определяют перспективы социального развития и культурных взаимодействий. На чаше весов деятельность людей начинает перевешивать естественную необходимость. В этом - новизна и драматизм ситуации.

Философская последовательность (и одержимость) заключается в том, что **все аспекты и моменты** общественной жизни представляются как совместная и индивидуальная **деятельность** людей. Деятельность, как рентгеновское излучение, проходит сквозь покровы и за границы обычных представлений, и тогда **все** - структуры, отношения, вещи, сами люди - предстает как динамика движения человеческих сил, как их синтезирование и расходование, как их кристаллизация и растрата, как их закрепление и развитие.

Философская последовательность (соответствующая осмотрительность) состоит в том, чтобы понимать пределы такого видения, зачем и для чего оно проецируется на другие способы представления человеческой реальности. Именно отсутствие четких методологических рамок в использовании понятия деятельности как **принципа** провоцирует стандартные обвинения в «гегелевщине», то есть попытке растворить эмпирию в некоем абстрактном понятии. Такие обвинения могут быть справедливыми, если предполагается, скажем, одним понятием деятельности объяснять всю динамику общества, решать частнонаучные и практические проблемы. Но в нашем случае речь идет совсем о другом. Полагаются пределы использования понятия деятельности как принципа развития понятий об индивидуальной жизни людей, их общественных отношениях, их жизненных средствах. И пределы эти устанавливаются не произвольно, а именно во взаимодействии с конкретным материалом научного и обыденного опыта, но во взаимодействии, носящем **проблемный характер**. Принцип деятельности обнаруживает свою продуктивность на фоне человеческого опыта, конфликтов, обыденных стереотипов и научных стандартов, столкновений наивного реализма и узкопрофессиональных подходов. В этих конфликтных ситуациях принцип деятельности представляет неочевидную связность, воспроизводимость, продуктивность общественной жизни **выступает противовесом** частичности, прерывности, разделенности человеческого бытия, конгломерата схематизмов, из чего ограниченный рассудок строит свои представления, на преодоление которых люди тратят невосполнимое время и силы.

Идея предметной деятельности как принципа развития общественных отношений еще далека от достаточно конкретного и четкого воплощения. Но она уже обросла

поверхностными и легковесными толкованиями, которые в одном случае используются как своего рода методические отмычки, а в другом становятся мишенями для критики, перечеркивающей вместе с упрощениями и методологическую идею деятельности.

Первым (по порядку) является упрощение, связывающее **предметность** деятельности прежде всего с предметом, на который обращены усилия человека. В фокусе внимания - предмет, в обычном понимании - вещь, т.е. в этом случае предметность деятельности характеризуется в зависимости от вещи, от материала, орудия, средства, продукта... Хотя и говорится: «предмет используемый человеком», фактически подразумевается: главной фигурой является предмет...

В таком понимании предметной деятельности совершенно упускается из виду (или сдвигается на задний план) представление о том, что деятельность становится возможной только при наличии человека как **предметного субъекта** деятельного контакта, изменения процесса. Только **предметный субъект** в состоянии привести в действие предметные средства, вывести их из связей «логики вещей» и заставить двигаться в формах деятельности. Предметность деятельности - отнюдь не в том, прежде всего, что он - **предметный субъект**, могущий по-разному связывать и преобразовывать предметы, приспособлять их к разным ситуациям и потребностям, придавать им формы, которых они от природы не имеют, возрождать в них силы и способности, заложенные в них другими людьми.

Человек как субъект деятельности представляет собой силу, но эта сила не тождественна его физической энергии (хотя и включает ее). Эта сила движется, реализуется, изменяется по формам, которые «сложились» из **разных** человеческих умений, навыков, знаний. Человек как предметное существо открывает или закрепляет в

предметах человеческие формы постольку, поскольку в нем обрели индивидуализированное, личностное бытие...

«Человек вообще», о котором любит поразмышлять не только философия, но и наука, и обыденная жизнь, - это особого рода образ (модель, абстракция). Деятельность не может совершать человек «вообще», ее реализуют конкретные индивиды, совместно или автономно. Причем автономная деятельность - особое состояние или стадия предметной деятельности как общественного процесса. В истории рода и в истории индивида автономная деятельность человека есть сравнительно поздний продукт его развития. Она по существу является одним из самых весомых, хотя и косвенных доказательств того, что индивидуализированная жизнь человека - это особая социальная форма, указывающая на способность человека использовать общественный опыт вне прямого контакта с другими людьми, преломлять и преобразовывать этот опыт для своих нужд.

Младенец проявляет признаки самостоятельности по мере того, как он преобразует непосредственные связи со своими близкими в формы своих способностей. А это значит, что он, уже без помощи взрослых, может осваивать предметный порядок своего бытия, раскрывать в предметах их социальные свойства, в соответствии со своими желаниями их использовать, комбинировать, изменять. Личность развивается, так как почерпнутый извне предметный и социальный опыт перевоплощается в формы самоутверждения человека, в его индивидуализированные установки, способности, интересы.

В отечественной психологии разные аспекты становления личности как предметного субъекта описаны Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым, А.И.Мещеряковым, С.Л.Рубинштейном. Однако сама идея личности как предметного субъекта остается неразвернутой из-за того, что психология продолжает пользоваться стереотипными

противопоставлениями социального и индивидуального, общения и деятельности, общения и предметности.

Само разделение психологии на индивидуальную, т.е. психологию личности, и общественную (социальную), т.е. психологию малых групп и других коллективов, способствует закреплению таких схематизмов (1). Но тогда социальность **сводится** к формам контактов между людьми, к формам непосредственно совместной их жизни и деятельности, к их прямому общению. Следствием этого является сознательное или неосознанное «вытеснение» индивидуального (личностного) за рамки социальности.

Существует много способов противопоставления индивидуального и социального (логические, аксиологические, психопатологические и т.д.). Нам достаточно упомянуть тот, который возникает из сопротивления здравого смысла сведению человеческой индивидуальности к жестким, овеществленным, квазиприродным структурам социальности. Когда здравый смысл сталкивается на практике или в теории с общественной структурой, полностью лишенной каких бы то ни было человеческих черт, он готов признать индивидуальность чем угодно, только не отождествлять ее с социальностью. Так он спасает индивидуальность. Но мы, тем не менее, должны отдавать отчет в том, что это спасение осуществлено за счет **отказа** понимать, как возникает социальность, как она изменяется, как она **возможна**.

Как только - в теории или на практике - эти вопросы проясняются достаточно резко, сразу возникает необходимость фиксировать общественную природу индивидуальности, ее воздействие на формы коллективности. Ибо если мы начинаем учитывать социальную форму бытия человеческих индивидов, то - будучи последовательными - мы **перестаем отождествлять** социальность и непосредственную совместимость

(коллективность) жизни людей, т.е. мы начинаем видеть **предметно-социальное содержание** индивидуальной жизни людей.

С этой точки зрения ребенок оказывается главным предметом своей деятельности. И не в силу только детского эгоизма, а поскольку он вынужден создавать себя и владеть собой так, чтобы относительно свободно перемещаться по миру предметных и человеческих взаимодействий. Когда он овладеет навыком превращать предмет в средство, обеспечивающее контакты с другими формами человеческого опыта, он получает соответствующую свободу перемещения по миру культуры, а пока не овладеет, он так и останется на уровне противопоставления «человек - вещь». Тогда и действительность естественно рассматривать как взаимодействие с вещами.

С этой точки зрения становится понятней: человеческая индивидуальность включена в социальный процесс не только через прямые контакты с другими людьми, но и через множество предметных опосредований, среди которых она (человеческая индивидуальность) оказывается **наиболее важным** связующим звеном.

В этом пункте мы, по сути, охарактеризовали **второе** (по порядку) упрощение, свойственное рассудочным определениям деятельности. Социальность - явно или неявно - выводится за рамки деятельности. И тогда эта социальность неизбежно сужается до масштабов непосредственного общения. Это - типичный для методологии обыденного рассудка ход. Мы можем его обнаружить и в отечественной и в зарубежной науке. В нашей литературе он устанавливает границу между личными и общественными отношениями, между общением и «объективными» социальными структурами. В американской социологии он «оставляет» за рамками социального анализа предметную сторону человеческих взаимоотношений и личностного бытия людей. В

результате **социализация** личности сводится к усвоению индивидом внешних для него социальных форм. То же самое, по существу, происходит в нашей психологии и педагогике, когда говорят о **формировании личности**.

Социальность непосредственных человеческих взаимодействий очевидна и важна именно в плане нашего повседневного осознания и переживания жизни. Но наше общение вовсе не сводится к формам непосредственных взаимодействий. Формы опосредованного общения не менее важны для бытия (а не только для сознания) индивида. Он бытийно-практически связан с огромным количеством людей через различные предметные опосредования. Причем эти опосредованные связи могут существенным образом влиять на желания и потребности личности, определять горизонты ее ориентаций и стремлений. Предметность индивидного бытия - от пуговицы до дверного звонка, от букваря до телевизора, от карандаша до автомобиля - все это средства общения, формы социальной связи, реализуемой в деятельности людей. Вычесть эти формы из деятельности и общения - и мы увидим везде примерно одни и те же структуры социальных взаимодействий. Включить их в рассмотрение деятельности - и мы увидим, что одни и те же, казалось бы, структуры общения выполняют совершенно различные функции в обществе, где опыт передается напрямую от человека к человеку, и в обществе, где телевидение выстраивает общемировую сеть человеческих коммуникаций.

Одним из важнейших в XIX в. было марксово открытие предметного характера общественных отношений. Он писал: «Предмет как бытие для человека, как предметное бытие человека есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, есть человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» (2).

Предметность общественных отношений понималась автором этого открытия, судя по всему, как такой их аспект (и соответствующее представление), благодаря которому становится возможным определение сил человеческих индивидов, способов их совместного бытия, систем их деятельности. Иными словами, предметность общественных отношений становилась **ключом** к пониманию сложной и разнообразной динамики человеческого бытия.

Однако во многих случаях, особенно у последователей Маркса, увлеченных техническим и экономическим истолкованием предметных аспектов общественных отношений, методологическая ориентация оказалась иной: предметность общественных отношений трактовалась в смысле сведения человеческих сил и способностей, их индивидуальности и совместности к техническим и экономическим структурам, вообще - к социальным структурам, представляемым как предметность, внешняя по отношению к человеческим индивидам, существующая независимо от них, господствующая над ними.

Похоже, автор открытия предвидел такую возможность: общеизвестны его критические тезисы, направленные против натурализации и фетишизации предметных средств человеческой деятельности, против того, чтобы понимать общество (его формы) как особый субъект, стоящий над индивидами. Однако история и наука отнеслись крайне непочтительно к этим предостережениям.

В отечественной философии уже довольно много сделано для того, чтобы показать **общественный** смысл **предметной** стороны человеческих взаимодействий. В работах П.Кучерова, К.Мегрелидзе, Э.Ильенкова, Г.Батищева, О.Дробницкого содержится достаточный методологический заряд для развития исследований, связанных с раскрытием **общественной** природы предметного бытия людей, в том числе их непосредственного личностного бытия, их

непосредственных взаимодействий, их опосредованных отношений в разных социальных контекстах. Однако заряд этот в значительной степени остается нереализованным. На уровне очень простых представлений - зависимость человека от мира вещей, от материального производства - открытие Маркса фактически перестает существовать, поскольку в них все переворачивается с ног на голову. На уровне постановки и решения достаточно сложных методологических задач - скажем, задачи совмещения философских, социологических и психологических подходов к трактовке предметного бытия людей - движение сразу стопорится: отчасти из-за методологической несовместимости, отчасти из-за узости и инерционности отраслевых научных подходов, отчасти из-за необходимости строить модели и реконструкции, выходящие за рамки привычных обыденных и научных представлений.

До сих пор, даже в минимальной степени, в области философского, социологического, психологического, культурно-исторического анализа не использована марксова идея чувственно-сверхчувственного бытия предметов человеческой деятельности. Сейчас даже трудно с достаточной определенностью сказать, почему методология общественнознания (включая философию) прошла мимо понятий и приемов исследования, которое так необходимо в середине XX столетия и для понимания качественных аспектов жизни и деятельности людей, и для укрепления позиций общественных дисциплин. Пока заметны лишь робкие попытки приблизиться к пониманию сложности человеческой предметности в технической эстетике, но они мало связаны с ресурсами философской методологии. В западной социологии тоже можно обнаружить некоторый интерес к предметным аспектам социальных взаимодействий (заметим, что большинство концепций **социального действия** выводит предметность за границы

социального); однако предметы рассматриваются либо в качестве биофизических посредников человеческих взаимоотношений, либо же - в плане социально-коммуникативном, т.е. социальность предметов обнаруживается в их знаково-символических функциях (3). Такое сведение социальности предметов к роли знаково-символических средств понятно в контексте достаточно узкого толкования **социального** как непосредственного взаимодействия людей (прямого общения): этот «ракурс» выявляет прежде всего коммуникативные функции предметности и скрывает ее значение (ее **социальное** значение) для функционирования человеческих способностей и потребностей, для воспроизводства и развития жизненных сил личности.

В «Капитале» Маркс писал о двойственной природе предметов человеческой деятельности, имея в виду, с одной стороны, природный материал, с другой - социальную форму его переработки, представления, использования. Поскольку его интересовала экономическая сторона дела, он социальность предметов - в данной исследовательской ситуации - трактовал в абстрактном, деиндивидуализированном смысле; это, кроме прочего, позволяло рассматривать предметы как абстрактные эталоны для соизмерения различных человеческих усилий. Но, по сути, данной методологией было положено начало исследованию социального аспекта человеческой предметности: социальная «сторона» предметности становилась проблемой, ибо социальность не сводится к ее абстрактному измерению и, как только важными становятся качественные аспекты человеческой деятельности, на первый план выходят индивидуальные формы социальности, различные их синтезы. Предмет оказывается носителем нескольких форм социальности (разных усилий, способов обработки, схем кооперации, индивидуальных смыслов, общих значений и т.д.). Усмотрение этих уровней

невозможно с одной точки зрения, с позиции одной теории (скажем, экономической) - необходима методология, реконструирующая деятельность, воплощение в предмете, объединяющая разные точки зрения на предмет, воспроизводящая его как связь разных социальных форм.

А ведь «социальная» сторона предмета «скрывает» сторону «природную», и «первая» природа предмета не так проста как это представляется, когда мы говорим о двойственной природе предмета. Природный «материал» есть, как правило, результат (опять же) предварительной деятельности людей, и если он даже превращен в однородную массу, то эта «масса», кроме прочего, скрывает его изначальную природную сложность. Здесь мы уже вторгаемся в сферу предохранительной проблематики и из этой зоны получаем сигналы о необходимости переосмысления рассудочных представлений о деятельности как об отношении человека к вещи.

Намеченная в марсовой методологии ориентация на многоаспектное бытие предметов человеческой деятельности была фактически первым научным предположением относительно важности для общества и человека объектов, которые, не являясь вещами в обычном смысле, играют важнейшую роль в сохранении и наращивании человеческого опыта. Таким образом, еще в середине XIX в. были зафиксированы ненаблюдаемые, «неклассические» объекты, работа с которыми имела и имеет колоссальное значение для владения всеми формами человеческой деятельности. Причем отметим, это открытие (оставшееся, к сожалению, незамеченным) было сделано значительно раньше, нежели аналогичное открытие неклассических объектов в физике.

Отношение человека к такого рода предметам неизбежно включает теоретическую - в более широком смысле - познавательную составляющую. Речь идет уже не столько о преобразовании предмета, сколько о своеобразном контакте

с ним, в ходе которого предмет обнаруживает свои различные грани и разные связи, обеспечивающие его особое бытие. Здесь уже речь не о «простых» вещах и их познании, речь - о необходимости учитывать сложность объектов, с которыми взаимодействуют люди. «Простота» вещей раскрывается через разнообразные проекции человеческой деятельности: «одномерность» вещи оказывается результатом прикрепленности ее к отдельным (устойчивым, механизированным, автоматизированным) формам деятельности. Сложность и простота вещей раскрывается через разные формы разделенных и кооперированных человеческих усилий.

В этом плане представления о субъекте и объекте как ключевых фигурах теории познания требуют существенной конкретизации. Познание осуществляется не между субъектом и объектом, не между человеком и вещью, а между людьми, осваивающими в своей совместной и разделенной деятельности одни объекты посредством других объектов. Причем в ходе развития общества соотношения между формами деятельной связи людей, используемыми ими предметами и предметами, подлежащими освоению, существенно меняются (4).

Литература

1. Психология // Филос. Энциклопедия. М., 1967. Т.4. С.427.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С.47.
3. Parsons T. Societies, Evolutionary and Comparative perspectives. Englewood-Cliffs, 1966.
4. Кемеров В.Е. Личность и проблемы социологии познания // Проблемы социального познания. Свердловск, 1972.

ЗНАКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОЦЕСС ОБЩЕНИЯ

Знаковая деятельность представляет собой не только процесс творения знаков и оперирования ими для получения из них определенной информации о той или иной сфере человеческой деятельности и ее объектах, но и процесс потребления ее результатов. В различных формах знаковой деятельности осуществляется или распространение (и обмен) в обществе уже известных сведений, или перекодировка имеющейся информации в ходе общения, или получение новой информации в процессе оперирования со знаковыми моделями реальных процессов и предметной деятельности. В процессе знаковой деятельности можно получить не только семантическую информацию об объектах, событиях, но и эмоционально-экспрессивную информацию о субъективных желаниях, вкусах, оценках и т.п. отправителей сообщений.

Таким образом, знаковая деятельность присуща только человеку, возникает при совместном трудовом процессе и становится необходимой формой человеческой деятельности вообще. Она детерминирована материально-практической деятельностью, материальными потребностями, интересами и средствами, зависимыми в конечном счете от материального производства, и опосредуется познавательной деятельностью человека (1).

Исторически возникающая благодаря деятельности людей и объективно существующая знаковая реальность, осуществляя непосредственную действительность сознания, приобретает известную самостоятельность. Причем знаковая реальность может выступать и как средство знаковой деятельности, и как объект, и как результат, продукт ее. И этот продукт знаковой деятельности

представляет собой материальные образования - знаки и знаковые системы - самой разной природы: это или опредмеченные формы, полученные в результате труда, или объективированное сознание (совокупность естественных и искусственных языков, произведения искусства и в целом явления культуры в семиотическом плане как специфические знаковые системы и т.п.).

Исторически первой формой знаковой реальности является язык. Язык и речевая деятельность, возникшие вместе с человеческим сознанием, создают необходимые условия для развития всех других форм знаковой деятельности. Если первоначально орудие труда выступило преобразователем объективной реальности в субъективную и наоборот, то язык продолжил его дело в качестве функционирующей и развивающейся системы знаков (2). Язык несет в себе двойную социальную функцию: он в одинаковой мере служит как средством социального общения, так и средством познавательной деятельности. Язык служит средством обмена опытом во всех сферах деятельности человечества, средством регулирования всех общественных отношений, не говоря уж о том, что он служит орудием мышления. Важна его роль в качестве существенного механизма совершенствования и развития опыта человечества. Язык как средство общения универсален, поскольку с его помощью можно выразить любые жизненные ситуации.

Определение сущности языка невозможно вне анализа его знаковой природы. Само же определение знака в литературе вполне справедливо связывается с понятием знаковой ситуации, ибо знак может функционировать лишь в ее пределах (3). Но, к сожалению, категориальный статус знаковой ситуации пока остается неопределенным.

Еще у Гегеля можно найти мысль о необходимости изучения знаков в определенной системе, в ситуации, когда он вычленяет некоторые ее элементы: **субъект** и его

потребности («человек со своими потребностями относится к внешней природе практически»), **объект** - «природу», **средство** - как оружие, необходимое для подчинения сил природы («предметы природы могущественны и оказывают всякого рода сопротивления. Чтобы покорить их, человек вставляет между ними другие предметы природы, обращает таким образом природу против самой природы и изобретает для этой цели орудия»)(4). Эта идея Гегеля может оказаться плодотворной для решения обсуждаемого вопроса, если ее распространить на процессы знаковой деятельности.

Существенными оказываются и другие соображения. Так, на основе анализа становления проблемы знаковой ситуации в истории науки А.Шафф (5) приходит к выводу о том, что знаковая ситуация возникает лишь при наличии взаимопонимания между людьми. Знаковая ситуация отсутствует, если обращаться к человеку на незнакомом языке, так как значение сказанного непонятно для собеседника. Точно так же и в случае знакомства со знаками уличного движения - знаковая ситуация возникает лишь в процессе усвоения их значения. Поэтому, вообще, дополняет А.Шафф, «знаковая ситуация результативна только тогда, когда общающиеся стороны одинаково понимают **значение** знака» (6).

А.Шафф правильно в данном случае отмечает, что при исследовании значения знака действительно следует исходить из процесса общения людей. Но он неправомерно отождествляет знаковую ситуацию с любым реальным процессом общения. В приведенных А.Шаффом примерах как раз возникает знаковая ситуация, но, ввиду отсутствия взаимопонимания между соотносящимися субъектами, знаковая деятельность в ней не реализуется.

Отождествление А.Шаффом знаковой ситуации с процессом интеллектуального общения справедливо подвергается критике Н.А.Слюсаревой, однако с предложенным ею решением также согласиться нельзя.

Аргументация Н.А.Слюсаревой сводится к следующему. Язык возникает из потребностей общения людей и неотделим от него. Будучи средством общения, язык в то же время представляет собой систему знаков, а знаки составляют неотъемлемую часть знаковой ситуации. И коль скоро знаковая ситуация возникает в процессе общения людей, заключает Н.А.Слюсарева, «она не может рассматриваться в качестве явления, тождественного самому процессу общения» (7). Получается, что знаковая ситуация возникает в процессе общения, а не наоборот - общение (знаковая деятельность) возможно на безе возникшей знаковой ситуации.

Общеизвестно, что язык есть средство общения, притом важнейшее, но чтобы осуществилось общение, содержанием которого является взаимодействие на основе обмена информацией, необходимы определенные условия, а именно то, что называется знаковой ситуацией.

Знаковая ситуация - это совокупность определенных элементов, в том числе и знаков. Но знаки являются элементами не только знаковой ситуации, но и знаковой деятельности в широком смысле слова, т.е. реального процесса общения.

Подход Н.А.Слюсаревой, в котором знаковая ситуация трактуется генетически производной, вторичной по отношению к процессу общения, предопределил и ошибочное определение категориального статуса знаковой ситуации. Так, исходя из анализа структуры процесса общения, состоящей из говорящего, слушающего, предмета, о котором идет речь, и языка, на котором это общение осуществляется, Н.А.Слюсарева все эти составляющие процесса общения характеризует только как материальные элементы, в то время, как «знаковая ситуация является идеальным, т.е. имеющим место в сознании людей, противочленом процесса общения»(8).

Что же касается структурных компонентов знаковой ситуации, то автор выделяет всего два - это знак и смысл. При этом особо подчеркивается роль знака как единицы системы знака, характеризующегося двусторонней сущностью. «Каждый знак, - пишет Н.А.Слюсарева, - состоит из материальной формы, т.е. внешней стороны, и отражения материальной формы в виде ее образа и значения, т.е. ее внутренней стороны» (9). Если внешняя сторона материальна, то внутренняя его сторона идеальна. Будучи явлением материальным, знак воспринимаем органами чувств человека и составляет компонент процесса общения. Когда он попадает в пределы знаковой ситуации, т.е. становится фактом сознания, происходит его осмысление, интерпретация как знака. «Понимание знака определяется включением его в пределы знаковой ситуации, т.е. в результате соединения его со смыслом как вторым компонентом знаковой ситуации» (10). И это соединение знака со смыслом есть то, что называется значением знака. А сам «знак есть единство образа материальной его формы и значения, реализованного в данной материальной форме» (11). Таким образом, именно знак выступает связующим звеном между знаковой ситуацией и процессом общения, благодаря которому эти два явления представляют собой неразрывное единство.

С предложенным вариантом решения проблемы нельзя согласиться. Прежде всего потому, что вызывает решительное возражение трактовка знаковой ситуации только как идеального противочлена процесса общения, при котором из ее структуры полностью элиминируются все материальные элементы. Во-вторых, из знаковой ситуации также исключается и человек, и субъект. «Люди, - пишет Н.А.Слюсарева, - не могут быть включены в пределы знаковой ситуации, так как они являются участниками процесса общения, по отношению к которому знаковая ситуация является производной» (12). И наконец, в-третьих,

весьма спорно и раскрытие сущности компонентов знаковой ситуации. Если знаки трактовать как чисто идеальные сущности в рамках знаковой ситуации, то они теряют всякий смысл, ибо не могут выполнять свои специфические функции **представления** (*замещения, обозначения*) других предметов, а также **выражения** идеальных продуктов деятельности сознания.

На наш взгляд, знаковая ситуация есть конкретный фрагмент реальной действительности, характеризующий объективные противоречия практического и познавательного процесса. Она отражает закономерную, исторически обусловленную связь явлений материального мира в процессе их взаимодействия, изменения и развития. Выражая совокупность условий и элементов, участвующих в формировании и реализации знаков в ходе человеческой деятельности, знаковая ситуация детерминирует целесообразную знаковую деятельность и, в первую очередь, реальный процесс общения. Исходя из этого, указанное понятие можно определить так: **знаковая ситуация - это совокупность условий и элементов, в которых и через посредство которых реализуется знаковая деятельность.**

Если знаковая ситуация представляет собой фрагмент реальной действительности, связанный с деятельностью человека, то ее следует рассматривать как единство материальных, определяющих, и духовных, определяемых, элементов. Только такой подход позволяет успешно изучить функционирование знаков в знаковой ситуации, а также всесторонне определить существо знаковой деятельности человека.

Знаковая ситуация характеризуется сложной совокупностью таких реально существующих элементов, как **субъект** (*адресант и адресат*), **объект** (*денотат, десигнат, референт*) и **знак** (*знаковые системы*), а также многообразными закономерными **взаимосвязями** между

ними. В свою очередь, каждый из элементов, входящих в знаковую ситуацию, структурен. При этом важно учитывать и возможность одного и того же субъекта быть участником нескольких знаковых ситуаций, иногда протекающих одновременно, но отличных друг от друга по объекту, потребности, цели, знакам. Ведь одни и те же общественные потребности и цели могут привести к возникновению нескольких знаковых ситуаций, взаимообусловленных внешними связями. Наконец, по-видимому, структурными элементами знаковой ситуации следует считать и **определенные этапы** ее, связанные с конструированием и использованием знаков в процессе исторического развития знаковой деятельности.

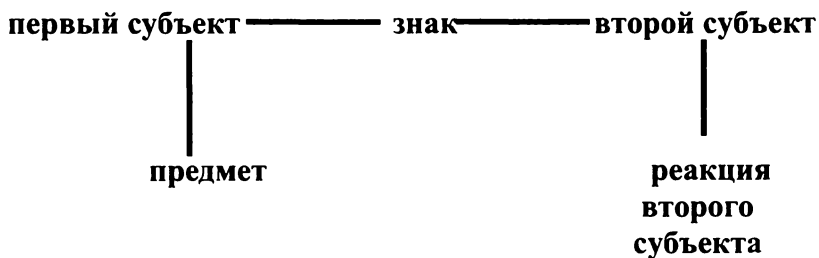
Значительный интерес в этом плане представляет анализ структуры знаковой ситуации, проведенный И.С.Нарским (13). Справедливо отмечая, что при обсуждении проблемы знаковой ситуации в литературе часто не учитываются коммуникационные и контекстуальные аспекты значений знаков, он предлагает свое оригинальное решение этого вопроса. Исходя из того, что знаковая ситуация - это структура поля функционирования знака, он выделяет десять ее основных элементов: «1) предмет (явление, состояние, событие, процесс); 2) предметный контекст, т.е. систему предметов, в различных связях с которыми находится данный предмет; 3) результат воздействия предмета на первого интерпретатора; 4) контекст деятельности первого интерпретатора; 5) материал знака; 6) знаковый контекст, т.е. определенную знаковую систему; 7) вызываемое знаком изменение в состоянии второго интерпретатора; 8) контекст деятельности второго интерпретатора; 9) реакцию второго интерпретатора на применение знака первым интерпретатором и ее последствия; 10) предметный контекст реакции второго интерпретатора на знак и последствия этой реакции» (14).

Такая детализация в выделении основных элементов знаковой ситуации позволяет учесть в ней не только *семантический, прагматический и контекстуальные* аспекты, но и помогает выразить некоторые *гносеологические отношения*, хотя непосредственно они и не входят в знаковую ситуацию. Больше того, при такой трактовке знаковая ситуация охватывает и *семиотидные* процессы.

Несомненно, данный подход обладает целым рядом преимуществ по сравнению с трактовкой знаковой ситуации в форме семиотического треугольника Л.О.Резникова (15), включающего знак, значение и предмет, и четырехугольника Л.А.Абрамяна (16), состоящего из материала знака, образа знака, отношения значения, понятия и предмета.

Достоинством прежде всего является то, что И.С.Нарский предпринимает попытку выявить в знаковой ситуации множество отношений, которые могут выступать в качестве знаковых значений, что приближает указанную модель к реальному процессу функционирования знаков. Поскольку в знаковой ситуации происходит передача информации, значение знака в широком смысле слова есть **инвариант информации**, содержащейся в конкретных значениях.

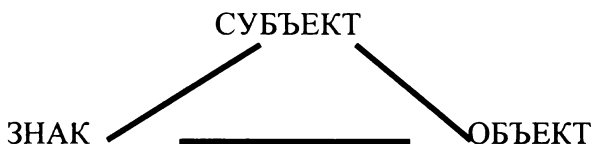
Однако, при явных достоинствах подхода И.С.Нарского, в его трактовке знаковой ситуации имеются моменты, которые вызывают определенные сомнения. В первую очередь это касается аспекта репрезентации, являющегося одним из главных, определяющих ее структуру. Так, если несколько упростить сложную схему И.С.Нарского, отвлекаясь от контекстуальных значений, ибо они чрезвычайно многообразны, то она принимает следующую форму:

Нетрудно заметить, что налицо известное отождествление репрезентационного аспекта с коммуникационным, что нам представляется неправомерным. Кроме того, И.С.Нарский акцентирует основное внимание на функциональном бытии знака, но оставляет в тени его субстанциональное бытие, с чем также согласиться нельзя.

На наш взгляд, знак следует понимать как субстанциально и функционально закрепленное отношение человека к миру. Как чувственный предмет, выделяемый практикой для отношения обозначения (референции), знак играет весьма важную орудийную роль. Поэтому следует согласиться с Л.А.Абрамяном (17), определяющим знак как чувственный (в отличие от тех авторов, которые считают его просто материальным) предмет, т.е. внешне объективный, но в то же время соотносимый с практической деятельностью, а следовательно, - с потребностями и целями субъекта. Что же касается функционального бытия знака, то оно прежде всего вскрывает его детерминацию в системе знаков, системную его обусловленность. Таким образом, хотя функциональному бытию знака принадлежит фундаментальная опосредствующая роль, но начальным и завершающим пунктом выступает именно субстанциональный момент его отношения к объекту и субъекту в системе человеческой деятельности.

И, наконец, структура знаковой ситуации, предлагаемая И.С.Нарским, по нашему мнению, чрезмерно детализирована. В этом, как отмечалось выше, есть и свои достоинства, но присутствует и недостаток. Дело в том, что конкретных знаковых ситуаций множество, причем каждая из них неповторима в своих модификациях. Поэтому вряд ли следует стремиться учесть все многообразные связи и отношения знаков в **исходной** теоретической модели. Универсальная схема, на наш взгляд, может выглядеть следующим образом:

В ней представлены основные элементы всякой знаковой ситуации. Конечно, эту модель не следует смешивать с конкретными многообразными условиями функционирования знаков. Но она позволяет выявить: а) основные, инвариантные элементы знаковой ситуации; б) основные связи и отношения между ними. Больше того, такой подход позволяет учесть не только закономерные связи элементов в знаковой ситуации, но и за ее пределами, т.е. обусловленность внешними связями (в частности, участия одного и того же субъекта в нескольких знаковых ситуациях). Но, естественно, что внутренние связи и отношения между элементами знаковой ситуации остаются определяющими по отношению к внешним. Так, в знаковой ситуации имеет место взаимодействие между материальными потребностями и интересами субъекта и знаками, которые могут удовлетворять или не удовлетворять их. В зависимости от этого материальные потребности и интересы в знаках или угасают, уступая место другим, или возбуждают стремление у субъекта к новым актам знаковой деятельности. В обоих случаях

результат знаковой деятельности влияет на будущую деятельность субъекта в пределах новых знаковых ситуаций.

Литература

1. Ким В.В. Семиотические аспекты системы научного познания. Красноярск, 1987.
2. Волков А.Г. Язык как система знаков. М., 1966, Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1972; Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.
3. См.: Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968. С.22; Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. М., 1970. С. 81.; Тайсина Э.А. Философские вопросы семиотики. Казань, 1993. С. 64-69; и др.
4. Гегель. Соч. М.-Л., 1935. Т.8. С.227.
5. Шафф А. Введение в семантику. М., 1963. С. 219-232.
6. Там же. С. 219.
7. Слюсарева Н.А. О знаковой ситуации. // Язык и мышление. М., 1967. С.276.
8. Там же. С. 277.
9. Там же. С. 281.
10. Там же.
11. Там же. С. 282-283.
12. Там же. С.280.
13. Нарский И.С. Проблема «значения значения» в теории познания. // Проблема знака и значения. М., 1969. С. 45-53.
14. Там же. С.46.
15. Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964. С. 56.
16. Абрамян Л.А. Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965. С. 168.
17. Там же. С. 57.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Философы и социологи исследуют человеческое общество в различных аспектах: историческом, гносеологическом, аксиологическом и т.д. Объясняется это исключительной сложностью и динамизмом общества, что вызывает потребность условного расчленения, выделения и автономизации различных его сегментов и качественных особенностей с целью удобства их научного анализа. Наряду с отмеченными аспектами, представляется целесообразным выделить институциональный аспект, который как бы профилирует изучение общества со стороны его онтологических характеристик системности, целостности, упорядоченности, организованности, устойчивости, сбалансированности и т.д. Особенность данного аспекта анализа заключается в том, что он позволяет вычленить то общее, что свойственно многим социальным образованиям: их определенную организацию; потребность во взаимосогласованном функционировании; внутреннюю иерархичность структурных элементов, обладание порогами прочности и др.

В современных условиях актуальность выделения данного аспекта объясняется и потребностью более адекватного рассмотрения взаимодействия личности и общества, понимания человека, с одной стороны, как нормированного существа, а с другой - как самооценности, не сводимой к его роли как члена того или иного института и исполнителя огромного количества социальных норм.

Ввод в научный оборот понятия «социальный институт» определяется необходимостью обозначить смысл и значение такой надындивидуальной реальности, которая не

совпадает ни с историческими формами общности людей, ни с демографическими группами. Институционализированный субъект не существует вне деятельности и отношений отдельных индивидов, но вместе с тем он имеет свою логику развития, и его существование не менее реально, чем существование самих индивидов.

Анализ отечественной литературы, посвященный проблематике социального института, дает основание говорить об отсутствии социального философского или социологического исследования данного феномена и широком диапазоне точек зрения на специфику его содержания, критерии классификации, роли в обеспечении системной целостности общества.

В настоящее время в отечественной литературе обозначились два основных подхода к определению понятия «социальный институт». Первый, который условно можно назвать расширительным, или процессуальным, представлен совокупностью точек зрения, рассматривающих социальный институт как некую целостность разноуровневых компонентов, включая субъект деятельности, предмет деятельности, ее средства и результаты и т.д. Поэтому вполне допустимым считается обозначение в качестве социального института искусства, науки, религии, материального производства и фактически любого социального явления. В этом варианте сложно выделить критерий или основание, которое конституирует социальное явление как социальный институт.

Вот почему представители второго подхода (назовем его атрибутивным), пытаясь преодолеть этот недостаток, выделяют тот или иной атрибут, интегративное свойство, которое присуще всем социальным институтам и которое качественно отличает их от других социальных образований. При этом называются такие атрибуты, как организация, совокупность регулятивных норм, системность и др.

Так, С.С.Фролов полагает, что « **...социальный институт - это организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества» (1).**

В интерпретации этого автора ценности - это разделяемые идеи и цели, процедуры - это стандартизированные образцы поведения в групповых процессах, а система социальных связей - это сплетение ролей статусов.

Такое понимание социального института представляет собой значительное продвижение в направлении к адекватной характеристике данного феномена, однако и оно не лишено недостатков. Во-первых, автором обозначаются только общепризнанные или общественно значимые потребности и ценности, тогда как в обществе существует масса социальных институтов, которые базируются на совершенно противоположных потребностях и ценностях (мафии, тайные общества, секты и т.д.).

Во-вторых, как бы за кадром остается основной познавательный и объясняющий принцип - принцип деятельности. Дело в том, что все социальные феномены имеют деятельностьную природу: они или субъекты деятельности, или ее средства, или результаты и т.д. Та же система социальных связей, как (по автору) сплетение ролей и статусов, есть форма или способ осуществления взаимодействия людей, есть продукт человеческой деятельности. Да и по своей сущности социальные институты есть субъекты человеческой деятельности.

Каков, на наш взгляд, наиболее конструктивный путь познания причин возникновения и специфики содержания того сложного социального феномена, каким является социальный институт?

Представляется, что определяющей причиной возникновения, функционирования и развития социальных

институтов выступает потребность **процесса** разделения труда, а в более общем плане - процесса дифференциации человеческой деятельности и общественных отношений. Необходимость и условия их удовлетворения формируют соответствующие интересы и цели, которые являются уже непосредственными детерминантами генезиса, становления и развития того или иного социального института. Поэтому особенность социальных институтов состоит в том, что они формируются целенаправленно, выступают результатом целесообразной деятельности. Конкретно это можно показать на возникновении тех или иных государственных органов, учреждений науки, армии, образования и т.д.

Кстати, это осознается не только в рамках диалектико-материалистической методологии, но и в современной западной социологической мысли, правда, несколько своеобразно. Н.Смелзер, например, пишет: «Одной из важных черт института является его соответствие «социальной потребности». Люди, видимо, не могут существовать без коллективных объединений-общностей и обществ, которые сохраняются в течение длительного времени. Эта тенденция, наверное, обусловлена биологической зависимостью людей друг от друга, преимущественно сотрудничеством и разделением труда в целях выживания по сравнению с усилиями отдельных индивидов, а также исключительной способностью людей взаимодействовать друг с другом на основе символической коммуникации» (2).

Важное методологическое значение имеет положение о том, что наряду с телесной, вещной и знаковой формами социальной предметности социальные институты есть своеобразные формы объективизации, опредмечивания человеческой деятельности и общественных отношений. Категории «человеческая деятельность» и «общественные отношения», таким образом, выступают философско-социологической матрицей анализа и позволяют раскрыть

сущность, содержание и основные функции социальных институтов. Рассматривая социальные институты как своеобразную форму опредмечивания деятельности и общественных отношений, мы тем самым ставим их в зависимость от последних. Но и сами институты не индифферентны к сложившимся в обществе видам деятельности и общественным отношениям, которые они «обслуживают».

Что же происходит с деятельностью и отношениями, подвергшимися институционализации? В силу того, что она предполагает известную специализацию, стандартизацию, а значит, повторяемость, деятельность и общественные отношения становятся устойчивыми, воспроизводимыми и направленными на достижение каких-то определенных целей (это можно показать на примере функционирования высшего учебного заведения).

Чем же качественно отличается социальный институт от многочисленных групп людей, складывающихся в обществе («малая группа», «социальный класс», «поколение» и т.д.)?

Из наиболее важных компонентов, составляющих специфику содержания социального института, следует выделить следующие. Во-первых, наличие объективного **статуса** или **положения** людей в определенной сфере деятельности и общественных отношений.

По всей вероятности, ввод в научный оборот понятия «статус» связано с именем Ральфа Линтона, который определял его как положение или место отдельных людей в обществе. Только в 40-х гг. нашего столетия в рамках структурного функционализма (Т.Парсонс, Р.Мертон, К.Дэвис и др.) произошло «расщепление» этого понятия на собственно «статус» и на «должность». Кингсли Дэвис, например, рассматривает статус как положение человека в общей институциональной системе, которая определяется и поддерживается обществом. Но оно не создается искусственно, а как бы естественным образом вырастает из

него и консервируется в обычаях и нормах общества, тогда как должность есть положение человека в искусственно созданной институциональной системе, которая управляется определенной группой людей при помощи особых правил.

Если, например, социолог является ученым, то это обществом признанный статус, а если этот ученый является директором института социологии или возглавляет какой-либо комитет в структуре исполнительной власти, то это уже не статус, а должность. Но в любом случае статус и должность сопряжены с выполнением определенных функций или ролей и влекут за собой закрепление за конкретными людьми необходимых прав и обязанностей.

Выполнение определенных функций связано с их неодинаковой значимостью как для конкретного социального института, так и для общества в целом. Эта значимость в западной социологии определяется понятием «престиж», который по, К.Дэвису, есть «одобрение, которое связано только с занимаемым положением, т.е. одобрение, сопровождающее данное положение, качества выполнения человеком обязанностей» (3). Для оценки выполнения конкретными людьми своих ролей вводятся также понятия «уважение», «репутация», «авторитет» и т.д.

Думается, что разведение понятий «статус» и «должность», как и других близких по смыслу понятий, на том основании, что они различаются степенью влияния субъективных факторов, не совсем удачно. По всей вероятности, речь должна идти о различных формах генезиса и реализации многочисленных статусов, которыми обладает каждый человек.

Каждый человек является носителем целой совокупности социальных статусов, значительная часть из которых задается ему объективно, независимо от его воли и сознания. Хотим мы того или нет, но мы наделены статусами родства (сын, дочь, отец, мать и т.д.),

гражданства (подданные определенного государства), этнической принадлежностью (русские, татары, башкиры и т.д.), социального происхождения (из служащих, из рабочих и т.п.). Это конечно, не означает, что человек лишен возможности обретения того или иного статуса, но в случае достижения им желанного статуса он уже оказывается как бы включенным в номенклатуру «социальных единиц», обеспечивающих выполнение определенных функций в данном виде деятельности и общественных отношений.

На наш взгляд, можно выделить следующие виды статусов. Во-первых, статусы бывают унаследованные (мужчина, женщина, сын, дочь и т.д.) и приобретенные (муж, жена, студент, преподаватель и т.д.). Во-вторых, социально или личностно востребованные (например, служба в армии востребована обществом, вступление в брак востребовано личностью, хотя и поощряется обществом). В-третьих, статусы могут быть целевыми (например, вступление в члены партии) и случайными (например, статус беженца).

Важным содержательным компонентом социального института является **совокупность ролей**, которые выполняют люди, ассоциированные в рамках данного института. Если статус выражает исходную позицию, определяемую объективными потребностями в том или ином виде деятельности и условиями ее осуществления, то социальная роль представляет собой процесс его реализации, динамическую форму его проявления (или функцию).

Еще Т.Парсонс, характеризуя роли, классифицировал их по эмоциональности, способу получения, масштабности, формализации и мотивации.

Эффективность деятельности любого социального института, его внутренняя стабильность, благоприятный социально-психологический климат в значительной мере

зависят от качественного исполнения людьми своих ролей, что, конечно, детерминируется не только статусными предпосылками, но и сугубо субъективными факторами (мотивами, интересами, удовлетворенностью своей ролью, ценностными установками и т.д.). Данное положение можно раскрыть на примере школы, семьи, вуза, кафедры и т.д.

В-третьих, одним из основных содержательных компонентов социального института и средств институционализации выступают **социальные нормы** как субъективные компоненты деятельности и отношений с целью повышения эффективности их реализации и самовоспроизводства.

Норма является той мерой, которая определяет стандарт поведения людей, составляющих социальный институт, посредством ее оценивается их деятельность и определяются санкции по отношению к тем, кто допускает девиантное (отклоняющееся) поведение. Обобщение множества однотипных актов поведения людей в аналогичных или сходных ситуациях находит выражение и закрепление в социальной норме, выступающей как предписание должностного и необходимого в отдельных и многократных актах поведения людей. Этим обусловлены обезличенность и общая обязательность для определения общности людей сложившихся императивов поведения. Главная функция социальной нормы как компонента социального института состоит в том, чтобы формализовать и специфицировать взаимодействия членов института, придать устойчивость, определенность и целостность этому феномену. При этом необходимо подчеркнуть, что общество использует как институциональные нормы (особенно правовые), так и неинституциональные (например, моральные), которые не задают жесткой регламентации и носят, как правило, внестатусный и рекомендательный характер. Но в любом случае остается основное назначение норм, которое заключается в противодействии

энтропийным процессам в обществе, т.е. чем более формализованы деятельность и общественные отношения, тем более они организованы или институционализированы.

Любая норма представляет собой триединство: диспозиции, оценки и санкции (что особенно рельефно просматривается в правовых нормах).

В западной социологии существует несколько трактовок социальных норм.

Так, Э.Дюркгейм в рамках так называемой эмпирической этики рассматривал систему обязанностей и прав, правила личного и социального поведения как объективный закон, что очень близко к пониманию норм как объективных феноменов. Другие исследователи тяготеют к конвенциональной или авторитарной (освещенной авторитетом) трактовке норм (нормы соглашений, сделок и т.д.). В данном случае уже снимается объективность содержания социальных норм.

В-четвертых, важным компонентом социального института является его **организация**, или **структура**, понимаемая как способ связи элементов. В этой связи следует отметить, что в различных социологических школах и направлениях используются фактически как однопорядковые или идентичные по своему содержанию понятия «социальный институт» и «социальная организация» (например, в работах А.И.Пригожина). Более приемлемой, на наш взгляд, является точка зрения, по которой организация включается в содержание социального института как способ подчинения (по вертикали и по горизонтали) людей, их взаимной функциональной зависимости и иерархии.

В зависимости от целевого назначения тот или иной институт обладает своеобразной технологией деятельности и различной степенью соотнесенности статусов и ролей.

В литературе выделяются различные типы организаций, накладывающих свой отпечаток на функционирование института:

1. Механистический тип организации, т.е. машинообразность деятельности и отношений между людьми, их полная подчиненность технологии производства (Ф.Тейлор);
2. Бюрократический тип, т.е. рационализированные способы деятельности и отношений, установка на инициативу, взаимозаменяемость, творчество (М.Вебер);
3. Гуманистический тип, т.е. акцент на партнерство, учет неформальных отношений и т.д. (Э.Мэйо);
4. Интеракционистский тип, т.е. учет психологических факторов, включая поддержку, одобрение и т.д. (Ч.Бернард, Т.Саймон).

Каковы же функции, которые выполняет тот или иной социальный институт? Можно выделить следующие из них:

1) закрепление, воспроизводство и трансляция общественных отношений и определенных видов деятельности;

2) регулирование взаимодействий и взаимоотношений между людьми, их координация и регламентация;

3) включение людей в деятельность и отношения.

Данные функции можно рассмотреть на конкретных примерах экономической, политической и культурной жизни общества. При этом необходимо обратить внимание на конкретно-исторический характер выполняемых социальным институтом функций.

Выделение основных компонентов содержания и функций социального института дает возможность определить его как **группу людей, выделившуюся в результате дифференциации человеческой деятельности и общественных отношений, субъекты которой обладают определенными статусами и ролями, нормами**

и организацией, регулируемыми и регламентирующими их деятельность и отношения.

Теперь обратимся к истории типологии, или классификации, социальных институтов, берущей свое начало от одного из основоположников социологии - Г.Спенсера, который выделял три их основных этапа: продолжающие род, распределительные и регулирующие. Основанием для подобной классификации служила аналогия социального института, или организации, с системой живого организма, для которого характерны питание, распределение, регулирование жизненных процессов.

В дальнейшем типология социальных институтов проводилась с акцентом на другие основания. Так, П.Блау классифицировал их исходя из тех ценностей, которые они воплощают в своей нормативной структуре:

- 1) интегративные институты, деятельность которых направлена на поддержание солидарности;
- 2) дистрибутивные институты, воплощающие собой и реализующие универсальные ценности, которые выступают средством сохранения и поддержания социальных отношений по распределению льгот, вознаграждений и т.п.;
- 3) организационные институты, функционирующие для укрепления авторитетов, мобилизации и координации усилий, направленных на достижение определенных целей.

Основное назначение социальных институтов П.Блау, как и все структуралисты, видит в интеграции и стабилизации социальных сегментов.

Многие авторы классифицируют социальные институты на основе их функционирования в тех или иных видах деятельности и общественных отношений. Отсюда и выделение таких институтов, как экономические, политические, культурные, религиозные и т.д.

Чем же осложняется классификация социальных институтов по их функциям? Можно выделить, как минимум, следующие причины:

1) один институт может выполнять и, как правило, выполняет одновременно несколько функций;

2) различным институтам присущ ряд общих функций;

3) на разных этапах общественного развития отпадают одни функции и появляются другие (например, современные государственные органы фактически сняли с себя воспитательные, планирующие и другие функции);

4) одни и те же институты в разных исторических условиях выполняют разные функции.

По всей вероятности, на современном этапе разработки данной проблематики допустимы поливариантность и множественность оснований для классификации социальных институтов. Действительно, если в качестве основания брать деятельность и общественные отношения, то многообразие их видов с необходимостью вызывают к жизни и соответствующие институты. Поэтому можно выделять, например, экономические институты (на уровне целых предприятий) и в этой же сфере выделять институты, обеспечивающие производственные циклы (конструкторско-экспериментальные, маркетинговые и т.д.). Вместе с тем в любом виде деятельности и отношений вызревает потребность в автоматизации, например, управленческих функций и в этой связи - в создании специального аппарата, а фактически - института управления.

Так появляется иное основание для классификации, и реально в общественной жизни мы видим пересечение «вертикальных» и «горизонтальных» структур институциональности, возникновение целых комплексов соподчиненных и иерархизированных социальных институтов (например, такой институт, как государство).

Как социальные институты соотносятся с личностью? Суть обозначенной проблемы заключается в том, что в любом обществе было, есть и будет противоречие между личностью и обществом, но не в абстрактной и универсальной форме, а в форме конкретного взаимодействия и противоречия между конкретной личностью и конкретным институтом, в котором эта личность функционирует как его ассоциированный субъект. Противоречия между личностью и социальным институтом заключается в том, что институт изначально запрограммирован на четкую дифференциацию своих субъектов по статусам, ролям и нормам, на неукоснительность их исполнения и воспроизводства. Только таким образом институт может успешно выполнять свои общественно-значимые функции. Личность же по всем своим параметрам, по стремлению реализовать свою индивидуальность постоянно выходит за рамки установленных стандартов, стереотипов, императивов и т.д., без чего вообще не может быть ее саморазвития, самовыражения (это естественно, не исключает наличия людей сугубо конформистского плана).

Наиболее оптимальной может быть ситуация сочетания, гармонии нормативности, стереотипности или стандартности поведения и деятельности, с одной стороны, и свободы реализации творческих потенций и своеобразия личности - с другой. Достигаться это может только в результате «встречного движения» институтов и личности. Личность не может существовать вне социума, вне человеческого рода, который представлен для нее целой сетью отношений и норм. Усвоение и присвоение их личностью есть не что иное, как ее социализация, но эта социализация в своей экстериоризации личностью должна носить индивидуализированный облик.

По мнению известного немецкого социолога М.Вебера, человек и общество с его социальными институтами

никогда не могут быть безболезненно объединены в единое целое. Поэтому человек должен подчиниться и даже способствовать управляющему воздействию «формальной рациональности», нормативной системы производства и управления, поскольку он в принципе не может быть свободен как член социального института. Фактически эта позиция смыкается с тоталитаристскими установками на абсолютный приоритет институциональности над стохастичностью функционирования общества и в жизни отдельной личности. Только гармония общественных, групповых и личных интересов и ценностей может обеспечить наиболее полное и динамичное раскрытие богатства социальных систем и человека. В таком обществе социальные институты должны не только не противодействовать индивидуализации человека, но и способствовать передаче и усвоению человеком каких-то общих социально значимых черт (духовных, моральных и т.д.), которые создают основу индивидуализации личности и с помощью системы стимулов способствуют ее реализации.

Институционализация общественных отношений носит конкретно-исторический характер и на определенных этапах развития общества может приобретать гипертрофированные формы. Эта гиперинституционализация вызывается как внутренними причинами формирования социального института, так и внешними. Возникновение и существование различных тайн общества закрытого и нелегального свойства представляет собой фактически полное подчинение личности установленным в этих социальных институтах нормам и ролям (даже независимо от иерархичности положения людей внутри института). Одной из таких превращенных форм институционализации общественных отношений выступает **бюрократизация**.

В методологическом плане очень важно, во-первых, определить социально-философский статус данного явления, что может быть достигнуто, прежде всего, путем рассмотрения его как объективного, субъективного или же объективно-субъективного образования и, во-вторых, обозначить ту сферу или тот социальный контекст, где возникает бюрократизм, где он приобретает свою качественную определенность и наиболее выраженную функциональность.

По всей вероятности, бюрократизм включает как субъективные, так и объективные компоненты и представляет собой очень сложное объективно-субъективное образование. В чем выражается объективность бюрократизма? Прежде всего, она выражается в том, что является одной из превращенных форм институционализации деятельности и общественных отношений. Реализация объективной потребности общества в самоорганизации и формирование с этой целью определенных средств - институтов управления, власти, контроля и т.д. - всегда таят в себе возможность их автономизации и обособления от общества, вплоть до отчуждения. В данном случае это достаточно четко можно показать на примере деятельности карательных органов в период культа личности, деятельности партийной номенклатуры и т.п.

Объективность бюрократизма проявляется и в предметности его функционирования, т.е. в средствах и методах институционализации и воспроизводства бюрократических структур (для примера можно использовать факты монополизации власти и управленческих функций в нашей стране, усечения гласности, мистификации выборности кадров управления и властвования).

Что касается субъективных компонентов бюрократизма, то, по всей вероятности, их основой выступает

индивидуализм, реализуемый с помощью корпоративности. Вот почему еще К.Маркс отмечал, что свойством бюрократа является стремление превратить государственную цель в личную, освятить себя нимбом общего интереса и пуститься в погоню за чинами, в делание карьеры. Наиболее действенной формой противодействия бюрократизму выступают демократизация всех сфер жизни общества и формирование правового государства.

Литература

1. Фролов С.С. Основы социологии. М., 1997. С. 143.
2. Смелзер Н. Социология. М., 1995. С.79.
3. Davis K. A conceptual analysis of stratification //Amer. Soc. Rev. 1942. Vol. 7, Nr 3. P.321.

Ю.Р.Вишневский
Екатеринбург

СМЕНА ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Две линии проходят через всю историю социологии - социоцентризм (от Канта - «Не человечество нужно объяснять, исходя из человека, а... человека, исходя из человечества») и антропоцентризм (от Милля - «в общественной жизни люди обладали такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены»). Объективно их существование и проявление связаны с основным противоречием социальной жизни (одновременно - «человек и общество» и «человек в обществе»).

Каждый из двух подходов - правильный, каждый - по-своему ограничен. На заре перестройки основной запал

дискуссий был нацелен на преодоление социоцентризма, подчеркивалась самостоятельность, индивидуальность каждой личности. И в той конкретной ситуации это было оправдано. Но жизнь, как обычно, показала ограниченность любой односторонности. Сегодня выявились (впрочем, об этом давно предупреждали и Ф.Теннис, и социологи психологической школы), что антропоцентризм может служить прикрытием безразличия к человеку, а индивидуализм - порождать атомизацию общества. Это позволяет сделать вывод о необходимости и правомерности интегративной ориентации, преодолевающей противопоставление человека и общества, подчеркивающей их взаимодействие, взаимосвязь. Соответственно необходимо выявить механизм взаимодействия человека и общества. При такой постановке проблемы выясняется: люди взаимодействуют, объединяясь в разнообразные общности, социальные группы. Их деятельность преимущественно приобретает организованные, институционализированные формы. Общество в своей реальности предстает как совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных социальных общностей и социальных институтов, форм и методов социального контроля. А личность проявляется через разнообразные социальные позиции (статусы), которые она занимает в этих социальных общностях, институтах, через разнообразные социальные роли, которые она играет. Соответственно и социология выступает не столько как наука о человеке (здесь у нее много общего с психологией) или об обществе (здесь многое ее роднит с историей, философией). Главным и специфичным для социологии является то, что взаимодействие личности и общества она рассматривает через призму социальных общностей и институтов. Именно это и определяет своеобразие предмета социологии как науки.

Не менее значимы проблемы структуры социологии. Здесь в поле внимания преимущественно соотношение макро- и микроуровней, теоретической и эмпирической социологии, т.е. круг идей, связанных с мертоновской теорией «среднего уровня». Между тем в отечественной социологии на первый план выходит проблематика отраслевых и региональных социологий. Как, по каким критериям их выделять, как избежать одноплоскостных срезов - эти и другие вопросы ждут исследователей.

Весьма противоречиво реализуется сегодня идеологическая функция социологии. Реакцией на сверхидеологизацию советского периода явилась деидеологизация, и здесь проявился пережест. Особенно негативно он сказался на ценностно-ориентирующей функции социологии - возник идеологический вакуум, произошла утрата ценностных ориентиров. Не случайно сегодня идет (с разных сторон) поиск новой «государственной» (или хотя бы объединяющей) идеологии. Одновременно усиливается идеологический пресс на социологию (часто сочетающийся с материально-финансовым давлением - в какие бы «мягкие» формы это не облачалось).

Сегодня в нашем обществе, в средствах массовой информации проявляется большой интерес к изучению общественного мнения путем проведения социологических опросов. Одновременно нарастает и волна критики в адрес социологов - за просчеты в прогнозах, различия в результатах опросов, проводимых разными службами общественного мнения. И тем важнее разобраться - что здесь от недостаточной компетентности и профессионализма тех или иных социологов и служб, что - от объективных трудностей изучения общественного мнения (противоречивость, текучесть, «размытость» общественного мнения; разнообразие и несопоставимость различных методик и технологий изучения общественного

мнения; ограниченность любого выборочного исследования и известная условность расширительной интерпретации его результатов за пределами выборки).

Еще один важный момент - переосмысление опыта современной мировой социологии. Прежде всего, речь идет об актуализации проблематики, отразившейся в интеракционизме, теории социального обмена, феноменологической социологии. Понимание общества через призму взаимодействия создало предпосылки для дальнейшего анализа этого взаимодействия, его характера, содержания - как понимают люди свои взаимоотношения, какой смысл они им придают? Исходным в интеракционизме является тезис: «общество - нечто большее, чем сумма индивидов». Этим «большим» является взаимодействие людей. Социолог должен изучать не отдельных индивидов, а индивидов в группе. Но что это значит? С одной стороны, - способность выделять себя из группы, сознавать свое Я, свою личность, с другой - посмотреть на себя со стороны. Особую значимость для человека приобретает первичная группа. Это те, с кем мы непосредственно взаимодействуем, о ком можем сказать - Мы (отделяя их от Они). Конечно, все многообразие социальных отношений не сводится к межличностным, да и первичные группы вряд ли играют решающую роль в формировании социальной личности индивида и его идеалов. Но и их недооценка серьезно обедняет представление о личности. И попытку интеракционистов обогатить эти представления нельзя не приветствовать.

В современной социологии все сильнее утверждается понимание: ни один из факторов, ни одна из социальных теорий не могут с исчерпывающей полнотой объяснить характер и динамику социальной жизни. В конечном счете к такому выводу приходили и многие из тех социологов, кто в своих теориях подчеркивал значимость какого-то одного или нескольких факторов. И здесь важно вновь вернуться к

идею Д.Белла об осевых принципах: «Я не верю, будто общества настолько органичны и интегрированы, что могут рассматриваться в качестве единой системы». Экономика, социальная структура и культура «управляются различными осевыми принципами».

Преодоление односторонних подходов в понимании социальной жизни особенно реализуется в интегративных теориях. Главная их цель - преодолеть противопоставление объективного и субъективного в научном объяснении социальной жизни. Интересные попытки развить такие теории были предприняты в последние годы П.Бурдье, Э.Гидденсом и Н.Луманом.

По оценке Бурдье, «социология сегодня полна ложных оппозиций (противопоставлений) - между теоретиками и эмпириками, субъективистами и объективистами... Все эти оппозиции (а есть еще много других) кажутся мне совершенно фиктивными и совершенно опасными».

Для Гидденса проблема заключается в том, «как должны быть определены концепции действия, значения и субъективности и как их можно соотнести с понятием структуры и принуждения». Цель его теории структуризации - положить конец одностороннему субъективизму «объяснительной» социологии и объективизму функционализма.

Решение поставленных упомянутыми исследователями задач потребовало и переосмысления ключевых понятий социологии: социальное действие, поведение, структура, система, социальное пространство, общества и т.д.

Так, Луман предложил разграничить понятие «общество» как «совокупность всего социального, социальных отношений, процессов, действий и коммуникаций» и «интеракций» как взаимодействия присутствующих.

Гидденс особенно подчеркивал неправомерность понимания социального поведения как жестко

детерминированного: «Не существует «неизбежных тенденций» социального развития, которые либо ускоряются, либо замедляются конкретно-историческими процессами. Каждая модель социальной организации и изменений состоит из случайно связанных между собой предвиденных и непредвиденных результатов». «Поток действий производит последствия, которые являются ненамеренными, и эти непредвиденные последствия могут также формировать новые условия действия посредством обратной связи...»

И еще один важный момент - и это четко выразил Луман - они не претендуют на отражение в своих концепциях социальной реальности во всей ее полноте, на исключительное обладание истиной.

Теоретический поиск в социологии не может быть плодотворным вне общих изменений в методологии социального познания, в современной науке в целом. Современная научная парадигма связана с отказом от универсалий науки классического периода и рядом авторов определяется как постмодернистская. В социальном познании эти процессы (особенно в нашей стране) идут с отставанием по сравнению с естествознанием. Но знамение времени - ток между естествознанием и обществоведением идет в обоих направлениях.

Смена парадигмы социального познания началась не сегодня, но во многом продолжает определять современную познавательную ситуацию. Что же переосмысливается и подвергается критике?

Во многих моделях общества и социального развития в классической и современной социологии - при всем различии и даже противоположности - есть совпадающие моменты:

■ холизм - акцент на целостность, системность общества;

■ детерминизм - выявление факторов, жестко определяющих поведение людей, их социальное взаимодействие;

■ монизм - абсолютизация одного из этих факторов;

■ универсализм - уверенность в способности той или иной теории дать всеобъемлющее объяснение социальных явлений и процессов.

На смену им должны прийти объяснительные принципы синергетической методологии. Синергетика подчеркнула необходимость разграничения состояний хаоса и порядка. В хаотических системах состояние каждого элемента самодостаточно, их взаимодействие - случайно. Но тем самым случайность стала рассматриваться как конструктивное начало, необходимое для рождения нового. Синергетика, теория самоорганизации убедительно показывает, что некоторая доля хаоса, стихийности, неопределенности - это не зло. Основная идея Пригожина: оптимален управляемый хаос. Такой подход - «порядок через флуктуации (отклонения)» - выделяет необратимость процессов в сложных системах. По-иному ставится и проблема их детерминированности (причинной обусловленности). Случайности делают ее менее жестокой, и соответственно процесс развития предстает нелинейным, многовариантным. Социальные действия и развитие общества с точки зрения синергетической методологии носят вероятностный характер. Они принципиально непредсказуемы в точках бифуркации. Теория самоорганизации показывает несостоятельность идеи полного и всеохватывающего контроля над социальными процессами. Управляющее воздействие со стороны субъекта лишь включается в процесс социальной самоорганизации. Оно вносит коррективы в этот процесс, но никогда полностью не подчиняет его. Обнаруживаются пределы человеческих возможностей. И не только в связи с конечностью и истощаемостью ресурсов, но и в собственно

человеческом смысле. Оказывается - не все проблемы имеют решение, во всяком случае - эффективное и легитимное (законное).

Социальная сфера является одной из областей нового синергетического прочтения. Действительно, она представляет собой постоянное столкновение необходимых и случайных явлений. В ней возникает множество нестабильных, неустойчивых процессов, действуют синергетически неравновесные социальные институты. Задуманное и спланированное часто при осуществлении оборачивается прямо противоположным, начинает развиваться иначе, подчиняясь каким-то своим организационным началам, своей логике. Синергетическое понимание системы, в которой решение проблем на микроуровне, может и не перестроить всю систему. Недооценка этого особенно опасна при осуществлении глубоких социальных преобразований.

В современном мире (в том числе и в России) социолог имеет дело с сосуществованием разных детерминант. Он оказывается в ситуации, описанной Пригожиным применительно к новейшему естествознанию: «неустраняемая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность». И в сфере социального познания оказывается весьма продуктивным принцип дополнительности, сформулированный выдающимся физиком Н.Бором и исключающий абсолютизацию какой-либо одной точки зрения на предмет исследования.

ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО

Существо периода, который переживает отечественное философское общество, - в разрыве с обязательностью марксистско-ленинской «истматовской» парадигмы и в свободном выходе за ее пределы по всем азимутам. Марксистская трактовка проблемы общества и личности изменяется (а кем-то и не изменяется) по-разному. Главные направления переосмысления и было бы разумным обсудить.

В подходе к личности марксизму свойственна ярко выраженная «антиробинзонада» или, иначе говоря, подчеркивание общественной сущности личности. Особо значим в этом аспекте тот из «Тезисов о Фейербахе» К.Маркса, который трактует сущность человека в ее действительности как совокупность всех общественных отношений, и его же «Экономические рукописи 1857-59гг.», согласно которым человек только в обществе и может обособляться.

Сообразно названным принципиальным положениям, в марксизме развивалась такая трактовка индивидуального и общественного сознания, согласно которой сознание изначально является общественным, а индивидуальное сознание - производным от него. Не раз, в частности, звучала гипотеза о том, что была стадия родового сознания, на которой отсутствовало индивидуальное самосознание.

Психологический аспект данной методологической установки развивает концепция Л.С.Выготского, где ключевым понятием является интериоризация в качестве обозначения феномена свертывания по определенным законам внешней речи во внутреннюю. В итоге разработки

данного аспекта марксистская трактовка выражается формулой, согласно которой личность - это интериоризованный ансамбль общественных отношений. Налицо адекватная марксизму психологическая концепция личности.

Однако марксизм далек от психологизации личности. Напротив, он ориентирует на то, чтобы найти стоящие за каждым психологическим проявлением личностного реальные сущностные общественные отношения. В частности, марксизм категорически против того, чтобы трактовать какую бы то ни было иллюзию в качестве просто вздора, отказываясь от поиска порождающих иллюзию извращенных общественных отношений. Показателен в этом плане анализ К.Марксом в «Капитале» иллюзий агентов капиталистического производства, а именно: труд - заработная плата, капитал - процент, земля - рента. За иллюзорными личностными представлениями об источниках собственного дохода каждый раз стоит то или иное реальное место в системе извращенных, по Марксу, общественных отношений. Задача освобождения людей от иллюзий, согласно марксизму, тождественна, стало быть, задаче переустройства реальных общественных отношений. Отдельные моменты воспроизводственного цикла, претерпевающие метаморфозы, трактуются в качестве взаимно превращенных форм. Вся логика подхода пронизана выделением отношений репрезентации. Да и одна из претендующих на марксистский статус трактовок идеального напрямую увязывает идеальное отношением репрезентации (Э.В.Ильенков).

Как видно, попытка даже не очень большого углубления в проблему сталкивает нас с голографическим отображением внутри нашей структурной единицы (общество-личность) всей той целостной теоретической системы, в контексте которой существует единица. Мы наталкиваемся на проблему соотношения идеального и

материального, их взаимопереливов и взаимообусловленности (имеется в виду социальная материальность), представленности как того, так и другого в индивидуальной и надличностной, собственно социальной, формах или, иначе говоря, в формах присвоенной и отчужденной. Мы наталкиваемся на проблему соотносительности идеального и социальной материальности, на проблему социального качества, на проблему социальной предметности вообще или, иначе, проблему предмета социального знания.

Возвращаясь к дихотомии «общество-личность», отметим, что одно и то же содержание может быть в разных формах представлено как на одном, так и на другом полюсе. Однако в рамках симметрии полюсов имеется и явная асимметрия, сдвигающая центр тяжести системы в сторону общественного отношения. Так, фигура капиталиста, согласно К.Марксу, - это персонификация того или иного общественного отношения, и объектом критики К.Маркса является не капиталист персонально, а капитал в качестве воспроизводимого общественного отношения, которое обладает собственной, отчужденной логикой самодвижения. По аналогии мы могли бы сказать, к примеру, что прокурор - это персонификация закона, милиционер - персонификация структурного насилия, и т.д. и т.п. Сказанное выше - это принцип подхода к трактовке единства общественного и личностного.

Исследование логики «Капитала» К.Маркса - это далеко не худшее направление усилий философской мысли советского периода. «Капитал» изучен, в частности, и как образец системного подхода к обществу. В терминах этого подхода можно сказать, что за качествами, которые кажутся свойствами личности, на деле всегда стоят конкретно-исторические формы реляционных социальных качеств. Вспомним еще одну из марксовых иллюстраций. Страсть к накопительству получает возможность в полной мере

проявить себя только в условиях господства денежной формы собственности. В самом деле, денежное накопление не содержит в себе имманентного ограничения собственного роста, а потому способно, в абстракции, расти до бесконечности какой-либо потребительской стоимости в натуральном выражении, скажем зерна, железа и т.п. Конкретно-исторически определенная социальная реляция - это основание, которое обнаруживает себя определенными формами индивидуально-личностной атрибутики. Личностное, собственно, таково только в его непосредственной данности, но оно же социально в своем сущностном основании. Личностное редуцируется к социальному.

Согласно данному пониманию, принято такое словоупотребление, при котором «человек» означает родовую принадлежность, «индивид» - отдельного представителя рода, а «личность» - социальный срез индивида, ограниченный, в абстракции, от его естественных, прирожденных, биологических и психологических качеств. Личность, по определению, - социальное в индивиде, индивидуализированно-отделенная форма представленности социального.

В данном узловом пункте общей теоретической модели кажется важным привлечь внимание к еще двум известным моментам: во-первых, к конкретно-исторической определенности общеизвестных отношений в рамках принципиальной их лабильности и, во-вторых, к отсутствию единого, априори, закона или гарантированно определенного способа интериоризации внешних общественных отношений во внутриличностные свойства. Речь, как видно, идет о проблеме соотношения общественного и личностного при том условии, что признано отсутствие априорной «нормы социальности». Напротив, признается лабильность социального и одновременно признается неопределенность способа

интериоризации в условиях эмпирически неведомых еще общественных отношений. Выражу эту мысль иначе. Индивид - элемент, включенный в социальную систему. Его свойства в качестве личности формируются по принципу обратной связи механизмом интериоризации. Так вот, человек - существенно нелинейный элемент, который изменяет неопределенно закон собственной зависимости от внешних социальных связей. Фраза похожа на каламбур, однако суть дела действительно напоминает параболичность. В этом пункте (который заложен в марксистскую модель, но который, как сказали бы ныне, не артикулирован в нем) - ахиллесова пята марксистской модели, имманентная ей, самоотрицательность, правда, имплицитная. Начиная с этого пункта, можно было бы поставить вопросы о бифуркациях, о катастрофах, об иных способах движения того или иного общественного отношения в зависимости от наличной индивидуально-личностной типологии.

Так, вся модель «Капитала» К.Маркса имплицитно предполагает тип такой личности, которая оптимизирует собственную деятельностьную активность сообразно определенным экономическим критериям (максимизирует норму прибыли, что делает капиталист, или зарплату, отнесенную к единице трудовых затрат, что делает рабочий). Но вся модель станет иной при условии господства иного типа рациональности, в трактовке М.Вебера. Критическое замечание в адрес учебников по экономике, не замечающих зависимость экономической модели от господствующего типа личности, содержится, в частности, в известной статье Френсиса Фукуямы «Конец истории?»

Сопоставление полюсов «общество-личность», помимо прочего, производится в аспекте «целое-часть» (или «система-элемент»), чем, собственно, и объясняется сама асимметрия. В самом деле, элемент (часть) не обладает той полнотой, тем богатством качеств, что и система (целое).

Сообразно этому, марксизм использует понятия «совокупный работник», «совокупный рабочий», с одной стороны, и «частичный человек», с другой стороны.

Если к данному способу видения добавить тезис о принципиальном значении языка в конституировании социального целого, то становится вполне уместным утверждение о принципиальной «театральности» всей общественной жизни. Все то, что на стороне социального целого является одной из его внутренних необходимых функций, на стороне индивида выступает в качестве социальной роли, которую он присваивает. Точности ради надо отметить, что социальной роли одного индивида мало для обеспечения социальной функции. Нужны, как минимум, двое. Ну, хотя бы, скажем, муж и жена, которые реализуют взятыми на себя ролями функцию родового воспроизводства, социальную, надбиологичную по ее качеству. Вот почему, в частности, уместно настаивать на том, что «муж» и «жена» - понятия социальные, а не биологические в отличие от понятий «самец» и «самка». Понятие «роль» использовано для того, чтобы подчеркнуть принципиальную условность социального, по его качеству, способа деятельностной активности индивида. Но это такая условность, которая становится безусловной в рамках данного социального целого механизма общественной признанности. Примером подобной безусловной условности могут служить деньги. Деньги, однако, обезличены, а у нас речь о личности.

Признаем, что каждый конкретно-исторически определенный социум обладает множеством необходимых внутренних функций. В каждой из функций есть момент условности, в смысле полной ее биологической бесполезности. Условность оказывается, однако, безусловной посредством общественного признания, будучи принята большинством индивидов. Принципиальное значение во всем этом механизме имеет символ.

Индивиды выстраивают социальные роли, обеспечивая своими действиями социальные функции. С понятием театральной роли, маски и связано изначальное значение термина «личность». В свете сказанного можно трактовать личность в качестве индивида, который механизмами интериоризации присвоил устойчивую систему социальных ролей. Через эти роли личность включена в реализацию социальных функций. Из-за неустранимого момента условности можно уподобить общественную жизнь театру, игре по определенным правилам. Но окончательные результаты игры лишены условности. Условности позади, за спиной, в процессе опосредования собственной целостной жизнедеятельности. Таким способом можно представить вкратце марксистскую модель взаимообусловленности в плане «общество-личность».

К этой модели нужно давать, далее, марксистскую концепцию отчуждения. На стороне социума рождаются надличностные отчужденные эффекты, которые затем приобретают свою персонификацию. По-видимому, на этом основании асимметрия в дихотомии полюсов «общество-личность» сдвинута в сторону общества, а не личности. В итоге, повторим, личностное редуцируется к социальному, а не наоборот. Вследствие эффекта отчуждения на картину осознанно взаимодействующих между собой индивидов, играющих одновременно каждый свою социальную игру, налагается концепция «невидимой руки» - объективных законов истории. Они сознают свои ближайшие цели, но не сознают собственную роль в порождении выходящей за рамки роли социальности.

К.Маркс, по-видимому, по примеру Гегеля, который ставил вопрос «С чего следует начинать науку?», в «Экономических рукописях 1857-59 гг.» ставит вопрос «С чего следует начинать общественную науку?» К.Маркс показывает ошибочность кажущегося поначалу очевидным стремления начать прямо с народонаселения. Начинать

следует, убеждает он, с господствующего в данном обществе общественного отношения. С товарного отношения, сообразно этому, и начат «Капитал». Органика общественных отношений, имманентных социальному целому, интериоризуется в личностях и порождает определенную типологию личностей, адекватную конкретно-историческому социальному целому. Начатый анализом товарного отношения «Капитал» должна была бы завершать неоконченная 52-я глава под названием «Классы». От главного общественного отношения - к классификации людей, - такова вся логика марксова подхода в целом.

Так видятся общие контуры марксистского подхода к проблеме. О личностях великих, которые, согласно Г.В.Плеханову, видят дальше других и желают больше других, говорить не будем. Согласимся в заключение нашего обзора, что налицо весьма продуманная теоретическая модель, в которой заложен еще не до конца использованный потенциал. Было бы неоправданно позволять неوفитам примитизировать данную модель или кичится собственным невежеством. Суть дела, однако, не в этом, а в том, думается, чтобы определить на основе этой модели (в рамках которой формировалось видение проблемы у многих из нас) точки развития, прорыва, может быть, даже разрыва. Перейдем к этой стороне дела, т.е. к критике марксистской теоретической модели в аспекте «общество-личность».

Отношение «общество-личность» - онтологически очень сложное. В силу этого и гносеологически никто и нигде не достиг еще понимания, лишено тайн, загадок, неясностей, не достиг понимания, повсеместно приемлемого. Эскизно очерченная выше модель оправдана в качестве ступени приближения. Однако она обнаруживает свою недостаточность, свои слабости при столкновении с персональным опытом человека, удерживающего ее в своем

мышлении. В этой части обсуждения темы заведомо неизбежны расхождения, полемика, короче, отсутствие единомыслия. При таком условии оправданной целью дальнейшего анализа представляется рефлексия над возможной аксиоматикой решения проблемы «обществоличность», аксиоматикой, не совпадающей с аксиоматикой марксистской модели. На такой основе, думается, возможная конструктивная дискуссия.

Та теоретическая модель, контуры которой очерчены выше, думается, не лишена схематизма, вызванного устремленностью к теоретической последовательности и стройности. Показательно в этом отношении одно только название работы Г.В.Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». К сожалению, в столкновении с реальным опытом во всем его богатстве никак не удастся пока реализовать принцип монизма иначе, как ценой вульгаризации и упрощений в каких-то вопросах. Именно так и случается применительно к нашей проблеме. Вся социальная система в целом, теоретическая модель которой предложена, предстает в этой модели в качестве *cansasni*.

Источники ее саморазвития должны быть имманентны ей. Но где они находятся? Как и чем объясняется активность всей системы?

Своего рода первотолчком служат потребности. Затем на помощь приходит возрастание потребностей. Такая модель заложена в «Немецкую идеологию» К.Маркса и Ф.Энгельса. Но главными источниками активности оказываются отчужденные собственно экономические противоречия. Например, конкуренция капитала в качественно разных отраслях производства, которой порождена тенденция выравнивания средней нормы прибыли. Это, конечно, пример только одного из источников активности. Нам важно подчеркнуть, что он оказывается вне- и надличностным, диперсонифицированным. Источник

активности здесь на стороне социума, а не на стороне личности.

Критикуемая редукция личностного к социальному тождественна, одновременно, редукции антропологии к социологии. Разумеется, присущие индивиду биологическое и психологическое признаются в качестве материала, на котором идет «запись» того, что продуцируется в сфере общественных отношений. Но все собственно человеческое в человеке продуцировано якобы исключительно социальным. Личность здесь, повторим, - это социальный срез индивида, по определению. Если «вынести за скобки» натуральную биологию и психологию, то оставшаяся конкретно-историчная содержательная антропология будет полностью поглощена социологией. Пансоциологизм! Стремление целиком и полностью уложить человеческого индивида в понятие элемента социальной системы представляется главным недостатком марксистской теоретической модели. В этом пункте вся теоретическая модель требует, как представляется, кардинального пересмотра. Основание пересмотра - реальный опыт. А форма пересмотра - понятие аксиомы (постулата) креативной свободы человека. Это положение - принципиальный тезис, в корне изменяющий всю общую картину. Это иная онтология, иное понимание человека, иная аксиология, иная теоретическая модель, иное содержание понятий. Все дальнейшее - только лишь интерпретация различных граней данного тезиса и дедукция следствий по самым разным направлениям.

Индивид, наделенный свободой, есть персона. Нет смысла претендовать здесь на всестороннюю характеристику персонализма. Можно сослаться, в качестве примера, на концепции Н.О.Лосского, Г.Марселя. Главное состоит в утверждении способности индивида к свободному продуцированию. Обладая архетипами, даже новорожденный уже является персоной. А личностью он

становится, присваивая социальные роли по обеспечению социальных функций. Очевидно, что такая трактовка выходит за рамки понимания индивида в качестве личности как социального его среза. Понимание человека становится существенно более богатым, но не редуцируемым без остатка к социальному. Напротив, социальное оказывается производным от антропного, а философская антропология, в такой трактовке, предпосылочна общей социологии и социальной философии и имеет свое, внесоциологическое, содержание. Социальное тоже выходит за рамки антропного в части эмерджентных, в особенности отчужденных, эффектов. Они сказываются обратной связью механизмов на личностях так, как это представлено в марксистской модели. Но в целом асимметрия внутри дихотомии «общество-личность» меняется на прямо противоположную сравнительно с марксизмом. Антропология уже не поглощается социологией и обладает, в значительной части, самостоятельным содержанием.

Г.А. Брандт
Екатеринбург

ОНТОЛОГИЯ ПОЛА В ФИЛОСОФИИ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ.

Георг Зиммель - немецкий философ и социолог рубежа последних веков - рассматривает исторический опыт духовной культуры как сферу развертывания онтологии «жизни». Предметом нашего рассмотрения станет одна из глав книги, специально посвященная проблемам пола (1). Зиммель основывается в своем понимании онтологии пола - как мужчины, так и женщины, - исходя из априорного

принципа Канта и убеждения Гегеля в том, что все достижения культуры - искусство, мораль, наука, социальные теории и т.п. - есть проявления стремления человека преодолеть субъективно - объективный дуализм (и тем самым осуществить глобальную цель по самопознанию абсолютной идеи). Зиммель утверждает, что отмеченные выше стремления свойственны только мужчинам, поскольку женщина находится на "пре - дуалистской" ступени, у нее, также считает Зиммель, в гораздо меньшей степени развито и логическое мышление и качества разума вообще. Но с его точки зрения, это еще совсем не основание для признания ее неполноценности. "Почти все дискуссии, посвященные женщинам, сосредоточены на их ценностном сравнении - в социальных достижениях; в качестве мышления - с мужчинами, но никто не задается вопросом, что они есть сами по себе.", - замечает он (2). Зиммель считает, что главная ошибка, которая является причиной всех видов недоразумений по поводу природы женщины, заключается в том, что мы не учитываем асимметрии уже на онтологическом уровне в природе двух полов. А вот если посмотреть на эту асимметрию (в поведении, в деятельности, в мышлении) в свете априорного принципа, то во - первых, станет очевидным, что только мужчины "страдают" в позиции субъективно - объективного дуализма и потому стремятся к преодолению его, а во-вторых, прояснится многое, что считается сейчас странным и загадочным в природе женщины.

Так, в свете априорного принципа Зиммель рассматривает различие мужской и женской сексуальности, точнее, мужского и женского типа переживания пола, причем переживания онтологического характера, поскольку оно прослеживается уже на уровне степени включенности мужчины и женщины в жизнь пола как таковой. Нельзя не признать, что женщина гораздо

интенсивней переживает свою женственность, чем мужчина свою мужественность. Сознание мужчины содержит очень много чисто функционального - того, что можно было бы назвать "делом", где сознание своего пола не занимает ровно никакого места, напротив, женщину никогда не оставит отчетливое и в тоже время неясное чувство, что она - женщина. И это чувство создает основу, на которой разворачивается содержание всей ее жизни. Однако, подчеркивает Зиммель, отсюда вовсе не следует, как обычно полагают, что женщина для своей половой самоопределенности больше нуждается в мужчине, чем он в ней, скорее напротив : "Дело в том, что для женщины ее женская суть гораздо важнее, чем для мужчины мужская. Для него пол - это деятельность , для нее -бытие . Но тем не менее или как раз именно поэтому значимость половой разницы для женщины остается второстепенным фактом, она покоится в самом женском начале, как абсолютной субстанции бытия и - хотя это звучит парадоксально - для нее безразлично есть ли мужчина или его нет. Для мужчины не существует этой центростремительной, в себе заложенной половости. Его мужественность (как характеристика пола) гораздо теснее связана с отношением с женщиной, чем женственность женщины с отношением к мужчине" (3). Зиммель проясняет эту мысль в рассуждениях о том, что мужчина в своей жизни по большей части не переживает себя как мужчину в собственном смысле слова, он есть "нейтральный человек". Его половая жизнь существует для него только в его отношении с женщиной, в сфере половых отношений с ней. В то время как для женщины жизнь ее пола не может быть отделена от ее остальной жизни, она переживается ею не только в половых отношениях с мужчиной, но и в полноте всего репродуктивного цикла (менструация, половые отношения, зачатие, беременность, роды, кормление.) Поэтому в ситуации отсутствия половой взаимосвязи она,

по мнению Зиммеля, остается не как "нейтральный человек", а как женщина. Самоопределенность полового начала в женщине отчетливее всего проявляется в процессе беременности, который протекает независимо от связей с мужчиной - так, в доисторическую эпоху человечеству понадобилось очень много времени, прежде чем была осознана причинная связь между беременностью и половым актом.

Это рассмотрение жизни женщины с точки зрения априорного принципа делает понятным, почему с незапамятных времен женщину определяли как половое существо и почему, с другой стороны, сама женщина очень часто протестовала против этого определения. Дело в том, что под половостью* женщины как таковой обычно понимают, в первую очередь, ориентацию на другой пол. Данное понимание, считает Зиммель, действительно не относится к женщинам. Ее сексуальность имманентна ее структуре, она непосредственно и необусловленно составляет ее первозданную природу. В этой связи автор фиксирует "глубочайший парадокс" жизни женщины. С одной стороны, ее "внутренняя жизнь", как уже было сказано, "протекает в глубочайшей тождественности бытия и бытия женщиной, абсолютно определяющей в самой себе свою половость и не нуждающуюся для определения себя в соотношении с другим полом" (4). "Жизнь внешняя", напротив, провоцирует ее на зависимость от мужчины, здесь отношения с ним оказываются отношениями первостепенной жизненной важности. "Внешние причины такого положения дел понятны: для мужчины с

* Мы вводим здесь новое понятие «половость», поскольку, на наш взгляд, оно гораздо точнее, чем обычно употребляемое понятие «сексуальности» (некритически перенесенное из переводов западных текстов) выражает то, что речь идет о поле, а не о сексе - явлении гораздо более широкого порядка.

удовлетворением желания исчезает и мотив влечений его к женщине, для зачавшей же женщины, наоборот, возникает потребность в опоре и защите" (5).

Далее данное рассмотрение объясняет и так называемую "тайну женщины", то, что делает ее непознаваемой для мужчины. "Для женщины, вросшей всеми своими корнями в свое женское начало, половость перешла в абсолют, стала в - себе - бытием, приобретающим в ее связи с мужчиной лишь внешнее выражение, так сказать, эмпирическую реализацию" - в результате "даже когда женщина полностью отдается мужчине, в ней всегда остается некая тайная «самой себе принадлежность, в самой себе заключенность ее укорененности и цельности. Поэтому иногда совсем простое ее поведение воспринимается как сложное и запутанное" (6).

Последнее неудивительно, ведь жизнь мужчины имеет совсем иные априорные основания. В отличие от внутренней самотождественности женщины, мужчина несамодостаточен в половом отношении, и поэтому он вынужден утверждаться иным путем. Он всегда стремится за пределы самого себя и в результате расщепляет исходное единство жизни в дихотомические формы субъекта (объекта, цели) средства, процесса/результата и т.п., с помощью которых он стремится восстановить единство на другом уровне. Для лучшего прояснения этого утверждения имеет смысл вспомнить гегелевскую идею о том, что гармоничное существование детства - этот подарок из рук природы - в жизни человека с неизбежностью должен смениться преодолением этой естественной гармонии, дихотомическим расщеплением себя и мира, для того, чтобы затем стремиться к достижению действительного единства, единства с Абсолютной идеей путем духовных свершений в мире человеческой культуры. Зиммель так пишет об этой драме расщепления : «Мужчина дуалистичен, релятивен, в то время как женщина

абсолютна, полностью заключает в себе свой пол.. Для женщины ее бытие и идея непосредственно едины, и потому даже если судьбой ей уготовлено одиночество, она никогда так не одинока как мужчина. Она всегда у самой себя дома, тогда как дом мужчины находится вне его. Мужчина может сколько угодно жить и умирать за идею, она всегда останется вне его, она составляет для него бесконечную задачу...» (7). Обратной стороной этой драмы и является все грандиозное здание человеческой культуры. То есть культура - результат априорного жизненного дискомфорта мужчины. Для женщины же с ее "глубокой погруженностью в жизнь" никогда в такой степени не будут значимы социальные идеи, культурные нормы, искусство, наука, философия и мораль. Это совсем не означает неполноценности женщины как человека, скорее наоборот, но именно мужское авторство культуры стало причиной фундаментального полового дисбаланса в нашей цивилизации.

Данная идея, по сути, является стержневой идеей рассматриваемой работы : мужской пол в сложившейся культурной традиции не просто превосходит женский, а представляет собой, по сути, то общечеловеческое начало, которое определяет все нормы проявления как женского, так и мужского... Мы оцениваем все социальные достижения, все свойства человеческого характера, все качества мужественности и женственности по определенным нормам, однако нормы эти не нейтральны в отношении пола - они имеют мужское основание. Иными словами, Зиммель доказывает, что наша цивилизация носит одномерно маскулинный характер, что в ней произошла тотальная подмена, "объективное - мужское" оказалось непреложным тождеством. Для нас, по утверждению Зиммеля, характерно мужские проявления понимать именно "как надспецифические, нейтральные и объективные". Первая причина произошедшей подмены

уже рассмотрена нами - это главенствующая позиция мужчины в духовно-социальной сфере. Культурно - историческую взаимосвязь полов автор прямо определяет как отношения раба и господина. Другая причина отождествления мужского с объективным также коренится в мужском господстве. Дело в том, полагает Зиммель, что всякой власти свойственно стремление к обоснованию себя как объективной данности, преобразованию силы в право. История политики, религии, семейного права полна подобных примеров. Поскольку возложенная на семейную сферу воля "отца семейства" является "авторитетом" - он уже не произвольный субъект власти, а носитель объективной законности, работающий на пользу как бы общего интереса семьи. По этой же аналогии часто психологическое мужское превосходство переходит в логическое. Нормы логического мышления приобретают абсолютную значимость на том якобы основании, что за ними вскрывается объективная истина для всех индивидуумов, независимо от пола.

Словом, основной своей задачей Зиммель считает доказательство необходимости переосмыслить существующее положение вещей. Будучи сам в течение длительного периода приверженцем рационалистического способа мышления и соответствующего ему мировоззрения, он прекрасно понимает логику возникновения полового дисбаланса - необходимого следствия оценки духовно-социальной сферы как сферы высшего проявления человека. Однако, с точки зрения новой философской позиции автора, главным оказывается не дух, не социальные достижения человека, а "жизнь" как онтологическое переживание человеком себя в мире. И рассмотрение разницы данного переживания у мужчины и женщины показывает всю степень несправедливости непризнания « самостоятельности женского жизненного принципа ". Так, он утверждает:

"Возведение мужского в ранг абсолютного, объективного и всеобъясняющего начала ... имеет фатальные последствия для оценки женского. С одной стороны, это приводит к мистифицированной переоценке женщины, поскольку все равно всегда было ощущение, что она существует на совершенно другой онтологической основе, по другим критериям, а неизвестное и непонятное часто приводят к переоценке, страху и трепету. Но, с другой стороны, и все унижение женщины исходит из того, что существование женщины оценивается по критериям, смоделированным для противоположного пола" (8). Эта исходная подмена порождает ту фундаментальную двусмысленность, которая с необходимостью приводит к обесцениванию женщины как человека, "ведь оценивая женщину по критериям женственности, мужчина требует от нее того, что для него (как для одной стороны в полярной связи полов) является желанным, что, однако, не означает самодостаточного и самобытного своеобразия - это то, что должно быть ориентировано на мужчину, ему нравится, ему служить и его дополнять. Но, с другой стороны, насмешливо-критический жест по отношению к женщинам потому так общезначим (и одновременно банален и дешев), что как только их начинают оценивать с точки зрения упомянутых критериев, то тут же всплывают критерии противоположные (как общечеловеческие), с точки зрения которых они должны быть как раз унижены и обесценены в своем человеческом качестве" (9).

Зиммель, по сути, подводит читателя к тому, что женщина, поскольку она имеет более прочную укорененность в "скрытом и непознаваемом единстве жизни", есть в определенном смысле более совершенный тип человека, чем мужчина - именно потому, что ее взаимодействие с миром не нуждается, по сути, в опосредовании культурой. "Эта погруженность в глубину

жизни, которая всегда ощущается в типичной женщине, способствует тому, что идеи, абсолюты и нормы, оторванные от жизни, не значимы для нее в такой степени. И представление о том, что для женщины значимость процесса жизни не зависит от результата, некорректно, поскольку речь здесь должна идти не о противоположности процесса и результата или жизни и идеи, а о жизни в том ее едином смысле, когда процесс и результат неотделимы друг от друга" (10).

Литература

1. Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur, Leipzig. 1919.
2. Simmel G. Указ соч. ; S. 80.
3. Там же. S. 72.
4. Там же. S. 72.
5. Там же. S. 73.
6. Там же. S. 74.
7. Там же. S.79-80.
8. Там же. S. 70.
9. Там же. S. 71.
10. Там же. S. 84

А.В.Меренков
Екатеринбург

ПОТРЕБНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СУБЪЕКТНО- ОБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Исследование сущности потребностей как особого социального образования в нашей философской и социологической литературе имеет уже определенную историю. С конца 50-х годов началось активное изучение

потребностей, были предприняты различные попытки определения понятия «потребность», выявилось общее и специфическое в ее понимании. Однако до сих пор отсутствует общепринятое понимание потребности, по разному трактуется ее суть. Конечно, наука допускает возможность серьезных расхождений в позициях исследователей при условии, когда выясняются их причины, осуществляется коллективный поиск той методологической основы, которая позволяет рассмотреть тот или иной подход как ступеньку к истине. Мы глубоко убеждены, что при всем кажущемся различии в трактовках потребности в них схватываются те или иные конкретные формы данного явления. Именно формы, стороны, части, а не сущность специфического целостного образования. Методологически верным будет поиск такого подхода, который позволит вывести из некоего единого образования те способы проявления потребностей, которые особо выделяются рядом исследователей.

Потребность есть особое отношение субъекта и объекта. Их взаимосвязь определяется процессом общественного производства, составляющего сущность человека как социального существа. Именно в процессе производства устанавливаются всеобщие связи человека с другими людьми, с природным и созданным миром материальных предметов, продуктов духовной культуры. Индивид выступает как элемент, представитель рода, родовое существо, как некая тоталитарность.

На уровне всеобщей взаимосвязи, которая устанавливается в производстве родовой жизни, мы пока выделяем внутренние его противоречия, существенные различия. Производство выступает как единство человека и природы, предметов и продуктов деятельности, одновременно как их потребление, как взаимопереход друг в друга. Ибо, как писал К.Маркс, «производство есть также и потребление: субъективное и объективное; индивидуум,

который развивает свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет в системе производства. Во-вторых, производство есть потребление средств производства. Поэтому акт производства во всех своих моментах есть также акт потребления» (1).

В производстве неразрывно слиты потребности и потребление. В ходе потребления индивид взаимодействует с миром вещей, продуктами человеческого труда, распредмечивая их в родовую сущность. Внешний для личности мир навязывает ей определенный способ потребления.

Ведущая роль в выработке направленности деятельности принадлежит объективным условиям. В них входит все то, что вне и независимо от сознания и воли субъекта и детерминирует данное субъект-объектное взаимодействие, т.е. всю совокупность качеств, присущих как субъекту, так и объекту, а также его (взаимодействия) специфику. Из объективных условий выделяется конкретный объект потребности, детерминирующий деятельность субъекта по его освоению. Именно этот момент особо выделяется теми, кто утверждает объективность потребности как внешней по отношению к индивиду силы. Если потребление определяется условиями жизни конкретного человека, то, следовательно, и его потребности детерминированы извне. Вот какова основная посылка в рассуждениях сторонников данной теории потребности.

Однако потребление и потребность не одно и то же. Потребность выделяется в качестве относительно самостоятельного образования в ходе производства и потребления. Включаясь в родовую деятельность, индивид приобретает опыт взаимодействия с предметами. Их свойства отражаются в сознании. К.Маркс особо выделял этот момент, когда писал, что «потребность, которую оно (потребление - А.М.) ощущает в том или ином предмете,

создана восприятием последнего... Производство создает не только предмет для субъекта, но также субъект для предмета» (2).

Так складывается отношение субъекта к предметам потребности: в ходе потребления объект полагает направленность и содержание деятельности субъекта. На стороне субъекта возникает, выражаясь словами К.Маркса, «влечение к потреблению» (3). Это дает основание некоторым исследователям трактовать потребность как образование, существующее в двух формах: объективного противоречия и влечения. «Противоречие между субъектом и объектом, - пишет Л.П.Станкевич, - есть объективное явление, но для субъекта оно существует как субъективное, чувственное, отраженное, как нечто духовное, представленное в виде влечения».(4) При таком понимании потребности смешивается отражение и отраженное, на первое место выходит не источник, основа психологического побуждения к действию, а само влечение. Это все равно, что, признавая объективную основу ощущения человеком времени, утверждать, что время есть некое психологическое переживание.

Для того чтобы разобраться в роли сознания в процессе формирования потребности, необходимо использовать понятие «субъективные условия», как зависящие от объектов и присущих ему свойств, без которых невозможна целенаправленная деятельность. В них входят приобретенный человеком опыт разнообразной деятельности, знания, система выработанных прежде целей, ценностные ориентации, все то, что способствует осознанию потребности. Именно субъективные условия определяют уровень сознания потребности: чувственно-эмпирический или научно-теоретический. Развитие же самих субъективных условий определяется конкретными объективными условиями жизнедеятельности человека. В них выделяется тот конкретный объект потребности,

принятие детерминирующего воздействия которого определяется субъективными условиями: накопленным опытом потребления индивида, имеющимися установками на дальнейшее его функционирование и развитие. Они порождают особое «влечение к потреблению», возникающее постепенно, на основе опыта. «Требуется достаточно регулярное и систематическое повторение одних и тех же функций, чтобы они приобрели силу внутреннего побуждения» - справедливо замечал М.В.Тараткевич (5).

Видимо, влечение к потреблению оформляется в виде нужды. Нужда - это отпечаток предмета потребления, возникающий в ходе взаимодействия с ним. При этом в данном понятии выражается влечение, стремление к приспособлению на общем родовом уровне. Родовой характер потребления неизбежно порождает общий для всех индивидов или большей массы людей способ закрепления «влечения» к продуктам производства.

Те, кто сводит потребность к нужде, абсолютизируют этот момент взаимоотношения объекта и субъекта. Предмет потребления полагает нуждающегося субъекта, а он, в свою очередь, те продукты производства, которые обеспечивают его родовое функционирование и развитие. Следовательно, в потребности активность принадлежит не только объекту, хотя ему прежде всего, ибо он определяет содержание нужды. Через нее выражается мера активности субъекта потребности.

На уровне конкретного индивида эта активность ведет к становлению, через повторное потребление, готовности к освоению определенных предметов. У человека закрепляется связь с конкретным набором вещей. В ходе этого нужда индивидуализируется, начиная выражаться в таком образовании, как социальная установка. Она определяет направленность и содержание потребительской деятельности. Возникает основание для вывода, что

потребность есть особое психологическое образование, находящееся в сознании человека. Так абсолютизация еще одного момента потребности ведет к ограниченной трактовке изучаемого явления.

Дело же заключается в том, что деятельность субъектов порождает особый способ отражения потребности. Уже у животных потребности как отношение между средой и организмом отражаются в системе опережающего отражения, которое передается частично по наследству всем особям данного вида. В нервной системе существуют как бы носители потребности. Потребность предшествует взаимодействию и в этом смысле всегда обращена в будущее. В потребности проявляется способность нервной системы высших организмов к опережающему отражению. Это свойство является изначальным свойством протоплазматических процессов даже у низших животных. Однако оно не появляется само по себе, а представляет собой ответ на действия внешней среды. Главным фактором, отмечает П.К.Анохин, является то, «что цепь событий, по поводу которой осуществляется предсказание, неоднократно повторялась в прошлом в определенных местах пространства и в определенный момент времени»(6). Таким образом, потребность, с одной стороны, является результатом действия внешней среды на организм (прошлое действие), с другой - выражается в субъективных явлениях. Это и дало основания для трактовки потребности как объективно-субъективного образования.

Объект потребности не просто отражается в ощущениях, представлениях, понятиях, он порождает особую деятельность сознания субъекта по выработке способов его освоения. Осуществляется формирование цели, ценностных ориентаций, установка на практическую деятельность по овладению объектом потребности. Вот эта деятельность сознания и составляет основное содержание субъективного фактора как стороны практического действия.

Субъективный фактор играет определяющую роль в становлении особого отношения между субъектом и объектом потребности.

В потребности объект полагает, вызывая социальную установку, определенную направленность действий субъекта, а он, в свою очередь, готов потребить лишь конкретно обозначенный предмет. Поэтому в потребности осуществляется взаимоположение объекта и субъекта деятельности. При этом, как было показано, ведущая роль принадлежит объекту, он как бы навязывает свои свойства субъекту, полагая необходимость их принятия.

Социальную потребность, следовательно, можно определить как **специфическое отношение между субъектом и объектом, в котором объект детерминирует деятельность субъекта, вызывая определенную направленность его действий.** Это предельно общее определение позволяет выявить сущность изучаемого образования. Всякое другое определение фактически охватывает лишь сторону, момент потребности. Ее нельзя сводить ни к внешним условиям, ни к нужде, ни к каким-либо внешним образованиям. Потребность, понимаемая как особое отношение, выражает собой ступень диалектического перехода от всеобщей связи социального мира, его вещественного и личностного элемента, к постоянному взаимодействию, взаимопереходу, объективации, с одной стороны, и субъективации - с другой. Поэтому потребность есть всегда ступень разрешения противоречий между субъектом и объектом.

Может возникнуть вопрос: всякое ли отношение между субъектом и объектом представляют собой потребность? Безусловно, нет. Существуют различные по характеру, содержанию и форме отношения. Потребность связана только с теми конкретными отношениями, в которых выражается зависимость субъекта, направленность его деятельности от объекта. Стороны отношений не равны

между собой, взаимодействие происходит под определяющим влиянием объекта деятельности. Однако это не означает, что человек пассивен, создавая необходимые средства для овладения объектом потребности, действуя направленно, он проявляет собственную активность. Ведущая роль объекта потребности заключается в том, что он задает направленность действий субъекта.

Социальные потребности характеризуются специфическими объектами, в качестве которых выступают предметы труда, его продукты (материальные и духовные), отношения, складывающиеся в ходе совместной деятельности людей. Объекты потребности всегда выступают как элементы, стороны общественного производства. Им создаются и те объекты потребности, которые еще не существуют в материальной форме. Развитие человеческой жизни идет таким путем, что потребности опережают производство. Создается представление, что потребности могут отрываться от производства, быть относительно самостоятельными. В действительности само производство порождает новые потребности на основе диалектики возможности и действительности. Это особенно ярко проявляется, когда речь идет о таком субъекте, как человеческое общество в целом. Во взаимодействии природы и общества проявляется их особое взаимоотношение. Объектом потребности выступает не весь материальный мир, а та его часть, которая уже преобразуется им, для использования которой созданы реальные возможности. Определяющая роль объекта потребности в детерминации деятельности субъекта выражается в том, что природа требует познания своих законов и только на этой основе создается возможность ее изменения.

Моменты совпадения объекта и субъекта потребности мы находим также в тех случаях, когда рассматриваем внутренние изменения человеческого общества. Объектом

потребности выступает существующая система социальных отношений, субъектом - элементы, ее составляющие: народы, нации, государства, классы. Каждый из этих социальных образований может иметь различные объекты потребности в зависимости от сущности исторической формации, уровня их собственного развития. При этом анализ потребности различных социальных общностей требует своего конкретно-исторического рассмотрения.

Потребности социальной системы, классов и социальных групп выступают основой формирования потребностей личности. В некоторых работах личность рассматривается как субъект и как носитель потребностей личности. Что же такое носитель потребностей? Носители - это стороны, без которых данная связь, отношение не может осуществляться. Так, индивид выступает носителем потребностей такого класса, общества, к которому он принадлежит, ибо без его деятельности они не могут реализоваться. При этом человек не обязательно осознает, носителем какой потребности он является. Понятие «субъект потребности» характеризует такого носителя, который осознает в той или иной степени характер своего соотношения с объектом потребности.

Личность выступает как субъект потребности, когда устанавливается взаимоотношение со «своим» объектом. Это не значит, что ведущая роль принадлежит ее сознанию. Предмет объективного мира детерминирует деятельность личности, когда им определяется ее индивидуальное существование и развитие. Исходным моментом анализа потребности мы должны брать деятельность, т.е. взаимодействие с внешней средой, в которой осуществляется функционирование и направленное изменение личности. Практической деятельностью определяется содержание необходимого для человека и тем самым объекты потребности, которые, в свою очередь, отражаются в сознании в виде целей, социальных установок.

Объектом потребностей личности являются не только существующие предметы человеческой деятельности. В потребности самореализации, самовоспитания объектом становится будущее, реально возможное состояние развития индивида, которое представлено в виде «ростков» более совершенной деятельности.

Личность является тем отдельным, в котором сочетается общее - потребности социума, особенное - потребности класса, социальной группы, микросреды, единичное-выражающее неповторимое, специфические потребности данного человека. Потребности личности всегда выявляют то сочетание общего, особенного и единичного, которое отражает своеобразие, определенную самостоятельность индивида в выборе направленности деятельности.

Потребности реализуются через интерес, поэтому их обычно рассматривают вместе. Рассмотрим, как интерес связан с потребностью. Для того чтобы реализовать потребность, человеку необходимы соответствующие средства деятельности. Так и для удовлетворения потребности необходимо найти средства ее реализации. Если предмет желания дан, только потребляя его, то интерес не появляется. Когда же для его освоения требуется найти соответствующие средства и способы деятельности, возникает интерес. Он фиксирует объективно целесообразный способ удовлетворения потребности. Интерес предшествует деятельности и выступает как отношение субъекта потребности со средствами ее реализации. Активность принадлежит субъекту, он осуществляет выбор средств, находит среди них оптимальные. В отличие от потребности «эта категория более конкретно выражает специфику социальных отношений, особенности социальной активности, связанной не просто с избирательным отношением к среде, но и с практическим отношением к среде, но и с практическим отношением к преобразованию этой среды»(7). Поскольку

через интерес осуществляется выбор способов удовлетворения потребности, то он отражается в сознании в виде ценностной ориентации. «Образованию установки, - писал А.В.Запорожец, - предшествует развернутая ориентировочно-исследовательская деятельность, направленная на всестороннее обследование ситуации, и лишь в ходе последующего свертывания этой ориентации возникает внутренняя готовность действовать определенным образом» (8).

Через потребности и интересы выявляется направленность деятельности конкретных носителей социальных связей; через цели, ценностные ориентации, установки - формы их отражения. В ходе практической деятельности реализуется система потребностей взаимосвязанных между собой субъектов и тем самым выражается суть данных общественных отношений.

Сделаем следующие выводы. Потребности и интересы следует исследовать в системе объективных и субъективных условий и факторов практической деятельности человека. В объективных условиях жизнедеятельности индивидов выделяются объекты их конкретных потребностей, они отражены в сознании, взаимодействуют с элементами субъективных условий направленных действий. Возникает необходимость деятельности по целеполаганию, способов, форм реализации потребностей как особого субъект-объектного отношения. Включается субъективный фактор практической деятельности, вырабатываются ценностные ориентации, установки, вызывающие те действия человека, с помощью которых осуществляется данная потребность и создаются новые предметы потребления.

На наш взгляд, потребность выступает как способ взаимоотношения субъекта и объекта действия. Они находятся в противоречии, одно исключает (поглощает) другое и в то же время вызывает существование иного.

Объект потребности детерминирует действия человека. Человек, в свою очередь, создает предметы потребления. Это взаимоотношение постоянно воспроизводится как объективное отношение. Снимается возможность одностороннего подхода, ведущего к абсолютизации либо внешних факторов - объективных условий, либо внутренних - субъективных условий. Анализ развертывания потребности как противоречия позволяет представить систему форм ее отражения и проявления. Потребность, неоднократно реализуясь через потребление продуктов, на стороне субъекта вызывает влечение, формой выражения которого становится нужда. Она представляет собой психологическую форму существования направленности субъекта на овладение объектом потребности. Потребность, неоднократно реализуясь через потребление продуктов, на стороне субъекта вызывает готовность человека к действиям по удовлетворению конкретной потребности в виде социальной установки. Она, в свою очередь, может стать исходным пунктом формирования потребности. Так, в процессе воспитания у индивида с помощью обучения возникает установка на овладение конкретным предметом. Появляется нужда в нем, побуждающая человека вступить в отношение с предметом потребности. Оно носит объективный характер, вне отношений невозможно осуществить практическое действие (потребление). Индивиду свойственна активность в потреблении, однако это не умаляет, в конечном счете, определяющей роли объекта в возникновении потребности. Наличие реального предмета в системе объективных условий определяет ее содержание.

Необходимость поиска средств удовлетворения потребности ведет к возникновению интереса. Потребности и интересы выражают конкретное содержание общественных отношений между субъектами. Потребность как объективное явление отражается в особых видах

опережающего отражения: целях, ценностных ориентациях и социальных установках. Данный подход к анализу потребностей и интересов позволяет выявить всю систему детерминации человеческой деятельности и использовать ее при анализе конкретных социальных процессов.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.12. С.716.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, Ч.1. С.28.
3. Там же. С.29.
4. Станкевич Л.П. Потребность и деятельность // Филос.науки. 1976. № 2. С.141.
5. Тараткевич М.В. Человек, среда, потребность. Минск, 1980. С.42.
6. Анохин П.К. Философский смысл проблемы интеллекта // Вопр. филос. 1973. № 6. С.94.
7. Арефьева Г.С. Социальная активность. М.,1974. С. 187.
8. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1973. С. 373.

Ф.А.Селиванов
Тюмень

БЛАГО : СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОБРА И ЗЛА

Понятия о добре и зле являются специфичными для морального сознания. Эта противоположность и отличает моральное сознание от других видов общественного сознания.

Моральное сознание, как и все остальные виды общественного сознания, зависит от общественного бытия. Общественное бытие определяет общественное сознание, отражается в нем; в сознании людей запечатлевается

действительность, их отношения с миром, условия их жизни, то, что вовлечено в их деятельность. Сознание отражает реальный жизненный процесс. К.Маркс и Ф.Энгельс писали в «Немецкой идеологии», что «бытие людей есть реальный процесс их жизни». И далее: «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса...»(1).

Но что же отражает в реальном жизненном процессе моральное сознание? То же, что отражают экономическое, политическое, правовое, религиозное и другие виды сознания? Известно, что правильно поставить вопрос - уже наполовину ответить на него. Действительно, неужели одно и то же? В том, что у них один объект отражения, нет сомнения. Этим объектом является общественное бытие. Ну а предметы отражения в этом субъекте не тождественны.

Поскольку общественное бытие первично по отношению к общественному сознанию, постольку корни различий видов общественного сознания надо искать в общественном бытии, в предметах отражения. Каков предмет, который отражается в моральном сознании? В практике так или иначе, непосредственно или опосредованно, соотносим добро и зло с благами.

Добро мы обычно связываем с действиями, направленными на создание или сохранение какого-нибудь блага, а зло - с разрушением его. Эти положения не являются еще определениями добра и зла. В них лишь указано отношение, в котором существует добро и зло. Рассмотрим то, что находится в этом отношении, и само это отношение.

Понятие блага - общесоциологическая категория; оно является родовым для понятия добра, более широким по объему, чем видовое понятие добра. В первом приближении можно сказать, что блага - это предметы стремления людей. Аристотель считал, что «благо хорошо

определили так: оно есть то, к чему все стремятся». Т.Гоббс определял блага так же, как объекты стремлений. Но почему стремятся? Дело в том, что блага - все то, что удовлетворяет потребности людей, развивает их. Люди интересуются благами, стремятся к ним, потому, что без них невозможна социальная жизнь, развитие общества как системы, развитие личностей потому, что блага полезны.

Понятие пользы шире по объему, чем понятия блага. Польза существует в отношении не только к людям, но и к животным и растениям. Полезное способствует эволюции растений и животных, возникновению и развитию человечества. Благо - полезное в отношении к социальным системам, группам людей, личностям.

Итак, благо существует лишь в отношении вещи к потребности. Термин «вещь» будет употребляться далее во всеобщем значении - как единство различных качеств.

Вещь является благом благодаря тому, что ей присуще полезное для людей свойство. Она может быть полезна различными сторонами, и каждой этой стороной она выступает как предмет потребления или как средство производства. Благами являются электрический свет во время работы ночью, теплая одежда при холодной погоде, лесной воздух, телевизор, стиральная машина, тишина в учебном заведении, честность коллег, знания при достижении хорошей цели, операция, возвратившая здоровье заболевшему, право на труд, детский сад, электронно-вычислительное устройство, книга, мир на Земле... Всех благ не перечислить. Важнее понять, что блага являются условиями жизнедеятельности людей, их совершенствования.

Большая часть благ создана трудом людей. Поистине «без труда не вынешь и рыбку из пруда». Отношение к вещам как благам формируется у людей в деятельности. Люди овладевают предметами мира и таким образом удовлетворяют свои потребности. К.Маркс в замечаниях на

книгу А.Вагнера «Учебник политической экономии» писал, что благодаря повторению этого процесса способность предметов «удовлетворять потребность» запечатлевалась в мозгу людей. Они научились и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению потребностей, от всех других вещей. «Они, возможно, называют эти предметы «благами» или еще как-либо, что обозначает, что они практически употребляют эти продукты, что последние им полезны; они приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету...»(2).

Вещь является благом не сама по себе, а лишь в отношении к субъекту - обществу, социальной группе, личности. Благо - качество вещи, и существует оно, как и любое качество, не само по себе, а в определенном отношении. Качество - то, чем вещи сходны или чем отличаются друг от друга.

От того, какова вещь, и от того, каков субъект (общество, группа людей или отдельный человек), зависит, является вещь благом или нет. Так, не всякая пища полезна больному, не все, что интересует взрослых, радует ребенка. Блага и исторически изменчивы.

Нет блага, которое не было бы благом хоть для кого-то из людей. Не является благом то, что вредно в общественном значении, для развития общества. Наркотик является предметом страстных стремлений наркомана, но наркотик - не благо, ибо разрушает личность, вырывает ее из системы общественных отношений. Следовательно, не является благом то, что бесполезно, что никому не нужно, что вредно. Вещь, объективно вредная для субъекта, называется антиблагом, или злом - в широком, социологическом смысле слова (в дальнейшем термин «зло» будет употребляться только для обозначения того, что полярно добру). Так, ветхое здание, переставшее быть

пригодным для жилья, теряет качества блага в этом отношении.

Добро и зло - качества поступков, деятельности людей. Добра и зла в собственном смысле слов нет в природе. «Доброе солнышко», «добрый дождь» - метафоры, не более. Впрочем, в прошлом добро и благо часто отождествлялись, да и сейчас иногда словом «добро» называют имущество, пожитки, достаток. Но это устаревшее значение. Термин «зло» тоже употребляют иногда не в том значении, которое оно имеет в этике. Например, о землетрясении, засухе, селевых потоках говорят как о зле. Но «добро» и «зло» в этике, повторим еще раз, обозначают только качества поведения людей.

Представление о добре и зле имеет каждый субъект. Он разрешает себе те поступки, которые считает добрыми. Если же какой-нибудь образ действий субъект оценивает как злой, испытывает к нему отвращение и способен к волевым усилиям, то не позволяет его себе.

Чтобы правильно поступать, надо знать, что является добром, надо быть убежденным в истинности этих знаний, иметь волю, чтобы осуществить правильный поступок при любых обстоятельствах, надо иметь правильные привычки и навыки осуществления деятельности.

Взгляды личностей, социальных групп на добро и зло не одинаковы, исследователя воззрений на добро и зло поражает обилие определений добра и зла. Тем не менее эти воззрения можно первоначально разделить на два вида: 1) не признающие ни добра, ни зла в самой действительности; 2) признающие в самой общественной жизни существование добра и зла.

Сторонники воззрений первого вида, считают, что добро и зло - это лишь умственные конструкции, понятия, способы оценки, реагирования и т.п. При таком подходе правильность моральной оценки поступка ставится в зависимость от совпадения или несовпадения ее с мнением

других членов группы или даже только от личного одобрения.

Второй вид воззрений довольно разнообразен. Теология считает, что грех и добродетель присущи самим поступкам людей, но определены свыше. Объективные идеалисты полагают, что добро и зло, существующие в действительности, порождены мировой духовной силой (абсолютной идеей, мировой волей и т.п.). История этики знает и вульгарно-материалистическое отождествление добра и зла с вещественными свойствами.

Чем же являются добро и зло? Каков диалектический подход к добру и злу как качествам поступков и понятиям добра и зла? Надо отличать понятия добра и зла от того, чем в самом деле, в действительности, являются поступки людей в системе общественных отношений.

Добро и зло не являются вещественными качествами, такими, как растворимость или твердость. Они присущи поступкам как качества потому, что поступки имеют, независимо от того, что об этом думают совершившие их или другие люди, объективное отношение к благам, а тем самым к общественным интересам, целям людей. Эти качества принадлежат поступкам не сами по себе, а в отношении к людям, объединениям людей.

Добро - то, что направлено на создание, сохранение, укрепление блага. В прежней этике связь добра с благом отчетливее других сознавал Гегель. Он писал в «Философии права», что деяние не есть добро при отсутствии блага, деяние не должно вести к гибели блага(4). Зло же - уничтожение, разрушение того, что является благом. Действительно, общество всегда заинтересовано в создании, сохранении благ. Поступки так или иначе затрагивают общественные интересы. Общественные интересы исторически изменчивы, поскольку изменяются условия жизни людей, потребности прогресса.

Основание добра надо искать не в бесплодных фантазиях той или иной личности, не в схоластических умственных конструкциях, оторванных от жизни, а в потребностях общественного развития, в тех задачах, которые решает народ. Добрым невозможно быть, не трудясь для блага народа. Добро появляется в создании благ, достижении целей, определяемых благом народа, в творческих дерзаниях, в единстве личных и общественных интересов.

Нравственным человек становится не от рождения, а вследствие участия в общественных делах, в процессе овладения ценностями культуры, в процессе их создания. Ф.Энгельс писал: «Занимаясь самим собой, человек только в очень редких случаях, и отнюдь не с пользой для себя и для других, удовлетворяет свое стремление к счастью. Он должен иметь общение с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей, пищу, индивида другого пола, книги, развлечения, споры, деятельность, предметы потребления и труда» (5).

Без создания благ, без способствования развитию личности и совершенствования общественных отношений нет добра.

Сделать доброе дело, не задев противоположных интересов, невозможно. Боязнь обидеть, уязвить чье-то самолюбие свойственна «добреньким», но не добрым. Н.Г.Чернышевскому принадлежат следующие замечательные афоризмы: «Кто гладит по шерсти всех и все, тот кроме себя, не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла. Кого никто не ненавидит, тому никто ничем не обязан»(6).

Действительно, утверждение положительного не происходит в жизни безболезненно. Если субъект утверждает доброе, то сопротивляется злое, и наоборот. Н.Г.Чернышевский писал, что Гоголь возбудил во многих вражду к себе. Почему? Потому, что «стоял во главе тех,

которые отрицают злое и пошлое». В.Г.Белинский так же как и Гоголь, был человеком с твердыми убеждениями. Он, «высказывавший много важных и новых в нашей литературе истин, не мог не иметь многих противников. Он касался живых вопросов, потому во многих людях, интересы которых основывались на господствующих заблуждениях, вражда против него доходила до непримиримого ожесточения» (7).

Добро и зло - противоположности, а противоположности находятся в отношениях единства и борьбы. Борьба (противоречие) - это такое отношение, при котором одно бытие осуществляется за счет исключения другого. Утверждение дисциплины возможно лишь в результате вытеснения недисциплинированности. Честность, добросовестность исключают противоположное - нечестность, недобросовестность.

Добро несовместимо со зряшным отрицанием, со стихией анархизма и расточительством.

Отношение поведения человека к благу, а тем самым к общественному интересу, отражается в моральном сознании. Существует этот вид сознания как взгляды на добро и зло, как оценочное отношение к поступкам добрым и злым, как нормы поведения, побуждающие делать добро и пресекать зло. В моральное сознание входит идеал добра, который определяет нормы и оценки. Таким образом, моральное сознание - сложное образование, имеющее свою структуру.

Моральное сознание существует как сознание личности и как общественное сознание. Если субъектом является личность, то ее сознание - индивидуальное, если субъектом является класс, социальный слой, нация и т.д., то сознание такого субъекта - общественное.

Общественное моральное сознание проявляется в сознании личностей, принадлежащих к данной группе, но не является простой суммой сознаний индивидов. К

общественному сознанию относятся лишь те результаты осмысления действительности и отношения к ней, которым присущи распространенность, массовость, типичность.

Сознание личности есть единство того, что относится к общественному сознанию, и того, что присуще только данному индивиду. Особенности индивидуального сознания обусловлены своеобразием жизненного пути личности, влиянием микросреды.

Но сознание и активно. От того, каково сознание людей, какова моральная атмосфера общества, как мы относимся к другим людям и как они относятся к нам, как мы оцениваем свои поступки и поступки окружающих, какими нормами руководствуемся в коллективе, - от всего этого зависит счастье наше и других людей, успехи в созидательной деятельности.

Будучи сложным общественным явлением, мораль включает в себя добро и зло как признаки поступков и отношений между людьми, а не только осознание добра и зла, черты личностей (добродетели и пороки). Правомерны также такие словосочетания как «моральная атмосфера», «моральное бытие» и другие. Моральное сознание, таким образом, - не единственный компонент морали. Здесь рассматривается только моральное сознание.

Следует сказать о трудностях в употреблении слов «мораль», «моральное». Дело в том, что они имеют как в обиходе, так и в научной литературе, два значения. В первом значении этими терминами обозначают только нечто положительное, во втором же они используются для обозначения как положительного, так и отрицательного. В первом значении моральное противопоставляется аморальному. Высказывание «Ты поступил морально» является выражением одобрения. Но фраза «Такова мораль этого субъекта» может означать, что человек совершает плохие поступки и даже оправдывает их. Порой с

возмущением говорят и о морали какой-нибудь группы, явно имея в виду отрицательное.

Здесь термин «моральное сознание» употребляется во втором - широком значении. Это значит, что в моральное сознание включаются не только правильные идеи, решения и т.п., но и неправильные.

И еще одно замечание. Термин «нравственность» как правило, употребляется в этической литературе тоже в двух значениях. В первом - как синоним «морали», во втором - только для обозначения нравов, т.е. особенностей поведения.

Нравы - то, что «в характере» (нрав-характер) людей, то, как фактически ведут себя люди, какие поступки они позволяют себе и другим, к каким относятся как к дурным. Нравы выражаются в обычаях (хотя, конечно, в обычаях выражаются не только нравы). Современные нравы пронизаны эгоизмом, индивидуализмом, стремлением к наживе, враждебным отношениям к человеку. Кроме того, нравы и официальная мораль резко расходятся между собой. «Грех начинается с огласки», «Мой дом - моя крепость» - таковы одни из самых распространенных моральных принципов. «Кто грешит в тиши - греха не совершает» - эти слова Тартюфа из одноименной комедии Мольера, являются, по сути дела, моральным кредо лицемеров.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.25.
2. Там же. Т.19, С. 378.
3. Там же. Т.42. С. 91.
4. Гегель. Соч. Т.7. С. 149.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 279.
6. Чернышевский Н.Г. Избр. филос.соч. М., 1950. Т.1. С.429.

М.Н.Руткевич
Москва

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Власть и властные отношения являются, вне сомнения, объектом междисциплинарного, обществоведческого исследования. Самая активная роль принадлежит политологии, социологии (политической социологии вообще и выделившейся в специальный раздел «социологии власти»), философии, правоведению, психологии, этнографии, исторической науке и т.д. Объект исследования практически тот же, но каждая из упомянутых наук имеет своим предметом определенные аспекты власти как социального феномена, властных отношений как атрибута общественных отношений. Проведение разграничительной линии между науками в данном случае оказывается непростым делом, поскольку, например, социальная философия и общая теоретическая социология по своему подходу к авторитету или социальной сущности государства, по сути дела, очень близки.

В сфере социальных наук следует весьма тщательно подходить к содержанию понятий, отложившихся в народном сознании или, как часто говорят, обыденном мышлении; несколько пренебрежительное отношение к обыденному мышлению, которое не может наглядно представить дуализм волны и частицы или связь пространства и времени, распространено среди физиков не без оснований. Иначе обстоит дело при осознании сути общественных процессов. Здесь даже сложные абстракции

допускают, хотя и несколько упрощенное, но тем не менее в целом правильное истолкование в привычных «человеку с улицы» понятиях. Понятие прибавочной стоимости без особого труда усваивается представителями рабочего класса. Так обстоит дело и с понятием власти, которое выражает хорошо известное каждому состояние подчиненности своего мышления, воли, действия каким-либо внешним силам, которые преломляются в собственном сознании как добровольно принятая или продиктованная извне необходимость принять от властей земных или небесных то или иное решение.

В одном из последних изданий подготовленного Институтом языкознания Российской Академии Наук «Словаря русского языка» отмечены четыре основных смысла понятия власти. Наиболее общее из них таково: власть - это «право и возможность распоряжаться, повелевать кем-, чем-либо» (1). Важнейший признак власти - «повелевать», «распоряжаться» схвачен верно.

Философское понятие власти, в соответствии со всеобщим характером философского знания, должно быть наиболее универсальным. В изданном еще во времена господства марксизма в советской обществоведческой литературе авторитетном справочном издании Ф.М.Бурлацкий (тогда еще марксист) дал следующее философское определение власти: «Власть - способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств - авторитета, права, насилия ...» (2).

В целом, как нам представляется, это верно, но нуждается, как минимум, в двух добавлениях. Во-первых, к деятельности и поведению надо добавить сознание, поскольку осуществление власти одного человека (группы, организации, государства и т.д.) над сознанием другого (других) представляет собой предпосылку осуществления

власти над поведением, деятельностью. Кроме того, власть над сознанием людей, например, догм религии или харизматического лидера, имеет самостоятельное социальное значение, далеко не всегда и не сразу находящее продолжение в действиях. Во-вторых, и это не менее важно, поскольку власть есть властное отношение между людьми, таковое обязательно имеет две противоположные стороны. Отношение «второй» стороны к «первой» настолько существенно, что должно найти отражение и в самом кратком определении сущности власти, что и было сделано М.Вебером. Для него власть -это «способность и возможность для индивида или группы осуществлять свою волю, оказывать воздействие на других людей, **независимо от их согласия или несогласия**» (3).

Указанные два добавления представляются принципиальными, и с их учетом при социологическом подходе можно принять за основу философское определение, данное с позиций марксистской социальной философии с учетом мнения М.Вебера. Это определение является одновременно макросоциологическим, поскольку в нем учтено взаимоотношение сознания и бытия и «схвачены» все стороны человеческого существования, властные отношения в экономической, политической и культурно-идеологической областях. Что же касается психологии людей, то надо учесть следующее обстоятельство. Подчеркивая **сознательный** характер человеческой деятельности, отличающий человека от его животных предков, нельзя забывать о нижележащих «этажах» нервно-физиологической и психической деятельности, унаследованных нами от животных предков и существенно преобразившихся в обществе под влиянием труда, общения, мышления. Власть может использовать и постоянно использует, и это не только шаман в реликтовых обществах, но и государство в самых что ни на есть «цивилизованных» странах, самые изощренные способы

воздействия на подсознание бессознательного в поведении людей XX века. Они позволяют успешно манипулировать сознанием и поведением людей, особенно в периоды общественных кризисов, войн, потрясений. Так, вдалбливание в сознание телезрителей «магической формулы» «да-да-нет-да» перед всероссийским референдумом с помощью отработанных специалистами средств психического давления может служить одним из поистине бесчисленных примеров такого рода.

Разработка проблемы власти в современной социологии концентрируется вокруг многих вопросов: взаимодействие двух сторон властного отношения и легитимизации власти; классификация типов и форм власти; генезис властных отношений в связи с развитием общественного разделения труда; детерминированность функций власти социальной структурой общества, интересами классов, социальных групп, слоев; власть и элита; различные методы осуществления власти и, в частности, роль насилия в современных условиях и т.д. В нашу цель не может входить обсуждение этих и других вопросов. Читатель может обратиться к трудам Маркса, Вебера, Парсонса и других классиков социологии, а для начала к добротному учебнику, например «Социологии» Н.Смелзера (4). Мы ограничимся здесь лишь проблемами власти в «социальном» времени и пространстве. Понятие «социального пространства», как и понятие «социального времени», стало с некоторых пор широко употребляться в социологии и других общественных науках. Поскольку эти понятия являются естественнонаучными, математическими, философскими, то их применение к анализу социальных процессов всегда предполагает не прямой, а переносный, метафорический смысл, и в зависимости от вкладываемого в них содержания, следует оценивать, можно ли с их помощью получить приращение реального знания или, напротив, они затуманивают понимание изучаемых социальных явлений.

Понятие социального времени употребляется в общественном знании в двух основных смыслах. Во-первых, в исторических и этнографических исследованиях, посвященных **восприятию времени** у разных народов в разные эпохи. Астрономические наблюдения в глубокой древности породили стихийно-материалистические представления о независимости повторения (цикличности) небесных явлений от воли людей, начиная с суточного движения звезд по небосклону и годовых циклов развития в живой природе до установления еще в Вавилоне периода движения Сириуса. С другой стороны, представления о возможности возврата всего сущего на прежние, проторенные пути, вплоть до появления тех же людей и тех же обстоятельств через 10800 лет у пифагорийцев. Исследованию средневековых представлений о времени посвящена, например, интересная книга А.Гуревича (5), в которой автор не всегда четко разделяет восприятие времени людьми и реальный ход исторических процессов. И способны вызвать недоумение сентенции, вроде следующей: «Время в первобытном обществе ...либо не движется, либо вращается по кругу». Или в другом месте: «в средние века церковь держала социальное время под своим контролем» (6) и т.д.

На деле исторические события в определенные периоды, когда накопившиеся ранее противоречия приходят к своему разрешению, когда терпение народа истощается и он переходит к активным действиям, мчатся со страшной скоростью. В течение нескольких месяцев с февраля по октябрь 1917 года обстановка в России изменялась стремительно, каждая неделя вносила новое в расстановку политических сил. С другой стороны, царствование Николая I может оказаться долгим днем исторической дремы, начавшимся с расстрела на Сенатской площади и закончившимся поражением в Крымской войне. Маркс отмечал, что есть великие дни, «концентрирующие в себе

по 20 лет», в то время как иные двадцатилетия могут равняться одному дню. Однако **неравномерность хода исторических событий во времени** не означает, что с появлением человечества время стало идти неравномерно. Если придерживаться подобной точки зрения, то и власти, прежде всего власти государственной, можно приписать свойство «ускорять» время в одних случаях и «замедлять» его в других. Представление о власти как «конструкторе» истории, о чем речь пойдет далее, вполне допускает придание ей указанной способности; на деле власть может только способствовать либо ускорению, либо замедлению объективного хода истории, но никак не времени как такового, которое продолжает свое течение.

Второе направление субъективизации понятия времени является «привилегией» социологии. Изучение бюджетов времени населения, различных социальных и демографических групп, в том числе компаративные исследования международного характера, - одно из весьма плодотворных направлений конкретных социологических исследований, на базе которых была развита методика и особый концептуальный аппарат, дающий основания считать указанное направление одной из теорий «среднего уровня». В ходе разработки этой проблематики появились специально написанные книги о «социальном времени». Так, например, Г.Зборовский утверждает, что «социальное время» надо рассматривать как «взаимосвязь ряда элементов (рабочее, внерабочее, свободное)...»; в другом месте еще определеннее: «деятельность человека обусловлена особенностями и структурой социального времени» (7).

При чтении такого рода трудов возникает впечатление, что под «социальным временем» понимается просто-напросто соотношение различного рода способов проведения свободного и рабочего времени, соотношение между ними в масштабах дня, недели, года, характерное для

тех или иных общностей в данных исторических условиях. Ясно, что, во-первых, никакого дополнительного знания введение этой терминологии не дает, хотя может внедрять в умы путаницу насчет «социального времени», зависящего от воли и сознания людей. Во-вторых, поскольку политическая экономическая, идеологическая власть воздействует как на условия бытия, так и на сознание людей (например, сокращая или удлиняя продолжительность рабочего дня и недели; пропагандируя регулярные занятия физической культурой и создавая для этого условия либо поощряя рекламу крепких напитков и снижая установленную на них государством цену) и тем влияет на способы проведения времени и их соотношение, то «конструкторская» функция власти может быть распространена и на «социальное время».

Несколько иным, хотя в главном сходимым, оказывается положение с введением в социологический оборот понятия «социального пространства». И здесь философской основой субъективистского понимания пространства являются воззрения Канта и Юма, их современных продолжателей. Как известно, для Канта пространство, как и время, суть врожденные формы чувственного восприятия, в принципе идентичные для всех представителей человеческого рода; для Юма (тем более для Беркли и других представителей субъективного идеализма) пространство обозначает расположенность восприятий в данный момент, а время - их следование друг за другом. Последовательное проведение этой точки зрения подводит к выводу, что у каждого человека наличествует **свое** личное пространство и время. Со столь одиозной, откровенно субъективистской трактовкой понятия «социального пространства», ставящей под сомнение общезначимость пространственных представлений, по крайней мере у респондентов, в социологии делать нечего; это полностью относится и к

последовательно субъективистским трактовкам «социального времени».

Понятие «социального пространства» было введено в социологию П.Сорокиным в достаточно нейтральной форме: люди - точки пространства, отношения между ними - линии, связующие эти точки между собой, по ним передается взаимодействие. Понятие социального пространства обычно относят к данному социуму, его можно расширять, умножая круг знакомств и влияние, либо сужать, уходя в монашескую келью. Поскольку же народы связаны между собой, то социальное пространство в широком смысле, согласно Сорокину, - народонаселение всей земли.

Причины введения этого понятия в социологию связаны с использованием в математике «многомерных пространств» - полезной абстракции, обозначающей множество точек, функций и т.д., а также с понятием поля в современной физике. Начиная с теории электромагнитного поля Максвелла, под полями понимают материальные пространства, которые как бы «пронизаны» определенными силами взаимодействия. Через каждую точку пространства проходят силовые линии, она испытывает напряжение и вместе с тем является источником напряжения. Это представление может вдохновляться также общей теорией относительности, воплотившей исходящую из неевклидовой геометрии идею кривизны пространства вследствие неравномерности распределения материальных масс.

По аналогии представление о «социальном пространстве» может служить образом, метафорой, способной вдохновить воображение гуманитария, поскольку каждый человек является одновременно **объектом** воздействия других людей, общества и **субъектом**, от которого исходят импульсы воздействия на других людей, на общество. Все дело, по-видимому в том,

какую конкретную интерпретацию получает идея «социального пространства», какими реальными свойствами его наделяют социологи, пытающиеся приспособить заимствованные из математики и физики представления к познанию общества.

В докладе А.Г.Здравомыслова на «прошальной»конференции Советской Социологической Ассоциации в июне 1993 года вниманию собравшихся был предложен «президентский доклад» на тему «Проблема власти в современной социологии». Приведенное в докладе определение власти тем не менее, не содержит *differentia specifica*. Вот оно: «Власть - это определенная совокупность средств организации социального пространства через соответствующие точки напряжения, через линии искривления пространства. Она существует везде, где есть совместная деятельность; это необходимый атрибут общественных отношений, суть которого заключается в переводе материальных и духовных интересов и сил в совместное действие» (8). Напряжение и искривление «социального пространства» заданы как его переменные черты, поэтому следует сосредоточить внимание на заключительной фразе. Попробуем подставить вместо слова «власть» другие слова, например, «кооперация» или «взаимодействие», и определение полностью сохранит силу, поскольку в **любом** совместном действии двух или более людей, начиная с полового акта по доброму согласию и распития бутылки «на троих», имеет место «перевод материальных и духовных интересов и сил в совместное действие».

Власть, властные отношения обладают своей спецификой, это далеко **не всякий** перевод совместных интересов и сил в совместное действие. Так, для Н.Смелзера «власть - способность навязывать свою волю другим и мобилизовывать ресурсы» (8). Выше мы приводили определение, данное в «Философском энциклопедическом

словаре», где власть трактуется как «способность и возможность осуществлять свою волю», «оказывать... воздействие на ...поведение людей» (9). Вполне нейтральный «Словарь русского языка» трактует власть как «право и возможность распоряжаться, повелевать кем, чем-либо» (10). При всем различии позиций все указанные авторы в близких выражениях характеризуют власть как особый вид общественных отношений, в котором присутствует **распоряжение, повеление, навязывание своей воли, оказание воздействия** с помощью тех или иных средств. Так что отождествление **любых** отношений в обществе с навязыванием своей воли отнюдь не новое направление в философской, юридической, социологической, исторической и т.д. литературе и называется оно волюнтаризмом. Введение «социально-пространственной» терминологии ничего нового в проблему в этом отношении не вносит.

Литература

1. Словарь русского языка. М., 1985. Т.1. С. 184.
2. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 85.
3. Словарь социологических терминов. А.Б.В. Варшава, 1989. С. 69-70.
4. Смелзер Н. Социология. М., Феникс: 1984. Гл.17.
5. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М., 1972. С. 89, 132.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 89, 132.
7. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 129, 135 и др.
8. Вопр. философии. 1969. № 3. С.107.
9. Многообразие интересов и механизмы власти. М., 1994. С. 6-37.

В.И.Мельник
Екатеринбург

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Завершается XX век в развитии человечества, подводятся его итоги, решаются вопросы о том, что можно взять из прошедшего в следующее столетие. Заканчивающийся век является самым суровым веком, полным мировых войн и революций, социально-экономических и политических потрясений, обострения глобальных экологических проблем, переоценки культурных ценностей, ослабления морально-нравственных устоев жизнедеятельности людей. В то же время он принес человечеству невиданные научно-технические открытия, технологические достижения и демократические завоевания прав и свобод личности, вылившиеся в эпохальные сдвиги в формах устройства общества, индивидуального и общественного сознания людей, в теоретических и методологических основах и принципах их анализа.

Особые трудности эти сдвиги принесли нашей стране и нашему общественнознанию. Начавшаяся перестройка, «слом» тоталитарной системы «государственного социализма» обострили все проблемы жизнедеятельности людей, поставили острейшие вопросы: Куда идти? Какое новое общество строить? Какие ценности сохранить, а какие отбросить? На что, на какие цели, формы преобразовательной деятельности, социокультурные

установки ориентироваться в реформации основ жизнедеятельности людей?

Социально-историческая практика и теоретические модели ее осмысления и ориентирования показывают, что ответы на вызовы этой практики могут осуществляться в разных формах индивидуальной деятельности.

Каждый индивид в своих мотивах действий, поведения руководствуется не только внешними, но прежде всего внутренними целями и средствами, отвечающими интересам его самореализации и саморазвития. Поэтому перед ним постоянно и ежечасно встает вопрос: какой мерой руководствоваться в своих действиях, каковы цели и средства его реализации и саморазвития? Руководствоваться мерой только внутреннего самочувствия - значит, ограничивать себя целями и средствами своей физической и физиологической самореализации. Идти по пути волевых духовных предначертаний личного успеха - значит, столкнуться с волями и желаниями других людей и, возможно, не достичь реализации своих интересов или реализовать их за счет интересов других, чем вызвать напряженную обстановку справедливого возмездия. Пассивно следовать потребительскому подходу к предоставляемым обществом формам труда и благам жизни - значит, заранее обрекать себя на программирование своих интересов, подавление своих личностных качеств.

Все это говорит о том, что для людей самым трудным является выбор как внешних, так и внутренних ориентиров их жизни, социальных изменений.

Люди творят эти изменения, социальные сдвиги, часто не задумываясь об их последствиях или не соблюдая идейно-осмысленных и практических целей своих преобразований, действуя даже в контексте противоречий теории и практики социальных процессов, форм устройства общественной жизни. Практика как капиталистического, так и социалистического устройства общества показала это

особенно наглядно. Но это говорит о том, что чрезвычайно актуальным для обозначения целей, форм и средств жизнедеятельности людей, общества, раскрытия смысла их жизни и развития является некий **интегративный критерий**, который бы соединял и гармонизировал в человеке внутренние и внешние, материальные и духовные, индивидуальные и коллективные, биологические и социальные стимулы и в то же время давал перспективы его жизни, действий, творческого развития.

Таким актуальнейшим смысложизненным критерием обозначения целей, форм и средств жизни и развития индивидов, общества, решения сложных задач социальных преобразований и устройства их жизнедеятельности, предупреждения конфликтов и, главное, определения ориентиров их самореализации и самоорганизации является критерий **цивилизованности**. Пока данный критерий несмотря на его практическую и теоретико-методологическую важность не осмыслен в достаточной мере, что во многом мешает предотвращению дальнейшего процесса обострения социальных, экономических, политических, экологических и этнических проблем, разрушения ценностей человеческой культуры, психофизических и духовных начал личности самого человека.

В условиях современной постиндустриальной стадии цивилизованного развития в последние десятилетия нашего века наблюдается углубление кризиса не только экологического, но и антропологического, культурно-духовного характера: рост потребительских и иррационалистических тенденций в сознании людей, в массовой культуре; удаление от «естества» человека, «киборгизация», многообразные формы «психоневротического нигилизма» в социальной патологии. Рационализм, под знаком которого проходят научно-технические и общественные преобразования, и стал

испытывать серьезные проблемы, утрачивая свое гуманистическое значение в вопросах отчуждения человека и продуктов его труда. Человек как социокультурная и психофизическая целостность и цивилизация как система благ становятся более хрупкими, и есть опасность деградации «человеческого в человеке», умножения проявлений «цивилизованного варварства», конца истории человечества.

Поэтому люди не могут и не должны «почивать на лаврах», им необходимо осознать и реализовать определенные **новые меры** своего выживания, защиты и дальнейшего развития самой цивилизации. Цивилизованность становится важнейшей целью и ключевым способом этого процесса, исходной категорией цивилизационного анализа всех социальных и индивидуальных явлений и проблем. Именно в силу этого цивилизованность следует рассматривать как **меру** развития индивидов и общества, актуальнейший ориентир и показатель современной действительности.

Онтологически цивилизованность актуальна в том отношении, что позволяет оценивать любые социальные явления через соотношение со своими основными признаками или имманентными ценностными установками, главной из которых выступает ориентация на **индивидуальность человека**. Цивилизованность есть понятие и явление, органически связанное с ценностями, достижениями цивилизации как специфической надклассовой формы организации и реализации условий жизнедеятельности людей, и является ее производным и функционально-атрибутивным качеством и показателем. Заимствуя сущностную особенность и направленность цивилизации на создание благ и ценностей для всего общества, каждого человека, цивилизованность в концентрированном виде выражает эту функцию как

исходную ориентацию развития человеческого и индивидуального в каждом человеке.

Выражение этой функции цивилизованности связано с другим ее признаком - развитием индивидов посредством их **саморазвития и творческой трудовой самодеятельности**. Цивилизованность предполагает преобразовательно-созидательную сущность человека, а не потребительский характер его жизни за счет общества или труда других людей. Цивилизованность не приходит сама собой, а формируется как признак человека труда. Трудовая благотворная деятельность есть выражение сущности человека и основная ценностная ориентация, мера его цивилизованности. Однако не любой труд выступает ориентиром оценки цивилизованности людей, общества. Преступное или насильственное извлечение материальных и духовных благ у общества, других людей тоже является формой труда, но нецивилизованного. Только **производительный благотворный труд** на себя и общество выступает деятельностью, соразмерной требованиям цивилизованности.

Цивилизованность предполагает также труд как **преобразовательно-гуманистическую форму** саморазвития индивида, как способ **окультуривания** людей в отношениях к природе и между собой. Это значит, что трудовая деятельность людей должна ориентироваться на определенный успех, достижение оптимистических, благотворных результатов для их жизни и развития, как в материальном, так и в духовном плане. Культура есть процесс развития человеческих сущностных сил, способностей, связанных с созданием материального и духовного богатства, смысло-знаковых форм его обозначения, коммуникативно-регулятивных установлений поведения людей. Эти формы культуры индивидов призваны стать и быть сущностными мерами их жизни в каждый конкретный период времени их бытия,

ориентировать их на повышение своей цивилизованности. Если тот или иной индивид не включается в систему этих форм и не участвует в процессе их освоения и совершенствования, то он остается за рамками своего цивилизационного развития, цивилизационного процесса.

Цивилизованность обуславливает процессы не только материального и духовного, но и **социально-организационного окультуривания** индивидов, **демократизации** устройства их жизнедеятельности, решения проблем устройства (социальные институты, государственно-правовые формы, идеология, мораль и т.д.) общественной жизни. Согласование мнений и требований в контексте осознанной необходимости, толерантности, учета своих и чужих интересов, единения индивидуального и социального, свободы и ответственности является одним из высших благ демократии, ее культурной и цивилизованной сутью. Демократия, но **гуманистически благотворного**, а не эгоистического или анархического типа, есть истинная мера цивилизованности людей, общества. Она демонстрирует степень духовной мировоззренческой зрелости и цивилизованной направленности действий, поступков и поведения индивидов, общества, стран и народов.

В этом ряду стоит и значение цивилизованности как способа меры самосознания индивидами своей национально-общественной принадлежности и идентифицированности. **Национально-патриотическая** сознательность как форма приобщения к гуманистическим благотворным делам и представлениям, архетипам и традициям своей нации есть основа цивилизованности самосознания людей. В то же время данная форма цивилизованности предполагает согласование своих национально-патриотических ориентиров с материальными и культурно-духовными традициями и ценностями других этнонаций, т.е. **интернациональные, общечеловеческие**

формы самосознания индивидов. Сочетание индивидуального, национально-патриотического и интернационально-общечеловеческого в сознании индивидов есть признак их действительной культуры, высокой духовности и цивилизованности.

В своей идеально-обобщенной онтологически ценностной форме цивилизованность есть проектно-целевой, деятельно-организационный и теоретико-методологический конструкт и показатель как **общности**, так и **различий** меры гуманистической **благотворительности** разных людей, обществ, народов, стран, всей человеческой цивилизации и ее отдельных локальных образований. Цивилизованность выступает показателем разного уровня и состояния развития многообразных форм ее реализации, выражения творческого потенциала, культуры, духовности, гражданственности, демократичности и национальной самобытности людей, стран и народов. Цивилизованности может быть больше или меньше в разных обществах, странах одного и того же времени существования. Ее вообще не было в условиях дикости и варварства на заре возникновения человечества. Ее и ныне далеко не достаточно, или она переходит в другие меры и формы так называемого «цивилизованного варварства» там, где чрезмерное богатство и роскошь уживаются с ужасающей нищетой и бедностью, теряются гуманистические жизненно-смысловые ориентиры, где экстремизм возводится в государственную политику, процветает наркобизнес, насилие, несправедливость и бездуховность, ведущие неминуемо к разрушению личности людей, особой индивидуальности страны, государства.

Цивилизованность, как видно, актуализирует новые онтологические ориентиры и требования современной жизнедеятельности людей, выступает в своем сущностном виде **главным критерием** решения жизненных проблем с

позиций меры (способа, границ) *гуманистической благотворности людей*, общества, а также таких форм реализации этой благотворности, как развитие индивидуальности, трудовой и социокультурной самореализации каждого человека, единение его индивидуальной и общественной сущности в ценностях демократии и ответственной свободы, национального патриотизма и интернационализма.

И.П.Малинова
Екатеринбург

ПРАВО КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Правопонимание - один из самых существенных моментов правосознания. В теории права этой проблеме всегда уделялось большое внимание. В работах по общей теории и философии права, опубликованных в разное время, даются самые подробные и обширные обзоры существующих определений права.

С.Алексеев выделяет три ракурса рассмотрения права: право как явление цивилизации и культуры, право как институционное образование, право как ценность. Такой подход позволяет вывести дискуссию о смысловых приоритетах в определении права на тот уровень, на котором нейтрализуется резкость столкновений различных концептуальных артикуляций правовопонимания.

При всей мягкости интегративных постановок и разъединительно-объединительных классификаций «смысловое напряжение» в проблеме правовопонимания неустранимо и, более того, в известных пределах

благотворно. Учитывая то, что тема определения права разрабатывается весьма активно и каждая из существующих дефиниций уже многократно воспроизведена в многочисленных комментариях и подробных критических (аналитических) обзорах, мы в данном случае видим свою задачу в обзоре относительно недавних публикаций, содержащих, по мнению авторов, наряду с новыми постановками наиболее ценные моменты прежних исследований в этой области.

Одной из наших стратегических целей является выделение в приведенных определениях тех сущностных, атрибутивных свойств права, заслуга первоначального обнаружения и обоснования которых принадлежит именно рефлексивной традиции в философии права. Это прежде всего касается дефиниций, в которых так или иначе идет речь об идее свободы, о взаимодействии «свободных волей», «свободных субъектов».

Э.Ю.Соловьев еще в 1991 г. имел основания для такой констатации: «В определениях права, которые по сей день фигурируют в наших энциклопедиях, словарях, популярных юридических изданиях, примечательным образом отсутствует понятие свободы - самое важное для уяснения смысла правовой нормы. На передний план властно выдвигаются такие выражения, как «регулирование», «управление» и «регламентация» (1). Его во многом новаторское определение звучит так: «Право - это система установленных или санкционированных государством общеобязательных норм, обеспечивающая совместное граждански-политическое существование людей на началах личной свободы и при минимуме карательного насилия» (2).

И если в данном определении превалирует общегуманистический аспект, демократический настрой, то подход, развиваемый В.С.Афанасьевым, А.Г. Братко, В.И.Гойманом, Н.Л.Гранатом, В.В.Лазаревым, совмещает

названные качества с аналитичностью: «Право - это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом» (3). В последнем фрагменте приведенной дефиниции воспроизводится формула классического кантовского определения права.

В.И.Леушин строит свое определение несколько в другом ключе: «Право - это обусловленная природой человека и общества и выражающая свободу личности система регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность в официальных источниках и обеспеченность возможностью государственного принуждения» (4). Здесь удачно совмещаются естественно-правовая, нормативистская и социологическая концепции права.

Л.И.Спиридонов дает такие формулировки: «Право - это нормативное выражение исторически сложившегося порядка общественно значимых отношений между свободными и равными субъектами, отклонения от которого могут быть устранены средствами государственного принуждения»; «Право - система исторически возникших правил поведения, являющихся масштабом свободы равных субъектов, отношения между которыми социально значимы, являются частью общественного порядка и потому обеспечиваются государством при выполнении им общих дел населения» (5). Как и в определении Э.Ю.Соловьева, здесь подчеркивается момент регулирования поведения таких субъектов, как личности, т.е., выражаясь юридическим языком, физических, а не юридических лиц. Государство в приведенных определениях рассматривается прежде всего как гарант права.

Продолжая анализ современных определений права, отметим, что почти все они содержат указание на опосредование государственной волей (принуждением) всех форм правовой деятельности, всех процессов, связанных как с правотворчеством, так и с правореализацией. И здесь можно выделить два подхода.

Первый - категорично-этикатистский. Например, Ф.М.Раянов совершенно четко формулирует свою позицию: «Хотелось бы сразу отметить, что в отношении государства и права мы отдаем предпочтение производности права от государства» (6).

Сторонники второго подхода не только не абсолютизируют роль государства, но весьма косвенно упоминают о ней (через понятие надстройки): «Право есть часть юридической надстройки, представляющая собой волю, как правило, организованных групп (слоев, классов), коллективов предприятий, организаций и учреждений, выраженную в системе общеобязательных норм и ненормативных юридических средств, направленных на урегулирование общественных отношений» (7). Для нас в этом определении чрезвычайно интересна мысль автора о том, что юридическая надстройка «представляет» (т.е. опосредует) волю различных социальных субъектов. Как верно отмечает В.С.Белых, «за последние годы появились новые теории, которые обычно противопоставляются нормативной трактовке права. В частности, право рассматривается в качестве юридического инструментария, правовых средств, призванных обеспечить юридическое воздействие на общественные отношения (С.С.Алексеев, В.Ф.Яковлев, Б.И.Пугинский, Б.И.Минц и др.)» (8).

По нашему мнению, в развитии правовой культуры постоянно воспроизводится всеобщий модус права, состоящий в том, что правовые средства и механизмы социальной регуляции представляют собой систему нормативно-унифицированных способов властного

опосредования отношений субъектов. Исторически постепенно эти способы институируются, формируется разветвленная сеть органов правового опосредования, в которых государство является высшей инстанцией всех властных опосредований. Органы государственно-правового опосредования являют собой особый тип субъектов, представляющих волю индивидуальных и коллективных субъектов в осуществлении их интересов, но не имеющих при этом своих собственных, частных интересов и мотиваций, кроме «официальных», функционально им предписанных.

Таким образом, право несет в себе присущий всей культуре инвариант общественного опосредования субъект-субъектных отношений, состоящий в том, что все эти отношения замкнуты в конечном счете на социум в целом, на культуру как среду, являющуюся условием воспроизводства самих этих отношений. Данный инвариант общественной опосредованности субъект-субъектных отношений проявляется и особым образом опредмечивается и в морали, и в религии, и в искусстве (причем и в этих областях присутствует в той или иной модификации момент нормативности). Специфичным *именно для права* как особой сферы общественного опосредования субъект-объектных отношений является, во-первых, как уже говорилось, то, что это опосредование носит *властный* характер. Во-вторых, оно относится только к той стороне этих отношений, где речь идет *о взаимном ограничении деятельности свободы субъектов в процессе реализации их интересов*.

Чтобы вывести определение права, совмещающее в себе идею свободы с принципами ее ограничения (нормативности, властности, внешнего опосредования), необходимо еще раз, теперь уже в другой смысловой последовательности, рассмотреть их взаимосвязь. Фемиду с весами вполне можно было бы принять за богиню торговли,

если бы у нее были завязаны глаза. Что соизмеряет человек, делая свой выбор? На одной чаше весов - блага, собственный интерес, а на другой - свобода. Если установленной правом меры моей свободы достаточно для распоряжения этими благами, я могу ими свободно овладевать, пользоваться, присваивать их. Если нет, то последнее оборачивается несвободой - и не только в буквальном смысле мер пресечения, но и в том смысле, что, нарушая право вообще, я нарушаю его и для себя (Гегель). Право, таким образом, это особая сфера регуляции поведения субъектов, в которой эквивалентом всех благ является свобода. Именно право, поскольку в основе его лежит взаимоограничение деятельностной свободы, задает единую шкалу ценностей, в которой мера блага определяется как степень индивидуальной свободы. А значит, право выступает как особая среда, в которой самые различные поступки (деятельность) субъектов и лежащие в их основе интересы соизмеримы по единому масштабу - масштабу свободы. «Право - форма человеческих взаимоотношений, и в этом смысле выраженные и представленные в правах равенство, всеобщность, независимость, свобода индивидов носят формальный характер. Такая формальность - внутренне необходимое, а не случайное свойство всякого права. Форма здесь - не внешняя оболочка. Она содержательна и единственно возможным способом, математически точно и адекватно выражает суть опосредуемых данной формой (т.е. регулируемых правом) отношений - меру свободы индивидов по единому масштабу. Своим всеобщим масштабом и равной мерой право измеряет, «отмеряет» и оформляет свободу индивидов» (9). Из этого емкого по содержанию фрагмента текста В.С.Нерсисянца следует еще один важный вывод: если в координатах объективного права внешней формой деятельностной свободы являются конкретные блага, а внутренней - ее нормативно

установленная мера, то в координатах субъективного права имеет место прямо обратное соотношение. Отсюда, кстати, проистекает противоречивость в реализации «естественных прав» человека.

Наконец, необходимо проанализировать смысл термина «общественные отношения» с точки зрения его возможного использования в определении права. Во-первых, существует два смысловых оттенка понятия «общественные отношения»: как абстракция типов взаимосвязей и как обозначение конкретных, реальных процессов взаимодействия последних во всем их многообразии и многосторонности. Во-вторых, вся совокупность общественных отношений в их реальном, наличном бытии существует как бесконечно сложное переплетение, во взаимопереходах, динамике, взаимопроникновении. В-третьих, право - это та сфера общественной жизни, в поле которой стихийный конгломерат связей и взаимодействий упорядочивается, обретает особую структуру, как бы надстраивается над стохастическими структурными ансамблями реальных общественных отношений. Таким образом, сфера права обладает особым свойством мета- (или супер-) структурирования массива наличных общественных отношений. Более того, само право существует в форме структурно упорядоченного сектора, сферы социального пространства, в котором все многообразие общественных отношений представлено (отражено) в особом ракурсе, под специфическим углом зрения - в инвариантах санкционированной юридической нормативности. С этой точки зрения, такие понятия, как «правовое поле», «правовое пространство», «правовая среда», «правовая сфера» и т.д., являются своего рода метафорами, выражающими суть: общественные отношения объективируются в праве не непосредственно, а системно опосредуясь всей его структурной целостностью. В

заключение необходимо пояснить, что термин «структура» также имеет несколько смыслов: это порядок, устройство, строение, но это и целостное образование со своей собственной «автономной сущностью внутренних взаимозависимостей» (Ельмслев). В данном случае мы используем термин «суперструктура» именно в последнем, субстанциальном смысле.

Суммируя все высказанные соображения и основываясь на них, можно предложить следующую формулировку определения права. *Право - это суперструктура общественных отношений, в которой эквивалентом всех благ является свобода, а мера и условия ее реализации выражаются в духовных инвариантах справедливости и порядка и в формах их предметной объективации в системе нормативно унифицированных способов регулятивно-властного опосредования взаимного ограничения деятельности свободы субъектов.* Из предлагаемого определения достаточно точно «выводятся» (поскольку они в нем «свернуты») смысловые пары: естественного и позитивного, материального и процессуального, объективного и субъективного права. Внутренней, диалектической стороной права является то, что нормативная унификация ограничительных способов властного опосредования отношений субъектов в реализации ими своих интересов выступает необходимым условием *всеобщности непосредственно-индивидуальной формы* распоряжения какими-либо благами, в том числе свободой как их универсальным эквивалентом. Это находит свое выражение в формуле правового идеала «Освобождение через подчинение обязанности (норме, закону)».

Сочетание в праве идеи свободы и принципов ее ограничения одним из своих результатов имеет весьма устойчивую готовность правосознания к самоотожествлению с моральным сознанием и стремление

снять с себя, хотя бы в далекой перспективе, печать принуждения и властного опосредования. Современные правоведы отдают должное этой идее: «Цель права состоит в удовлетворении жизненных потребностей людей. Поэтому требуется принципиальное соответствие государственной воли и воли субъектов реализации права. При таком условии глобальная перспектива видится в постепенном отпадании необходимости специализированного государственного принуждения: Само содержание права должно обуславливать добровольное повиновение со стороны подавляющего большинства граждан» (10). Но вопрос состоит в том, может ли в принципе взаимное ограничение деятельности свободы субъектов осуществляться без властных опосредований или *преимущественно* без оных. Это в свою очередь заставляет задаться вопросом: На каких еще модусах правосознания, кроме боязни наказания, стремления к сохранению общего баланса индивидуальной свободы (включая осознание принципа «обращаемости зла»), кроме хабиитуализации (опривычивания) подчинения общепринятым правилам, держится подчинение закону? Оставим в стороне модель слияния морали и права, потому что речь идет не об эволюции морального сознания, а о развитии именно тех когнитивно-эмоциональных структур, которые лежат в основе правогенеза.

В рефлексивной философской традиции право изначально выводится из стремления разума к распространению своей логической способности на создаваемый мир с целью его упорядочения. Если в природе действуют объективные законы и знание их позволяет субъекту не только предвидеть ход событий, но и достаточно безошибочно «встраиваться» в общую причинно-следственную канву, то в сообществе, которое составляют существа, обладающие способностью самостоятельно начинать ход событий, необходимо

создание таких правил их деятельности, которые действовали бы как *объективный закон*. Иначе культура была бы царством хаоса, что абсурдно. «Свобода должна быть гарантирована порядком, столь же явным и неизменным, как закон природы»(11). (Заметим, что речь идет о неизменности, устойчивости по отношению к субъективному произволу.) Шеллинг дает совершенно исчерпывающее, блестящее обоснование этого принципа: «Над первой природой должна быть как бы воздвигнута вторая, и высшая, в которой господствует... закон, необходимый для свободы. Неуклонно и со столь же железной необходимостью... в этой второй природе за посягательством на свободу другого мгновенно должно возникать препятствие эгоистическому влечению. Таким описанным здесь законом... является правовой закон, вторая же природа, в которой этот закон господствует, - правовой строй...» (12).

От того что в праве с необходимостью присутствует момент принуждения, властного опосредования, оно не сводится к манипулятивному контролю над деятельностью субъектов, поскольку в правосознании представления о властной санкции права не редуцируются до страха перед наказанием, а отвечают трансцендентальной потребности субъекта в существовании некой объективной основы и гарантии упорядоченности человеческого мироустройства. С этой точки зрения, совершенно в ином свете предстает модус властного опосредования и внешнего принуждения в структуре правосознания: психологическая готовность, установка на следование норме (вопреки влечениям и «мучительным рефлексиям» о должном и запретном) органично включает в себя мотивацию *неизбежности* подчинения властно гарантированной норме.

Кантовская концепция роли права в человеческом самосовершенствовании, в общественном прогрессе, основана на том, что право есть способ сохранения

необходимой для наиболее полного проявления человеческих способностей меры *антагонизма* между людьми. А там, где речь идет об антагонизме, властное опосредование выступает необходимым моментом как внешних, так и внутренних «механизмов» регуляции и саморегуляции поведения субъектов. В своей «Теории справедливости» Дж.Ролз компонует различные аспекты юридико-правового принуждения, используя прием реконструкции логики обыденного сознания. Не выходя на уровень философской рефлексии, он приходит к схожим, но гораздо слабее обоснованным выводам: «Разумно предположить, что даже во вполне упорядоченном обществе полномочия правительства, связанные с принуждением, являются, до некоторой степени, необходимыми для стабильности социальной корпорации... Даже в относительно идеальных условиях трудно представить, например, работающую схему подоходного налога, основанную на добровольном согласии. Такое устройство нестабильно... Необходим принуждающий правитель, хотя во вполне упорядоченном обществе санкции не являются суровыми, и, возможно, нужда в них никогда и не возникнет. Дело, скорее, в том, что существование эффективного карающего механизма служит людям взаимной страховкой» (13).

Резюмируя все изложенное, можно сделать вывод, что смысл правотворчества состоит не в том, чтобы снять с права «печать» принуждения и властного опосредования (она не отделима от его природы), а в том, чтобы, следуя правовой норме, субъект действовал так, будто ему известны объективные закономерности, лежащие в основе его свободной деятельности.

Литература

1. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М., 1991. С.416.
2. Там же.
3. Общая теория права и государства /Под ред. В.В.Лазарева. М., 1994. С.29.
4. Теория государства и права /Под ред. В.М.Корельского, В.Д.Перевалова. М., 1996. С.226.
5. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1998. С.100-101.
6. Роянов Ф.М. Введение в правовое государство. Уфа, 1994. С.48.
7. Белых В.С. Сущность права: в поисках новых теорий, или «консерватизм» старого мышления? //Рос.юрид.журнал. 1993. № 2. С.58.
8. Там же. С.51.
9. Теория права и государства /Под ред. Г.Н.Манова. М., 1995. С.288.
10. Теория права и государства /Под ред. Г.Н.Манова. М., 1995. С.207.
11. Шеллинг Ф.В. Соч. Т.1. С.455.
12. Там же. С. 447.
13. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 214.

Н.В.Иванчук
Екатеринбург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ ВЫДЕЛЕНИЯ

Ряд ученых и, на мой взгляд, вполне обоснованно предлагают в политической науке выделить две части - онтологию и эпистемологию (1).

Первая акцент делает на раскрытие логики бытия, его институтов, организаций, технологий их функционирования в отличие от второй, изучающей мир идей, ценностных ориентаций, предпочтений. Политика, которая не опирается на онтологические факторы или лишь формально отражает их, не может быть эффективной, хотя на какое-то время по иным причинам способна вызвать поддержку у тех или иных слоев общества.

Выделение политической онтологии имеет принципиальное значение для отечественной политологии, процесс становления и развития которой осуществляется в весьма мифологизированном обществе, которое потому и мифологизировано, что в его реальной практике давно укоренились принципы типа «истина не обязывает».

Политическая онтология ориентируется на изучение глубинных процессов и явлений, относительно устойчивых элементов человеческого бытия, таких как власть, политическая система, государство и гражданское общество, политическое отчуждение и злоупотребление властью, технологии и антитехнологии, экзистенциальные потребности и т.д.

Так, власть в целом и политическая власть в частности, учитывая многогранность этого феномена, вряд ли может быть в полной мере раскрыта, если сделать акцент на свойствах субъектов власти, ее идеологическом содержании, а не на укорененности власти в бытие людей, культурных механизмах, которые закрепляют те или иные властные отношения. Во всяком случае, только при опоре на бытийность власти ее психологические и другие характеристики получают прочный фундамент, могут быть во многом объяснены.

То же самое можно сказать и об изучении такого феномена, как политическое отчуждение. Очень заманчиво его причины свести к каким-то отдельным сторонам, граням бытия - фетишизации, абсолютизации, «освещению»,

институту частной собственности, с устранением которого, как писал К.Маркс, исчезнет и само отчуждение. Но все же при всей важности освещения, объективации и других аналогичных характеристик рассматриваемого феномена он имеет более сложную онтологическую природу, в которой исключительно важная роль принадлежит, например, духовному бытию - извечным страстям человека, его раздвоенности, деструктивности. Последняя далеко не всегда нейтрализуется созидательным потенциалом, заложенным в каждом индивидуе.

Политическое отчуждение и органично связанное с ним злоупотребление властью материализуется в соответствующих технологиях и антитехнологиях, без нейтрализации, блокирования которых противодействие злоупотреблению властью, даже если оно осуществляется, оказывается малоэффективным.

Среди такого рода антитехнологий можно назвать коррупцию, лесть, создание искусственных почестей и социально неоправданных привилегий, круговую поруку, выведение тех или иных властных структур из-под контроля, различного рода деструктивные манипуляции - замалчивание или искажение информации, манипулирование логосферой и т.д.

Преодоление, нейтрализация отчуждения политической власти от общества и общества от власти - сложный, многогранный процесс. Его сердцевину составляет деятельность как самих властных органов, так и институтов, организаций гражданского общества в органической взаимосвязи, взаимодействии тех и других. В этом плане большие ресурсы имеют муниципальные органы власти как наиболее непосредственно связанные с населением в отличие от федеральных или региональных властей. В некоторых городах, например в немецком городе Гайдельберге, выделено специальное управление по работе с общественностью. Но и в тех немецких городах, таких как

Мюнхен, где такие управления пока не выделены, работе с общественностью, подключению ее к делам и проблемам города уделяется первостепенное внимание.

Для подключения общественности и тем самым становления и упрочения гражданского общества принципиальное значение имеет ориентация на потребности и ожидания населения, учет этих потребностей и ожиданий в практической политике. Ее действенность определяется прежде всего конкретными результатами: такой-то процент городских жителей благодаря деятельности муниципальных властей стал лучше удовлетворять свои социальные, информационные или материально-бытовые потребности, изменились мотивации населения, оно стало в большей мере сотрудничать с органами власти, так как последние оперативно реагируют на их нужды и запросы.

Потребности объективно - субъективны по своей природе. Трактовка их как сугубо объективного явления не позволяет в полной мере реализовать их мотивационный потенциал. «И человеческие потребности, и мотивы деятельности имеют социальный характер, в их возникновении решающая роль принадлежит социальной среде, которая детерминирует формирование и развитие потребностей, а также мотивацию к действию», - читаем мы в одной из работ (2). Но потребности не только детерминируемы, но и самодетерминируемы. Вне такой взаимосвязи невозможно адекватно понять их онтологичность.

Развитие человеческой цивилизации обнажило особую значимость для ее становления и развития экзистенциальных, социальных и некоторых других видов потребностей. Без их политической поддержки государством, становящимся и развивающимся во многих странах гражданским обществом человеческая цивилизация скорее всего вряд ли может выжить.

Экзистенциальные потребности - это потребности человеческого существования, особый срез бытия человека и социума. Они бытие скрепляют, придают ему устойчивость. Для раскрытия специфики этих потребностей важно не то, материальны они или духовны, биологически или социально детерминированы, а только что названные характеристики.

Экзистенциальные потребности не могут быть ограничены набором витальных или близких к ним «низших» потребностей - в пище, одежде, безопасности и т.д. В них входят и «высшие» потребности, развитие и удовлетворение которых не менее важно, чем реализация «низших». «Высшие потребности (в справедливости, добре, красоте, истине и др.) также необходимы человеку, и они мстят ему за отказ от них. Неудовлетворенность этих потребностей вызывает многочисленные патологии, такие как отчужденность, утрата вкуса жизни, скука, тоска, безнадежность, апатия, пораженчество, прекращение сопротивления, капитуляция, цинизм, неверие ни во что и многие другие» (3). Потребность в свободе, на мой взгляд, может быть отнесена к одной из важнейших экзистенциальных потребностей.

Еще на заре индустриальной цивилизации один из ее самых глубоких теоретиков Б.Спиноза отстаивал тезис, что свобода не только «может быть допущена», но ее отрицание «означало бы уничтожение самого спокойствия государства и благочестия». Особенно голландский философ подчеркивал значение свободы совести и слова. Так как эти потребности глубоко в природе человека, то их подавление государством крайне опасно и для индивида, и для государства. «Это общий недостаток людей - доверять другим свои планы, хотя и нужно молчать: следовательно, то правительство будет самое насильническое, при котором отрицается свобода за каждым говорить и учить тому, что он думает, и, наоборот, то правительство будет умеренное,

при котором эта самая свобода дается каждому (4). Тоталитарные или близкие к ним политические режимы, подавляя свободу слова, насилуя совесть человека, отчуждая его от самого себя, от подлинного политического бытия, заменяют это бытие бытием - утопией, бытием - иллюзией.

Но государство, в деятельности которого такие функции становятся доминирующими, отчуждается и от самого себя, от своего социального и политического предназначения. Еще величайший из отцов древней церкви христианского Запада Блаженный Августин писал: «Итак, при отсутствии справедливости - что такое государство, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государство в миниатюре» (5).

В последующем, прежде всего в либерализме, получает выражение и закрепление концепция защиты личности, ее объективных и субъективных прав от произвола государства. Там, где личность в должной мере не защищена от него, ее подлинные потребности и интересы не могут быть реализованы. Они деформируются, становятся опорой деформированного, отчужденного бытия, воспроизводя и укореняя его.

Концепция либерального правового государства, построенного в ряде стран, исходит из трактовки государства, призванного обеспечить безопасность его граждан, защитить их от произвола властей, содействовать становлению такого социума, в котором интересы различных групп населения были бы сбалансированы.

Объявлять идеи либерализма, например, те из них, которые требуют защиты прав личности от произвола государства, от его реально мало чем ограниченного вмешательства, неприемлемыми для России или ставить под сомнение такие идеи под прикрытием реальных или мнимых слабостей либерализма означают, на мой взгляд,

отходить от истины, затемнять ее содержание. Либерализм имеет свои слабости. Они хорошо известны. Поэтому вполне оправдан его синтез с идеями консерватизма. Либерализм делает ставку на личность, индивида, и когда они слабы, его концепция малоэффективна или вообще не работает. Но государство, подминающее личность, неотчуждаемые права его граждан, игнорирующее логику подлинно человеческого бытия, как показывает опыт и нашей страны и других стран, не может быть эффективным.

Концепция либерального правового государства основывается на таких слагаемых, как гарантия основных прав индивидов, разделение властей и управление социумом на основе закона; независимость судей; запрет обратного действия законов уголовного права; правовая защита и правовой контроль; справедливость. «Все существенные решения, затрагивающие реализацию основных прав, должны осуществляться посредством закона (так называемая теория «существенности»)(6).

Неотрегулированность законом многих существенных отношений между предпринимателями и лицами наемного труда, государством и его поданными, между различными ветвями российской власти, не говоря уже о несоблюдении существующих законов, приводят в конечном итоге к деформации социального и политического бытия. Политическая наука, как и любая другая, не всесильна. Но четко обозначая важнейшие ориентиры человеческого существования, противодействуя доступными ей средствами отступлению от них, пробуждая волю различных политических сил к трансформации российского общества, она содействует обретению им подлинной цивилизованности.

Литература

1. Разделенная демократия. Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом. М., 1994. С. 344.

2. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб, 1997. С. 56.
3. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб, 1997. С. 331.
4. Спиноза Б. Трактаты. М., 1998. С.236.
5. Блаженный Августин. Творения. Том третий. О Граде Божием. Книги 1 -XIII. СПб, 1998. С. 150.
6. Государственное и административное устройство Германии. Федеральная академия государственного управления при Министерстве внутренних дел ФРГ. Бонн, 1994. С. 57.

А.Н.Кокотов
Екатеринбург

РУССКАЯ НАЦИЯ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Можно выделить три этапа включения этносов в социум: а) доминирование этносов в своих социумах; б) включение этносов в социум в качестве его периферийно-самобытных подсистем (часто это этносы, доминирующие на периферии); в) включение этносов в социум в роли его специализированных, территориально не укорененных подсистем (этносы, не образующие микросоциумов и тяготеющие к политико-правовому статусу национальных меньшинств). Доминирующие (или державные) этносы являются основой своих социумов, несут на себе главное бремя социально-государственных тягот. Периферийные и специализированные этносы пытаются найти меру

приемлемого сближения с общесоциальными механизмами, державными этносами, однако во внутреннем самоопределении опираются на собственные институты. Они участвуют в жизни социума в качестве автономных составляющих с целью максимального извлечения выгод из пребывания в общесоциальном пространстве и минимизации отрицательных средовых слияний.

Положение русских в современной России (как в ушедших русско-евразийских государствах) - это положение державного народа, сливающегося во многих отношениях с социумом и российским государством в целом, относящегося к общероссийским институтам как к части своей собственной телесности, что, правда, на формально-юридическом уровне не имеет соответствующего подкрепления: Российская Федерация - государство национальное.

Из сказанного можно извлечь ряд принципиальных выводов. Во-первых, основные проблемы современных русских - это проблемы типичного социально-государственного большинства. Русские проблемы и общероссийские проблемы нераздельны; крепость, здоровье русского народа напрямую связаны с судьбой и целостностью российского государства, что для национальных меньшинств, периферийно-самобытных этносов не так очевидно. Во-вторых, русское национальное возрождение может состояться не только в контексте общероссийского возрождения. В-третьих, отношения между российским государством (обществом) и русскими, их взаимные противоречия являются определяющими для страны в целом, для судеб и России, и русских, для всех народов страны. Отсюда ясно, что общероссийское возрождение без русского национального возрождения невозможно.

Фундаментальным русско-российским противоречием является противоречие между доминирующим положением

русских в России и многонациональной, часто вненациональной природой российского общества, относящегося к русским ценностям как ценностям полезным, но не сакральным, использующего эти ценности (тот же язык) исключительно в функциональном плане в качестве удобного средства собственной самоорганизации. Одной из форм данного противоречия является противостояние русской нации, рассматривающей российское государство как часть своей телесности, и российского государства, де-юре и де-факто национального, оценивающего русскую удельность как стратегическую для себя угрозу, искусственно сдерживающего усиление русского национального начала в государственной жизни.

На первый взгляд, утверждения о доминировании русских в России и о наднациональной природе российского государства (общества) кажутся несовместимыми. На самом деле они не исключают друг друга. Национальная природа Российской Федерации обусловлена по преимуществу преобладанием наднациональных мотивов над мотивами этноцентричными в современной русской культуре. Русский народ сегодня причудливо соединяет в себе две общности: «большую» и «малую». «Большой» русский народ - общность национально устремленная, ставящаяся в большинстве случаев выше собственно русского общероссийское, евразийское, мировое, воспринимающая свою русскость не как «кожу», а как «одежду», удобную лишь при известных обстоятельствах, либо непритязательно следующая в русле национальной политики государства. «Малый» русский народ ориентирован на потребностное, сакральное отношение к русским ценностям, на этноцентричное мировосприятие. Обе эти общности не самодостаточны; граница, их разделяющая, проходит не между людьми, а скорее по людям, по их поведению, задевая противоречивость последнего. «Во мне два «я», два полюса

планеты, два разных человека, два врага...» - эти песенные строчки Высоцкого могут быть отнесены с полным основанием и к русской нации в целом. Доминирование «большого» русского народа над «малым» в рамках внутрирусского самоопределения и обуславливает национальную природу российского общества при явном доминировании в нем русской нации. Стоит еще отметить, что выделенная противоречивость русских как державного этноса вовсе не уникальна; сродни ей сущностный конфликт ромеев и греков в Византии, югославов и сербов в бывшей Федеративной Югославии. Отсюда вполне естественно искушение наложить названные конфликты в их исторической разверстке на российскую почву и поискать возможные аналогии между историческими фактами и русским будущим, но это, как говорится, тема особого разговора 1.

Даже беглый анализ российской действительности показывает, что внутрирусские противоречия, противоречия между русской нацией, с одной стороны, и российским обществом, российским государством, с другой, развиваются в формах отнюдь не позитивных; стороны обозначенных противоречий не дополняют, не оживляют, а взаимно гасят устремления друг друга. Данные противоречия при многобытийности российской действительности (попытка реформ, государственные перетряски, нестабильность и конфликтность межнациональных отношений и т.д.) задают режим ее застоя. Подобное положение вещей подталкивает к поиску путей решения вышеперечисленных противоречий.

При всем многообразии выдвигаемых на сей счет проектов идей возможно выделение четырех основных подходов к снятию русско-российских противоречий: 1) сохранение современного положения без какого-либо существенного вмешательства в естественный ход событий;

2) укрепление общероссийских наднациональных институтов и полное выдавливание русско-удельного из государственной жизни; 3) превращение России в русское национальное государство путем волевой русификации общероссийских институтов; 4) моделирование общественно-государственных форм, органично

О некоторых рассуждениях на эту тему см.: Россия, которую мы обретаем //Новый мир. 1993. № 1. С.10,15.

сплавляющих русское национально-государственное доминирование, многонациональный статус российского общества, российского государства, самобытность малых укорененных российских народов и внутрироссийских (внутрирусских) национальных меньшинств.

Первый подход, связанный с сохранением современного статус-кво, несет в себе известную долю здравого смысла. Ведь наши идеальные и волевые усилия и проекты всегда имеют ограниченную результативность, наши результаты часто далеко отстоят от предшествующих им целей. Неудовлетворенность наличным состоянием - еще не достаточное основание для вмешательства в естественно-исторический процесс, выступающий в роли потока, несущего нас по своим волнам. Однако в потоке можно и нужно маневрировать, принимая решения, согласующиеся с социально-природными закономерностями и дающие возможность преодолевать препятствия. Поэтому такой подход можно принять лишь в той части, в какой он проступает русской пословицей «семь раз отмерь - один отрежь».

Устранение русского доминирования в России
Данный подход прокладывает себе дорогу в двух основных вариантах. Первый заключается в коренной ломке сложившихся этно-государственных зависимостей, в замене

русского доминирования на доминирование россиян как нового этноса, сформировавшегося путем сплочения российских народов (концепция строительства России как национального государства россиян). Второй предполагает искусственное «расшибание» русских на множество микроэтносов (уральцев, сибиряков) и полный отрыв российского государства от этнического (концепция строительства «двухэтажной» России как наднационального государства, включающего в свой состав множество национальных и наднациональных государственных образований).

«Выпаривание» нации россиян, то есть превращение наличного утилитарного содружества российских этносов в новую сакральную общность с растворением в ней российских народов либо превращением последних в подэтноты, исходит из практики изначально многоэтнических государств, сумевших сплавить свои народы в опорные для себя нации (Куба, Бразилия, США). Однако надо иметь в виду, что подобная практика дает эффект относительный и не гарантирует невозможность обратного движения к новой мозаичности, это во-первых; во-вторых, закладка новых державных этносов, максимально вбирающих в себя все основные группы населения, удавалась в странах, создаваемых эмигрантами, то есть людьми, оторванными от мест развития этносов-предков. Понятно, что образование новых державных этносов в этих странах не встречало серьезного сопротивления, какое могли бы оказать этносы укорененные. Наоборот, проводимая в Российской Империи, СССР политика преодоления этнических границ всегда наталкивалась на сопротивление укорененных народов, не желавших растворяться в едином этническом котле. Россияне есть прежде всего совокупность укорененных этносов, а не коктейль из эмигрантов. Кроме того, надо понимать, что этнически сплавить можно только народы с близкими культурами, а вот этой близости в

России и нет. Приближение же российских народов друг к другу через разрушение их традиционных культур никогда не заложит основ новой нации, поскольку ведет к маргинализации населения и потере у людей способности к надындивидуальным формам поведения вообще. Россияне как государственно-территориальная общность в качестве потолка внутреннего единства имеют уровень утилитарных институтов и отношений, но не более.

«Расшибание» русских на множество микротносов Не затрагивая моральных аспектов данной идеологии, заметим, что искусственное подталкивание этого варианта (идущая сегодня сплошная федерализация собственно русских территорий в него полностью вписывается) поставит русских в положение средневековых немцев, но немцы на многовековую раздробленность и национальную неконсолидированность запоздало ответили в двадцатом столетии взрывом государственного национал-социализма (кто долго запрягал, тому трудно преодолеть искушение быстрой ездой). Попытки спровоцировать поземельное разделение русских чреваты теми же последствиями - не сейчас, когда много говорится об опасности русского фашизма, а после возможного дробления русского народа, и только после него националистические теории способны овладеть русскими умами и сердцами.

Нынешняя внутрирусская сложность - сложность неразберихи. В рамках русского этносоциального организма выпадает необходимое разнообразие элементов региональной и групповой самоидентификации индивидов. Отсюда ясно, что внутреннее структурирование для русских полезно. Но только в пределах единого национально-культурного пространства, а не путем рассечения последнего на абсолютно самостоятельные части.

Негативное отношение к державному статусу русских приобретает порой весьма изощренную форму. Так, например, говорят о том, что государство и право должны

быть нацелены на защиту слабых, а сильные о себе позаботятся сами, следовательно, защита малых народов, меньшинства в сфере этнических отношений - важное направление правового регулирования, однако и национальное большинство нуждается в правовой поддержке. Право должно защищать слабых, но и раскрепощать сильных. Обе эти задачи - защита слабых и раскрепощение сильных - взаимосвязаны и не могут быть решены одна без другой. Можно, например, закрепить за меньшинствами особые права и привилегии, но меньшинства по настоящему не смогут ими воспользоваться до тех пор, пока соответствующие возможности не появятся и у представителей социально-этнического большинства. С другой стороны, без действительной защиты меньшинств невозможно государственно-правовое обеспечение свободной творческой деятельности большинства, ведь меньшинства - это своеобразные составляющие социально-этнического большинства. Меньшинства для державного народа - это одновременно и свое, и чужое. С учетом вышеизложенного стоит заключить, что российское государство по отношению к русскому должно проводить политику его поддержки и раскрепощения его творческого потенциала, а не искусственного сдерживания русско-национального влияния на государственную жизнь. Второй составляющей этнической политики государства должно стать разумное обеспечение социально-оправданных прав меньшинств, активного включения последних в общегосударственную жизнь.

Предложения по устранению русского доминирования необходимо поверить еще не до конца осмысленным фактом падения на протяжении всего одного века двух евразийских империй: Российской Империи и СССР. Очевидно, что любое внешнее давление на таких государственных гигантов не имело бы успеха, если бы оно

не дополнялось серьезнейшими внутригосударственными противоречиями и запредельным уровнем отчуждения между данными империями и их социально-этническим большинством, то есть русскими. У Г.Федотова на этот счет есть удивительно глубокие размышления. Оценивая крушение Российской Империи, он писал: «...народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть Империи, вдруг отказался защищать ее. Если нужно назвать один факт - один, но основной из многих слагаемых русской революции, то вот он - на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию. Не только потерял понимание целей войны, но потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делят, кто хочет. “Мы - рязанские”. Далее ученый заключает: «Таков итог векового выветривания национального сознания. Несомненно, что в Московской Руси народ национальным сознанием обладал»². Надо понимать, что русское доминирование в России - это самая мощная опора российской государственности, устранение которой лишит Российскую Федерацию устойчивости и жизнеспособности. Российский социум в своей государственной оболочке соединяет в себе множество разновозрастных, разнонаправленных этносов, и объединительным началом для последних выступает русский «магнит».

Ослабление или уничтожение этого «магнита» приведет к утрате смысла в сохранении единого общероссийского государственного пространства для малых российских народов, ориентированных на создание собственных форм национальной государственности. Российская Федерация без русского социально-культурного доминирования превратится в подобие Священной Римской империи германской нации и то лишь в лучшем случае.

Государственный инстинкт должен подсказывать национальной России - главная опасность для нее в русском отчуждении, в отказе русских обеспечивать государственное единство, в русском сепаратизме.

Проблемы Чечни, Татарии, Тувы - проблемы серьезные, но даже кардинальное их разрешение в форме отпадения данных территорий не означает автоматически распада Российского государства. Рост же русского отчуждения вследствие искусственного разрушения русского доминирования однозначно приведет российскую государственность к краху, как это случилось с Российской Империей и Союзом ССР.

Превращение России в русское национальное государство. Безусловно, не может быть принят крайний вариант в рамках данного подхода, заключающийся в предоставлении русским особых прав как представителям титульного этноса. Осуществление подобного проекта ведет к созданию не национального, а националистического по сути государства. Однако не менее радикальные проекты строительства русского национального государства (создание Русской республики в России) в настоящее время таят в себе больше минусов, чем плюсов. Политическая актуализация идеи русской национальной государственности сегодня не способна привести к неоправданным потерям того, что было накоплено веками имперского строительства; она усилит прежде всего те этносы, что доминируют на периферии; она поставит в неопределенное положение русских, проживающих в национальных субъектах Российской Федерации. Идея русской национальной государственности перспективна для ее тщательного продумывания, а не политической

актуализации. Еще раз стоит подчеркнуть, что русское национальное возрождение в современных условиях возможно только в контексте общероссийского возрождения, в лоне национальных российских институтов.

Органичное соединение русско-национального и российско-национального. Теоретическо-философской основой этого выбора является оценка нации как сообщества, способного соединять свои интересы с интересами составляющих его членов и интересами тех социальных образований, частью которых данное сообщество выступает. Коснемся лишь одной области, где необходим поиск форм соединения русских и российских интересов - государственного устройства. Если с определенной долей условности принять, что национальные мотивы кристаллизуются в федеративной оболочке, а национальные - в унитарной, то следует признать, что более всего российскому социально-культурному типу (мощное русское начало, вокруг которого объединяются иные российские народы) соответствует унитаризм с наличием разнообразных автономий, в том числе законодательно-территориальных. Унитаризм с наличием автономий соединяет в себе плюсы унитаризма и федерализма, одновременно избегая присущих последним минусов.

К выводу об оптимальности для России такой синтетической государственной формы и приводят размышления над судьбой двух евразийских империй, несущих в себе черты предельного унитаризма (Российская Империя) и федерализма (Союз ССР). Крушение моделей последовательного унитаризма и последовательного федерализма, друг другу противоположных, при принципиальной сохранности социально-культурного типа страны с элементом русского доминирования означает необходимость синтеза уже опробованных форм. Поскольку современная Россия решила повторить федеративный проект еще раз, стоило бы

на путях федеративного строительства сделать выбор в пользу той модели федерализма, которая ближе всего к модели унитаризма с наличием множества автономий.

Думается, что таковой является жестко конституционная федерация (пусть с элементами договорных отношений), отрицающая политико-государственный суверенитет любых своих субъектов.

Подобный взгляд заявлялся, например, К.С.Аксаковым, правда, он отмеченное качество обозначал термином «народность», а не «нация». См.: Аксаков К.С. О некоторых современных собственно литературных вопросах //Вопр. философии. 1990. № 2. С.171.

Ю.Г.Ершов
Екатеринбург

ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Модернизация общества в самом общем виде - это глубинный и всесторонний по своему содержанию и последствиям процесс качественного обновления всех сфер жизнедеятельности людей - от производственных технологий до быта и досуга. Критериями модернизации служат мировые стандарты экономической эффективности, достаточной обороноспособности, стабильности общественного порядка, экологического благополучия и устойчивых предпосылок дальнейшего развития. Все это, вместе взятое, обеспечивает сохранение так называемого «макросоциального лица» общества, т.е. экономической, политической и военной независимости в сложившейся

системе международного разделения труда, межгосударственных союзов и объединений. Такой подход к модернизации выдвигает на передний план объективно-историческую необходимость реформирования общества, переживающего падение производительности труда, неконкурентоспособность отечественных товаров и услуг, снижение уровня жизни (и абсолютное, и относительное), острые социальные противоречия. Российская модернизация сегодня - это смена системы глобального государственного воздействия на все сферы общественной жизни, переход к новому типу государственного управления, при котором публично-политическая власть имеет правовую форму организации и деятельности, т.е. исходит из признания индивидов субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина. При этом правовое государство в единстве всех своих аспектов - гуманитарном, нормативном и институционном - становится не только целью, но и действительным фактором процесса модернизации. Вместе с тем любое кардинальное изменение форм собственности, общественно-политического строя, образа жизни и ментальности людей в истории человечества порождает массу сложных и мучительных проблем. Одной из них, в частности, является проблема взаимосвязи характера деятельности государства и содержания политических целей правящей элиты общества, т.е. тот реальный политико-правовой режим, что находит свое отражение в организации и функционировании государственной службы. Подчеркнем, любой разговор о модернизации, ее сроках и результативности всегда предполагает выделение субъекта модернизации, социально-групповую персонификацию политико-правового режима - социальный слой, выполняющий роль правящей (политической, властной) элиты.

Одним из теоретических принципов решения проблемы взаимосвязи судьбы общественных реформ и «качества» модернизаторов выступает методологическая дихотомия «элита-массы». В чем заключаются «азы» теории элиты, опираясь на которые возможно ставить вопрос о наличии подобного социального образования в современной России и обсуждать степень проявления стандартных признаков принадлежности к элите в поведении и деятельности людей, обладающих государственной и политической властью? Начинать, видимо, необходимо с традиции, восходящей к Платону и признающей в качестве элиты ту группу людей, чье поведение и ценности признаются в качестве образцовых и неотделимых от их права претендовать на государственную и политическую власть. Эти качества неотделимы от успешного выполнения функций политического лидерства, так как служат мощным источником мобилизации массы (народы, населения) на выполнение властных решений, их моральной готовности подчиняться. Казалось бы, с этих позиций сразу можно отрицательно отнестись к интеллектуальным и нравственным определениям тех деятелей, которые в нашем обществе идентифицируются (субъективно или по формальным признакам, или по экспертной оценке) с элитой. Популистская демагогия и обман, цинизм и безответственность, косноязычие и откровенная глупость, нарушение элементарных прав человека и связь с уголовным миром - все это провоцирует суждение о псевдо-элите, не отвечающей критериям цивилизованного и демократического общества.

Разумеется, все, что касается поведения людей, может и должно подвергаться аксиологической оценке, в данном случае она могла бы быть еще более художественно-выразительной - стоит ли соревноваться с российской словесностью, со времен Гоголя и Салтыкова-Щедрина сказавшей практически все об отечественной власти? Но,

во-первых, наш политик (депутат, губернатор, министр, президент, наконец) - плоть от плоти породившей его массы, с ее социокультурной инфантильностью и авторитарным сознанием, другими значимыми чертами маргиналов. Во-вторых, и в силу предыдущего, каков смысл нормативного подхода в конституировании и оценке элиты, если массовое электоральное поведение, сама обыденная ментальность делают выбор в пользу лозунгов и стиля бывших уголовников?

К сожалению, можно констатировать, что сегодня в России рост недоверия к правящей элите и падение авторитета любой власти опережают развитие и демократических институтов управления обществом на всех уровнях, и соответствующее созревание духовно-нравственного потенциала политической элиты. Интересно, поучительно и опять же закономерно, что пока, в рамках постсоветского развития, формирование властной элиты в подавляющем случае происходит в рамках демократических процедур. Воссоединение прежней номенклатуры происходит через выбор все той же маргинальной, люмпенизированной и авторитарной массы, ориентированной не на политические партии, не на идеи - но на реальных носителей власти. Пусть это и делегативная, но все же - демократия, и на другую ее форму трудно претендовать в контексте нынешнего состояния российского социума. Другими словами, прагматически целесообразнее исходить из мыслительной традиции, связанной с именем Парето и подразумевающей под элитой ту группу людей, что занимает ключевое положение в экономических, политических и социальных структурах, сплочена между собой осознанием общих интересов и выработкой согласованных решений на этой основе. В нашу задачу не входит обзор и систематизация теоретико-методологических исследований элиты, поэтому в дальнейшем мы будем исходить из признания следующих

функциональных групп правящей элиты: правительство, парламент, партийная элита, высшее руководство, региональная элита, бизнес-элита. Именно их деятельность, их цели и средства имеют решающее значение для понимания характера ныне существующего в России политико-правового режима и перспектив развития новой государственности.

Поскольку для всей российской истории, включая ее советский период, характерно доминирование связки «власть-собственность», то основным инструментом модернизации общества всегда выступало государство с присущими ему институтами публичной власти, ее носителями - чиновниками, государственными служащими, высший слой которых входит в состав правящей элиты - как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Мощным заслоном на пути действительного реформирования отечества по критериям цивилизованности встала приватизация власти различными корпоративными структурами, превращающими пространство публичного действия в площадку борьбы насильственными средствами за частные интересы. Вакуум, образующийся из-за «отказа» осуществлять государственно-необходимые функции, стихийно и закономерно заполняется «эрзацами» публичной власти, берущими на себя охранные, арбитражные, судебные, репрессивные и даже военные функции, тем самым сводятся до минимума и без того хилые начала правосознания, уважение к нормативному порядку, государственности и ее атрибутам. Обильно удобряется почва правового нигилизма, превращающая в норму повседневной жизни корыстный криминал, продажность и насилие власти.

Кризис государства в целом и государственной службы в частности в российском обществе ярко проявляется в широком распространении коррупции чиновников. Понимая коррупцию в самом широком плане как

продажность власти, можно утверждать, что наряду с государственным терроризмом она является самым опасным видом преступного поведения из-за таких ее черт, как высокая интеллектуальность, доходящая до изощренности, огромный размер материального и морального ущерба, затрудненная раскрываемость, круговая порука или снисходительность власти к этому преступлению. В условиях демократизации общества и перехода к рынку коррупция не сводится в примитивному взяточничеству, но, при дележе власти и собственности, выражается в формах лоббизма, фаворитизма, перехода государственных чиновников на ответственные посты в частные фирмы и корпорации, использования бюджетных средств в коммерческих целях, незаконной или очень дешевой приватизации. Подобная безнаказанность преступных действий представителей государственной власти заставляет если и не буквально трактовать библейское изречение об обреченном на гибель государстве, «разделенном в себе», то, во всяком случае, делать вывод о трудных перспективах модернизации в России.

В проекте резолюции У111 Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990), отмечающей, что коррупция чиновничества приобрела всеобщий характер во всем мире, государствам - участникам были рекомендованы определенные меры по борьбе с коррупцией, в том числе: а) рассмотрение адекватности национального законодательства - от процессуальных норм, охватывающих все виды коррупции, до соответствующих и надлежащих санкций; б) разработка административных механизмов по предупреждению коррупции и злоупотребления властью; в) разработка правовых положений для конфискации средств и имущества, приобретенных в результате коррупции, применение экономических санкций к предприятиям,

замешанным в коррупции. В этом контексте с сожалением приходится констатировать, что сегодня в России нет ни надлежащих норм в законе о государственной службе, ни закона о борьбе с коррупцией, ни закона о легализации неправомерно нажитых средств, ни независимых структур для борьбы с коррупцией. Все вместе взятое свидетельствует об отсутствии политической воли у правящей элиты для организации этой борьбы на уровне мировых стандартов.

Более того, содержание статей 11 и 12 Федерального закона «Об основах государственной службы РФ» (1995) оставляет вне его юрисдикции государственные должностные лица категории «А» (руководители законодательной и исполнительной власти, депутаты, министры, судьи и многие другие чиновники высокого уровня федерации и регионов, словом, правящая элита), а предусматриваемый контроль за их имущественным положением касается только их самих, но не распространяется на близких родственников. Не менее показательна история прохождения Закона «О борьбе с коррупцией», принятого Государственной Думой 12 декабря 1994 г., но отвергнутого сначала Советом Федерации, а потом, после доработки, возвращенного без подписи Президентом. Камень преткновения все тот же - необходимость публичного декларирования доходов государственными должностными лицами и членами их семей. Любопытно, что подобная позиция аргументируется якобы имеющимся нарушением в законе конституционных норм, в частности, статьи 23 Конституции РФ и статьи 12 Закона «Об основах государственной службы РФ».

Чисто юридически правы, конечно, правоведы, говорящие о имеющимся в данном случае превратном толковании правовых норм. Отвлекаясь от формально-юридической стороны, имея в виду многочисленные скандальные факты беззастенчивого произвола и

казнокрадства власть имущих, остающиеся безнаказанными, следует говорить о феномене так называемого **мнимого конституционализма**. В контексте мнимого конституционализма может быть объяснена разбалансированность всех общеобязательных нормативных компонентов юридической организации власти и государственных институтов: права концентрируются на одних уровнях и часто вне официальных структур, обязанности - на других, а публично-правовая ответственность остается неопределенной. Фактическая деюридизация общественных отношений придает смысл (применительно к современной России) нормативистскому определению права как воли господствующего класса, обеспеченной государственным принуждением.

Государственная политика вырабатывается анонимно и ситуационно, применение государственных структур не по назначению или за рамками их компетенции приводит к преобразованию самой конституционной структуры государственной власти и управления в фактически противоположное состояние. Показательно, что ключевые аспекты жизнедеятельности демократического государства с многопартийной политической системой - взаимоотношения парламентского большинства и оппозиции, влияние партий на формирование правительственного курса при президентской республике, отсутствие юридического статуса парламентских фракций и многое другое - не нашли адекватного воплощения в законодательстве. «Феномен политически и юридически недостроенных партий тем и опасен, - указывает Ю.А.Веденеев, - что, имитируя участие в избирательном, парламентском и законотворческом процессах, он фактически предоставляет узким социальным группам (корпорациям и лоббирующим их интересы лицам) и государственной администрации возможность совместно

пользоваться государственными и экономическими институтами, властью и собственностью вне какого бы то ни было политического и юридического контроля со стороны гражданского общества или того, что от него остается»(1).

Если исходить из обусловленности политологического дискурса дискурсом власти, которая, подчеркнем, охотно иницирует тему элитизма, то не менее показательна маргинальность, даже замалчивание сюжета клиентарных структур (клиентеллы), то есть межличностных связей, пронизывающих социальную иерархию, образующих устойчивые, воспроизводящие и развивающиеся кланы. Автор, указывающий на это обстоятельство, тем не менее в анализе главных тенденций и основных историко-цивилизационных вариантов клиентеллы пока ограничивается периодом ранних цивилизаций Запада и Востока (2). Патрон-клиентные связи, создаваемые бюрократическими кланами на пути к политической и иным видам власти, приводят к сомнительным и закрытым способам рекрутации во власть, к зависимости служебной карьеры не от веберовских формально-рациональных правил, но от оценок начальством личной преданности. Выступая исторически важным фактором возникновения социального неравенства, патрон-клиентные отношения сопровождают всю историю классовых обществ, парадоксально и формируя институциональную структуру общества, и противореча ей. Применительно к современности, и прежде всего к нынешнему этапу развития российского общества проблема состоит в одном: подчинены ли клановые, семейно-родственные структуры правовому институциональному порядку или, наоборот, сами выступают решающим элементом этого порядка.

Движение в сторону капиталистической модернизации под лозунгами демократии, правового государства, прав и свобод человека выступает таковым лишь в языке

политической риторики и идеологических этикеток, обманывающих сегодня лишь «торговцев идеями», прекраснодушно примеряющих теоретические конструкции либерализма к реальности распада социальных связей и дезинтеграции государства. Иной конспиролог мог бы с достаточными основаниями утверждать, что суть и «перестройки», и последующих пост-советских реформ заключается в создании дымовой завесы, за которой традиционная, бюрократически-ведомственная элита, пользуясь сумятицей, перекладывает власть из левой руки в правую, а собственность - в обратном направлении. Ясно одно, вместо того, чтобы восстанавливать государство, придавать социокультурной системе импульсы эффективного и поступательного движения, бюрократия наживается на развале соционормативного порядка, игнорируя объективные требования формирования экономической, политической, правовой и т.д. рациональности буржуазного типа. Причем речь идет не только о первичной -«веберовской» модели этой рациональности, но и современной, пронизанной пафосом социального государства, взаимопроникновения публичного и частного права. Кажется, совершенно прав Б.Кагарлицкий: «Мы десять лет европеизировались. И в результате стали поразительно похожи на Африку. Там тоже стремление стать похожими на Запад сопровождалось повсеместным разрушением собственных традиций и порядков, объявленных ненормальными. А в итоге восторжествовали все-таки собственные традиции. Только самые худшие и к тому же замаскированные европейскими терминами» (3). Надо только уточнить, что до модернизации африканских обществ, пронизанных трайбализмом, были петровские реформы в России. Не случайно один из западных политологов заметил, что основная проблема русских заключается в том, что кожа у них белого цвета.

Исторический опыт свидетельствует (прежде всего на примере отечественной истории): чем более радикальна попытка изменить характер общественного строя, чем в большей мере модернизация общества форсируется «сверху», тем неумолимей восстановление прежних матриц культуры, моделей поведения и стереотипов мышления. Может быть, только с уточнением - восстановление с преобладанием негативных сторон, разрывающих связи социокультурной преемственности, возвращающих общество к архаике культуры и общественных отношений. Сегодня, как и прежде, в дореволюционной России, и даже хуже, как следствие советского социализма, воспроизводится коренной порок системы государственного управления: единство и взаимная предпосылочность, с одной стороны, неэффективной бюрократии, неспособной связать целостным порядком управления страну, с другой - неразвитое или просто отсутствующее общественное местное самоуправление. Отсутствие структурированности, отчетливого разграничения государства и гражданского общества препятствует адекватной реализации интересов и государственно-политических, и общественных, представленных территориальными обществами разного уровня. Зато в этой системе неизменным остается воспроизводство и доминирование интересов корпораций, ведомств, клиентарных структур. По отношению к государственным интересам они выступают как частные интересы, по отношению к социуму - как квазигосударственные; преследуя свои групповые интересы, политическая элита и политическая бюрократия, практически совпадающие по своему составу, приватизируют власть, становясь частными собственниками принятия решений.

Сегментация государственной власти на федеральном уровне и общее ее обессиливание закономерно порождает и еще большее ее расшатывание сегментацией по

«вертикали» разделения властей, вплоть до этнорегионального политического сепаратизма. Конституционные пробелы в регулировании взаимоотношений федерального центра и субъектов федерации, особенно в отношении расплывчатых «предметов совместного ведения», придают острый характер борьбе за приватизацию перспективных промышленных предприятий, как правило, связанных с топливно-энергетическим и минерально-сырьевым комплексами. В рамках этой борьбы, прикрываемой конституционно-правовой фразеологией, производится скрытое, корпоративное, по существу, частное присвоение региональными бюрократическими группировками и связанными с ними экономическими и силовыми «кланами» полномочий государственной власти, бесконтрольная эксплуатация общественного богатства исключительно в групповых интересах. «Как правило, - утверждают А.С.Смолин и К.И.Зубков, - подобные корпоративные альянсы могут утверждать свою гегемонию в обществе лишь неформальным, явочным порядком, поскольку легитимизация ее реальных механизмов невозможна в категориях ни частного, ни публичного (государственного) права.

В качестве платы за лояльность существующему политическому режиму федеральный центр закрывает глаза и не вмешивается во внутривнутриполитические конфликты в регионах, вследствие чего происходит свертывание сферы публичной политики, монополизируется как принятие, так и исполнение решений, подавляется оппозиционная деятельность начиная от дискредитации в СМИ и кончая прямыми репрессиями либо их угрозой. Учитывая практику прямого или косвенного контроля над средствами массовой информации, патронаж над различного рода общественными объединениями, ведущую роль исполнительной власти, не говоря уже о клиентарных

связях с организованной преступностью, можно говорить об оправданности прогнозов трех-, четырехлетней давности о формировании режимов «регионального авторитаризма» (в более сильной версии - тоталитаризма). В пользу этого вывода свидетельствует отмечаемое в политологической аналитике единство выводов о характере региональных внутриэлитных процессов. Так, происходит стабилизация состава элит - из-за ограничения вертикальной мобильности и «выбраковки» наивно-романтических «демократов», формируются устойчивые финансово-политические группировки, ориентированные, как правило, на персоны исполнительной власти, конкурентная борьба все более приобретает «подковерный», закрытый характер, отсекающий массу от политической мобилизации как формы непосредственного участия в демократических процессах. Характерен пример Свердловской области, в которой конфронтация исполнительной и представительной властей снимается доминированием «прогубернаторской» партии («Преображение Урала»), что вряд ли может быть оценено как демократическая тенденция и положительная стабилизация регионального режима.

Другими словами, речь идет о том, что сегодня процесс «конвертации власти в собственность» (Г.Явлинский) неотделим от возрастания политического влияния и экономической мощи организованной преступности, составляющей единое целое с властью как на федеральном, так и на региональном уровне. Экономическую основу организованной преступности и коррупции составляет теневое денежное обращение (по подсчетам специалистов - около 40% всего денежного оборота в государстве). Оно образовалось в результате хищения новых денег (1992-1993 гг.) при помощи фиктивных денежных платежей, использующих плохую защищенность системы межбанковских расчетов; хищением финансов под прикрытием различных договоров и контрактов;

перераспределением денег финансовыми и трастовыми компаниями типа МММ и т.д.

Можно предположить, что в обозримом будущем неравенство в распределении доходов сохранится в качестве итоговой формы социального неравенства. Доходы будут способствовать не массовому росту собственнических групп, но поляризации на одном полюсе имущих, группирующихся вокруг государственной власти, на другом - беднейшей массы и люмпенизированных слоев. Доход, таким образом, действует как классообразующий фактор, открывая доступ для административно-бюрократической и банковской элиты, тесно связанной с первой (нельзя пройти мимо финансово-промышленных групп!), верхушки силовых структур и других, для контроля над средствами производства. В условиях спада производства, развала экономики эта классообразующая функция существенно ограничена - группы с высоким уровнем дохода трансформируются в верхушечные классовые образования, противостоящие конгломерату беднейших слоев. Это означает сохранение консервативного типа общественной эволюции, препятствующей широкой и свободной модернизации социальной структуры с присущей ей вертикальной мобильностью, модернизации экономики и всех сфер общества. Затянутость или даже отсутствие структурной перестройки народного хозяйства с неизбежностью будут вести к углублению неравенства в доходах по мере того, как оплата труда работников наиболее «продвинутых» в технологическом отношении секторах экономики приближается к оплате соответствующих групп в развитых странах. Неравенство же в доходах влечет за собой и неодинаковое воздействие потребностей на участие в системе производства и распределения. «Демонстрационный эффект» потребления, связанный с обвальным проникновением мировых стандартов жизни в

условиях резкого имущественного неравенства, по-разному формирует системы потребностей у тех или иных социальных групп. Прямым следствием этого процесса можно прогнозировать углубление и так уже хронического для России социокультурного раскола, то есть социальной неустойчивости, отсутствия диалога между властью и обществом, между различными социальными группами, внутриличной гармонии.

Принципиальной смены типа политической элиты, соответствующей характеру и масштабу задач модернизации, в России не произошло: более того, положительная динамика обновления, демократизация, роста открытости элит обществу и для общества в период примерно с 1987 по 1993 год скорее сменилась тенденцией ее «окостенения», превращения в замкнутые кланы, формируемые по принципам семейного родства и личной преданности. Традиция номенклатурной «избранности», столь закономерная для прежнего общества «всеобщего равенства», сменилась сегодня активностью обогащения, причем дело не только в привилегированности доступа к обладанию недвижимостью и финансовым капиталом. Замкнутость группировок диктуется элементарными соображениями личной безопасности, поскольку существует реальная угроза в случае победы политических конкурентов оказаться привлеченными к уголовной ответственности по итогам приватизации, распоряжения бюджетными средствами, властными полномочиями и т.п. Можно предположить, основываясь на данных СМИ, социологических исследований и сводок МВД, что во многих случаях ставка если не больше человеческой жизни, то и не меньше. Поэтому политическая борьба не ограничивается закулисными интригами, торгами, спекуляциями, но и переходит на уровень криминальных преследований и расправ.

Что же можно предложить в качестве ориентиров изменения сложившейся ситуации, выхода из своеобразного порочного круга: без модернизации государства и государственной службы реформы не состоятся - без модернизации экономики, политической и духовной жизни невозможно изменить государство?

Современная трактовка теорией права института государственной служб заключается в понимании его как системы правовых норм, регулирующих процесс организации государственной службы различных уровней, определяющих статус государственных служащих, создающих механизм прохождения государственной службы. Выделенные три сферы государственно-служебных отношений создают целостную и относительно завершенную систему регуляции внутренней жизни самого государства. Но правовой институт государственной службы - не только безличные нормы, действующие как некий автоматизированный субъект, это прежде всего люди, находящиеся на государственной службе, связанные особым образом с государством, и, как правило, олицетворяющие его в глазах населения. Поскольку и политическая власть, и государственная - как ее разновидность, несут в себе угрозу самовозрастающего неконтролируемого насилия, являются источником злоупотреблений со стороны обладателей власти, то правовые нормы, регулирующие государственную службу, должны, прямо или косвенно, препятствовать этатизации и бюрократизации общества. История российских хронически незавершенных модернизаций убедительно свидетельствует - на пути реформирования общества раз за разом мощной плотиной вставало чиновничество, давшее «укорот» всем кардинальным начинаниям. Если мы не хотим повторения прошлого, то сегодня изменения в государственной службе по необходимости должны принимать революционный характер, соответствуя тем общим задачам прорыва России

в число стран, определяющих динамику мирового общественного развития, создающих силовые линии геополитического взаимодействия.

Во-первых, поскольку государственная должность связана с выполнением обязанностей в интересах государства, она предполагает особое доверие к ней и к человеку, исполняющему эту должность. Отсюда вытекает задача достижения максимального доверия к власти со стороны общества и соответственно превращение в профессиональные качества государственного служащего такой нравственной черты, как преданность своей стране, представленной демократическими институтами власти. Для этого должен быть преодолен основной порок ныне существующей системы государственной службы - чиновники находятся в отношениях не с государством, а с конкретным органом власти, его руководителем. Ситуация, при которой интересы ведомства, начальника и самого чиновника доминируют над интересами граждан и государства, неизбежно приводит к восстановлению прежней командно-административной системы в новых условиях, созданию паразитического бюрократического капитализма.

Следовательно, вера населения в беспристрастность государственного служащего должна подкрепляться исключением политических мотивов в профессиональной действительности, ее выносом за пределы рабочего времени, а еще лучше - в сведении только к участию в избирательных процедурах. Один из путей решения этой задачи - преодоление противоречий между федеральными и региональными уровнями организации государственной службы, когда первый оказывается физически зависимым от второго, а сам чиновник все более привязывается к частным интересам местной правящей элиты.

Важным пунктом кодекса чести государственного служащего должен стать его категорический отказ от

использования своего профессионального положения для извлечения личных выгод или личных и финансовых выгод для своей семьи (аналогично должен решаться вопрос о принятии подарков).

Небезынтересен в этой связи опыт реформирования государственной службы США в 1978 г., в результате которого было создано Управление по государственной этике, призванное способствовать разрешению конфликтов в сферах исполнительной власти. Среди его задач особый интерес представляют такие, как выявление и изучение правил и инструкций, вызывающих конфликты интересов и финансовые злоупотребления, соответственно рекомендации по их устранению; экспертиза законов на этот же предмет; отслеживание финансовых нарушений среди чиновников и их предупреждение; обучение государственных служащих этическим стандартам и нормам, существующим в органах исполнительной власти.

Нормой деятельности чиновника должна стать обязанность компетентно и эффективно выполнять свои функции, быть внимательным, справедливым и беспристрастным при выполнении своего долга, любая же правовая ошибка, т.е. нарушение закона, ущемление законных интересов гражданина должна иметь четко зафиксированные юридические последствия - в виде уголовной, административной санкции или возмещения ущерба. В более отдаленной для нас перспективе вопрос должен ставиться не только об ответственности чиновника за конкретную правовую ошибку, но и об ответственности за то, что он должен был делать в рамках своей служебной компетенции на перспективу, но не сделал.

Должны произойти существенные изменения в имидже власти, который сегодня формируется структурами по связи с общественностью и средствами массовой информации, как правило, стихийно, неумно и лицемерно. Власть должна стать действительно открытой для общества - и по

деятельности ее органов и по публичному поведению госслужащих. Движение в этом направлении могло бы способствовать повышению роли публичных экспертных оценок в принятии управленческих решений со стороны социологов, экономистов и т.п.

Важным шагом в деbüroкратизации власти должно стать последовательное лишение чиновника прав бесконтрольного участия в дележе собственности и распределении ресурсов.

Должна быть проявлена политическая воля для реализации всех этих ориентиров, часть из которых уже имеет законодательное воплощение, но тем не менее не стала нормой поведения государственных служащих самого различного уровня. Ведь если правильность принятых управленческих решений зависит от легитимности власти и управления, то это значит, что должен быть восстановлен режим законности в обществе, при котором деятельность всех субъектов права, государственных органов и должностных лиц подчиняется одному требованию - соответствии действующему законодательству.

Литература

1. Веденеев Ю.А. Политические партии в избирательном процессе: правовые иллюзии и юридическая реальность //Государство и право. 1995. №7. С.26.
2. Афанасьев М.Н. Клиентизм: историко-социологический очерк //Полис. 1996. № 6.
3. Кагарлицкий Б. Тупики и развилки //Свободная мысль. 1996. № 1. С.10.
4. Смолин А.С., Зубков К.И. Местное самоуправление и региональная политика природопользования. Екатеринбург, 1996. С.11.

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ОНТОЛОГИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО

Проблема человеческой универсальности является квинтэссенцией гуманистического идеала классических эпох. Кризисное состояние философского и художественного сознания последнего столетия, казалось бы, дистанцирует нас от живого переживания этой проблемы, оставляет ее если не в возвышенных идеалах человека Ренессанса, то, по крайней мере, в исканиях романтического героя на рубеже веков, и искания эти совершаются (и заканчиваются) в тот момент исторического времени и в том историко-культурном пространстве, которые уже неизбежно приводят романтического героя к смерти как последней возможности спасения своего величия. Смерть романтического героя и закат романтизма в самосознании культуры однозначно воспринимаются как смерть идеала целостного, свободного, универсального человека. Однако одновременно можно констатировать, что самосознание культуры не может выйти из своеобразного силового поля проблем универсальности. Именно в этом поле скрыты своеобразие и характер постановки «новых проблем», именно им направляется поиск их возможных решений. Тенденция развития философии в XX столетии обнаруживает смысловую направленность вопроса о полноте бытия человека. Стремление к синкретизму становится ключевой характеристикой познавательной ситуации, определяя формы и методы познания. Ведущие мыслители XX века, преодолевая хаотичность бытия

культуры в ситуации пост-модерна, нашли или восстановили основания целостности бытия человека. Достаточно сказать, что М.Хайдеггер определяет философию как способность мыслить о мире в целом, а значит, и быть в мире как целом. Своеобразие подлинного мышления о бытии и преодоление ограниченности сущего сопряжено здесь с понятием целостности. Экзистенциальное понимание истории позволяет К. Ясперсу выйти за границы «человеческого, слишком человеческого» понимания экзистенции, определить саму тайну человеческого как бытие в истории и сделать человека средоточием всех временных и исторических измерений.

Предложим далее ряд заключений, основанных на философском анализе ряда философских и общекультурных феноменов XIX-XX вв.

Современная личность находится в условиях невозможности «всеобъемлющего усвоения всего содержания культуры» (В.Виндельбанд).

Самоопределение человека в этих условиях будет состоять в том, чтобы на своем собственном и личном месте служить высшим ценностям человеческой жизни. В полном согласии с неокантианскими воззрениями, вечности человек достигает в усвоении вневременной цели, в сосредоточенности на том, что должно быть.

В решении проблемы универсальности человека, на наш взгляд, следует избегать двух ограничений. Во-первых, универсальность человека не может быть сведена к «удвоению» многообразия мира в сознании. Во-вторых, понимание универсальности, неизбежно ориентируя нас на историчность бытия человека, не может сводить эту историчность к эмпирически понятому событийному ряду истории.

Философский анализ феномена сознания является важнейшим шагом в понимании универсальности, если

само сознание понимается «в онтологических категориях явления бытия...»(С. Рубинштейн). Наличие сознания изменяет саму ситуацию бытия. В понимании же некоторых мыслителей (от Парменида до М. Хайдеггера) мышление и есть само бытие. Только благодаря мышлению мы можем встать на путь преодоления ограниченности сущего, и только мышление свидетельствует о том, что мы эту ограниченность преодолели. Сравним с поэтическим вариантом в философской лирике Р.М.Рильке:

Петь - значит просто б ы т ь . Легко и вольно

Лишь ты поешь. Но ты на то и бог

А мы? Как нам запеть? Когда мы с у т ь ?

Деятельность сознания нерасторжимо связана с открытием (проблематизацией) и осуществлением перспективных форм существования мира. Целевой план сознания открывает возможности выхода за пределы наличной ситуации. Но само творчество есть уже свершение, воплощение, со-бытие. Творчество - необходимый компонент, составляющий поле человеческой универсальности и формирующий саму ее основу. Стать причастным перспективе, бытию возможного можно только в *самом опыте творчества*. Этим объясняется значение каждого предмета, несущего в себе опыт творчества, возможность его развертывания в форме живого бытия.

Человеческая универсальность по сути своей есть именно **отношение**, отношение претворения (со-творения) мира человеком, осуществления истории. Отношение к миру составляет реальную онтологическую основу формирования человеческой сущности. И это же отношение, по сути своей неисчерпаемое, ставящее человека **в его сущности** «лицом к бесконечности», определяет перспективу человеческого развития. **Человеческая универсальность - это единое с миром самобытие человека, раскрывающее перспективу**

возможного. Основа обращается в перспективу, сущность становится опытом совершенствования.

В универсальном отношении бытие человека определяется через отношение к бесконечности сущего. Человеческая универсальность не сводима к «удвоению» природного многообразия. Мирочеловеческая целостность формируется как отношение становления мира и человека, как новые типы реальности.

Человек обретает мир и самого себя в едином процессе становления. Он сопричастен миру и формирует себя самого, поскольку осуществляется процесс **претворения**.

Сущностные силы человека формируются в активном бытийном контакте человека и мира и потому несут в себе возможности претворения. Глубинная внутренняя определенность каждой из сторон этого отношения - способности человека и тенденции бытия - есть одновременно и самый глубокий уровень единства человека с миром, и возможность перспективного становления мира и человека.

Претворение - новый тип существования. Целесообразной активностью преодолевается наличность существования, раскрывается тенденция бытия и созидательно утверждаются способности человека, максимальные возможности бытия предмета раскрываются в максимальном проявлении человека и активности.

Бесконечность «открыта» человеку, поскольку через отношение к миру он формирует самого себя и созидательно открывает принципиально новые возможности бытия мира. Феномен универсальности по своей сути есть именно отношение и раскрывается как процесс перспективного взаимоопределения сторон.

Созидательно творческая деятельность человека изменяет законы и тенденции развития реальности. В действительности открывается и созидательно утверждается перспектива возможного. Мирочеловеческая реальность

существует в открытой перспективе становления. Вне поля будущего развития бытие человека всегда ограничено. Осуществление перспективы возможного раскрывает самое глубокое и всестороннее единство всех составляющих мирочеловеческой реальности: объективных тенденций и способностей человека, сознания и бытия, результата и деятельности, прошлого и будущего.

В целостном бытии мира искусства раскрывается не только специфическая форма универсальности, но обнаруживают себя пути формирования и способы существования мирочеловеческой целостности как отношения открытого становления. Поскольку история и культура превращаются в совокупность «заданных условий», они ограничивают возможности творчества, существуя в открытом становлении - раскрывают возможность сотворения. Осуществлением процесса творчества раскрываются перспективные, незаданные формы существования. В искусстве любое явление поставлено в смысловую перспективу полноты бытия. В этой перспективе раскрывается уникальность явления и его сокровенная связь во всем.

Единство мирочеловеческого реализуется и в процессе художественного открытия мира и в процессе воплощения, в едином процессе сотворения. Смысл раскрывается процессом созидания. Перспектива возможного **претворена** художником. Смысл обретает безусловную данность бытия.

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

XX век справедливо называют веком образования. К началу второго тысячелетия уровень образованности значительно повысился во всех странах мира, как в развитых, так и в развивающихся. Об этом свидетельствуют такие факты: в Великобритании в 1944 году и во Франции в 1967 году введено обязательное 10-летнее образование. В Японии всеобщее 9-летнее образование установлено в 1947 году, при этом надо иметь в виду, что 95% японских детей, окончивших 9-летнюю школу, поступают в полную среднюю (12лет) школу.

В одном из диссертационных советов Уральского государственного университета им. А.М.Горького в апреле 1997 г. состоялась защита докторской диссертации Н.П.Дронишинца на тему: «Государственная политика Японии в сфере образования», и один из выводов исследования был: «Япония - это общество, мобилизованное на учебу».

В нашей стране (в СССР) в 1962 году было введено всеобщее 8-летнее образование.

В государствах Африки, Азии и Латинской Америки за период с 1960 по 1987 г. доля населения в возрасте от 6 до 23 лет, охваченного образованием, поднялась в два с лишним раза и составила от 40 до 60%. За этот же период доля лиц, обучающихся в вузах, выросла с 15,1 до 34,9% в развитых странах и с 7,5 до 15,1% в развивающихся странах.

До распада СССР наша страна занимала передовые позиции в мире в сфере образования. В бывшем СССР действовало 147 тысяч дошкольных учреждений, 131

тысяча дневных общеобразовательных школ, около 8 тысяч ПТУ, 4,5 тысячи средних специальных учебных образований. В 898 вузах страны обучалось более 5 млн. студентов, ежегодно наши вузы направляли в трудовые коллективы более 850 тысяч своих выпускников. В 1987 г. из 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, 921 работник имел высшее или среднее образование. Если в дореволюционной России было всего 11,6 тыс. научно-педагогических работников, то в 1991 г. - 1,5 млн. человек, в том числе 50 тыс. докторов наук и около 0,5 млн. кандидатов наук.

Сегодня, в результате кризиса, охватившего все сферы жизни нашего общества, эти позиции утеряны.

Кризис нашего общества есть одновременно причина и следствие кризиса образования. Следующие цифры дают наглядное представление о сегодняшнем плачевном состоянии образования в России в сравнении с развитыми странами. Сегодня 50% специалистов работают не по профилю, 20% специалистов - на должностях, не требующих высшего образования. При резком перепроизводстве инженерных кадров наблюдается острый дефицит специалистов по экономике, гуманитарным профессиям, микроэлектронике.

Увеличивается отставание потенциала высшей школы России от потенциалов индустриально развитых стран: образовательный уровень населения в нашей стране составляет 9,8 лет против 14,5 в США.

Падение потенциала и отставание высшей школы во многом определяются остаточным механизмом ее развития. Выделяемые ресурсы в 3-4 раза меньше, чем в развитых странах. Стоимость подготовки одного специалиста в России на порядок ниже аналогичных затрат в развитых странах.

Приведенные цифры и факты во многом объясняют наши экономические, технические, экологические,

социальные и культурные беды, с которыми мы сталкиваемся в последние годы (крупные аварии, загрязнение природной среды, дефицит товаров, рост преступности и т.д.). Первопричиной многочисленных проблем является несовершенство и застой системы образования. Принцип приоритетности образования не воспринимается пока ни органами власти и управления, ни обществом в целом. Социологические опросы показывают, что в перечне ключевых проблем реформы проблемы образования занимают лишь 7-е -8-е место.

Ныне, вследствие недальновидной государственной политики, падает престиж образования, смещаются социальные акценты. Значительно сократилось число абитуриентов, молодых ученых в аспирантуре и докторантуре, происходит массовый процесс разрушения научных школ, свертывания научных исследований, дискриминации образования.

Россия постепенно теряет свой уникальный научный потенциал, с каждым годом растет внешняя и «внутренняя» эмиграция ученых. По прогнозам Комиссии по образованию Совета Европы, в ближайшей перспективе скрытые потери России от «внешней» утечки умов могут составить 50-60 млрд.долларов в год. Кроме того, на одного специалиста, покинувшего страну, приходится 10-15 человек, покинувших науку без перемены гражданства, то есть ушедших в коммерческие и государственные структуры, где доходы значительно выше.

Год от года падают реальные объемы финансирования образовательных учреждений. Например, в федеральном бюджете на 1996 год на образование было выделено 15,2 триллиона рублей вместо необходимых 43 триллионов. Секвестрированный федеральный бюджет РФ на 1997 год предусматривает только одну треть необходимых затрат на образование. При этом в бюджет не закладываются расходы

на содержание образовательных учреждений, оплату коммунальных услуг, развитие материальной базы.

Высокопоставленные правительственные чиновники планируют осуществить коммерциализацию образования, приватизацию государственных образовательных учреждений, сокращение в пять-шесть раз числа вузов и, следовательно, плана приема студентов на дневные отделения, увеличение соотношения числа студентов на одного преподавателя.

В этих условиях настоятельной необходимостью является разработка национальной концепции образования, утверждение в виде закона федеральной программы развития образования.

В преодолении общего кризиса образования важнейшее значение имеет отказ от технократизма, последовательная гуманизация и гуманитаризация образования. Между тем доля гуманитарного образования на естественных факультетах вузов у нас составляет лишь 15-17 %, в то время как в развитых странах 25-30%.

Понижение гуманизации образования приводит к бездуховности, низкой культуре специалиста, что напрямую связано с отчуждением человека от результатов его труда, с безнравственностью принудительного труда. Преодоление отчуждения, подъем духовности культуры требуют пересмотра концепции образования в сторону усиления его гуманизации и гуманитаризации.

Гуманизация и гуманитаризация высшего образования предполагает усиление общекультурной, гуманитарной подготовки, повышение в этом роли гуманитарных и социальных наук, конструктивное использование опыта зарубежной высшей школы.

В связи с этим большой интерес представляет проводимая в Германии работа, направленная на оптимальное соотношение профессиональной и гуманитарной подготовки специалиста. Значительное

влияние на развитие современной высшей школы Германии оказали идеи В.Гумбольдта, изложенные в работе «О внутренней и внешней организации высшего научного образования в Берлине». В.Гумбольдт рассматривал высшее образование в двух измерениях: с одной стороны, с точки зрения всестороннего развития личности, с другой - формирования духовной культуры нации. Согласно гуманистическому идеалу, образование призвано способствовать всестороннему развитию личности, познанию самого себя. В 80-е гг. идеи В.Гумбольдта были в центре дискуссии о будущем высшей школы. Одни - сторонники узкой профессионализации, считали концепцию В.Гумбольдта анахронизмом и иллюзией, другие - объявляли ее вечной.

В последние годы в Германии в области высшего образования получила широкое распространение теория «гибкой квалификации», для которой характерны два подхода:

- ориентация подготовки специалистов на сферы деятельности;

- организация подготовки специалистов широкого профиля, в основе которой лежит идея «ключевой квалификации».

Автор концепции «ключевой квалификации» Д.Мертенс главным считает принцип «научиться учиться». Он разработал систему целей подготовки, предполагающей развитие у студентов широкой научной эрудиции, формирование интеллектуальных способностей, концептуального, логического, критического мышления, представления о структуре научных знаний. Специалист, получивший такую квалификацию, приобретает способность легко адаптироваться к изменяющимся требованиям экономики.

Концепция «ключевой квалификации» конкретизирована научно-исследовательским институтом в области

образования им. Макса Планка в разработке «совокупной квалификации инженера», т.е. требований к комплексу знаний и навыков, которыми должен обладать выпускник технического вуза. Сущность совокупной квалификации выражается двумя группами элементов: 1) познавательные и 2) общая эрудиция и качества, обусловленные социальными факторами и природными данными (так называемые эффективные элементы).

Отмечая важность зарубежного опыта, в то же время нельзя забывать о традициях национальной российской высшей школы от Ломоносова до наших дней. Будучи гениальным ученым-энциклопедистом в области естественных наук, М.В.Ломоносов огромное внимание уделял гуманитарному знанию. Он разработал реформу русского языка, был основоположником учения о стилях русского литературного языка, выступал за его чистоту, против засорения его чуждыми иностранными словами, ратовал за сближение литературного языка с разговорной речью, сам писал оды, трагедии, послания, эпиграммы. Созданная им «Российская грамматика» (1757) явилась первой научной грамматикой, стала крупной вехой в истории развития языкознания. Ее основные формы и правила сохранили свое значение до наших дней.

Важный вклад М.В.Ломоносов внес в разработку истории отечества, читал лекции по истории. В своих крупных исторических работах «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года», «Краткий российский летописец с родословием» он аргументировано критиковал норманнскую теорию, отрицавшую самостоятельное развитие русского народа.

Его талант распространялся и на сферу искусства. За заслуги в области искусства М.В.Ломаносов был избран почетным членом Петербургской Академии художеств. Отличаясь высокой художественностью, многие работы и

изделия М.В.Ломоносова стали достоянием Эрмитажа, Русского музея. Особо следует отметить мозаичную картину - знаменитую «Полтавскую баталию». Гуманитарные идеи М.В.Ломоносова воплощались в его учебной деятельности в гимназии и университете, который был открыт в 1755 году при его активном участии. Он составил план и программы обучения в университете, подобрал преподавателей. Благодаря усилиям М.В.Ломоносова лекции в Московском университете читались русскими профессорами и только на русском языке. Самую емкую характеристику гениальной личности и деятельности М.В.Ломоносова дал А.С.Пушкин: «Он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом...»

Гуманистические идеи и традиции М.В.Ломоносова были продолжены и развиты его учениками и последователями, среди которых следует отметить Н.М.Карамзина, В.Я.Буняковского, А.А.Воскресенского, П.Л.Чебышева, С.В.Ковалевскую, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, К.А.Тимирязева, А.А.Шахматова, А.П.Карпинского, И.М.Сеченова, И.И.Мечникова, Н.И.Пирогова, П.Г.Редькина, К.Д.Ушинского и др.

В подтверждение гуманистических традиций российской науки можно привести такой примечательный факт. В 1831 году Академия наук установила Демидовские премии за выдающиеся научные достижения, названные так по имени крупного промышленника П.Н.Демидова, выделившего на премии средства. За 25 лет награды получили 280 исследователей. Из них примерно 1/3 по естественным и 2/3 - по гуманитарным наукам, в том числе по истории было выдано 40 премий, языкознанию и философии - 45, этнографии и географии - 30, по юридическим наукам - 17 премий. Ныне Демидовский фонд возрожден. В этом году лауреатом Демидовской премии стал наш земляк,

выдающийся ученый-математик, академик Академии наук Российской Федерации Николай Николаевич Красовский.

Сегодня важнейшими принципами государственной политики в области образования должны стать гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, - воспитание гражданственности и любви к Родине. Это - один из главных звеньев процесса гуманизации высшего образования, направленной на подготовку специалистов, обладающих не только глубокими профессиональными знаниями, но и высоким уровнем гражданской ответственности и культуры.

Мы стоим на пороге XXI века, образование в грядущем столетии должно стать образованием для всех. Ущемление права на образование или его неудовлетворительное качество приводят к моральной и интеллектуальной деградации личности, что несовместимо с устойчивым поступательным развитием мирового сообщества.

В связи с этим можно выделить три основные направления гуманитарного образования. Во-первых, главенствующее значение этической доминанты, то есть воспитания в духе взаимопонимания, толерантности, свободы выбора, в духе ответственности за окружающую природную среду, то есть экологического воспитания. Воспитание глобальной этики и глобальной ответственности - императив нового гуманизма для единого и целостного мира.

Во-вторых, творческий, новаторский характер гуманитарного образования, отражающий изменчивость мира, его прогресса, образа жизни широчайших масс. Формирование личности на фундаменте научно-обоснованных знаний, способной к теоретическому и критическому мышлению; преодоление узкого

прагматизма, слепого бездумного исполнительства, ведущего к деформации человека.

В-третьих, богатство и многообразие образования, адекватное богатству и многообразию духовных, культурных, этнических условий и проявлений человечества, удовлетворяющее всесторонние потребности социально-профессиональных групп и отдельных индивидов.

Эти направления положены в основу деятельности Межвузовского центра проблем непрерывного гуманитарного образования, созданного по решению Госкомвуза РФ в 1993 году при Уральском государственном университет им А.М.Горького.

Межвузовский центр проблем непрерывного гуманитарного образования полагает императивом всех уровней образования ценность человека как личности, его право на свободное развитие и проявление своих способностей, благо человека как критерий оценки общественных отношений. В связи с этим необходимо развивать личностные свойства, духовно-нравственный потенциал учащихся, их творческие способности с учетом индивидуальности; перенести акценты на самодеятельность учащихся и самообразование как одну из ведущих форм непрерывного образования. Высшие и средние специальные учебные заведения, а также система дополнительного профессионального образования, по нашему мнению, должны быть сориентированы на подготовку высококвалифицированных гуманистически мыслящих специалистов широкого профиля, опираться на принцип фундаментализации образования, усвоения фундаментальных знаний и методы познания в системе специальных, общекультурных и социально-психологических дисциплин. В решении поставленных задач следует соединять в образовательном процессе интересы региона с интересами личности и общества в

целом, обеспечить тесную связь учебных заведений с социокультурной средой и региональным рынком труда, разработать концепцию непрерывного гуманитарного образования на региональном уровне, уделив особое внимание организации непрерывного гуманитарного образования в негуманитарных вузах.

Одновременно надо выделять в образовательных стандартах федеральный и национально-региональный компонент содержания образования, который призван учесть культурно-историческое, национально-этническое, экономико-хозяйственное, территориально-географическое своеобразие того или иного региона России.

Межвузовский центр проблем непрерывного гуманитарного образования при Уральском государственном университете за три года работы накопил положительный опыт по формированию и развитию региональной системы непрерывного гуманитарного образования. В пяти творческих группах центра изучаются проблемы: «Профессиональные образовательные программы для различных уровней гуманитарного образования». «Комплексное использование региональной тематики в учебном процессе», «Дидактические основы непрерывного гуманитарного образования в средней школе», «Гуманитарное образование в техническом вузе», «Личностно-ориентированные технологии гуманитарного образования». Межвузовский центр успешно сотрудничает с Институтом развития регионального образования Свердловской области с гуманитарным факультетом УГТУ-УПИ, с базовыми вузами и кафедрами Уральского региона, с Департаментом образования Администрации Свердловской области, с Управлением народного образования г.Екатеринбурга.

За три года коллектив Межвузовского центра организовал 4 Всероссийских и 6 региональных конференций, опубликовал научные исследования-

монографии, тезисы конференций, учебно-методические пособия и рекомендации - объемом свыше 130 п.л.

В.А.Лоскутов
Екатеринбург

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СУДЬБА

Судьба - **великое единство пути**, и путь этот подобен многоводной реке, а «реки - это дороги, которые и сами движутся, и нас несут туда, куда мы держим путь» (Паскаль). Пути-дороги, как река, себя «движет» и нас несет по крутым перекатам. Куда несет река свои воды и наш убогий челн? К какому из двух берегов- Року или Фортуне - прибьет волна утлое суденышко исторической жизни России? Судьба не есть нечто иное, существующее наряду с Миром и Путем. Она обнаруживает себя в смысловых глубинах исторической жизни человека по мере того, как Мир погружается в «свое-иное» и либо превращается, либо нет в тотальный миропорядок, а Путь, бесконечно повторяя самого себя, уходя за горизонт **своего мира**, становится «дорогой в никуда». В круге судьбы исчезает «роковая» противоположность Мира и Пути, но сохраняется их конкретное тождество в виде иллюзорного **Пути в иной Мир**. В качественном отношении Судьба может быть равна Пути. В этом случае она осуществляется как определенное свойство его «великого единства» и высшая историческая ценность, желаемая жизненная цель, недостижимый, но столь близкий и понятный сердцу идеал, нескончаемое движение по лабиринтам мироустройства от «своего» к «иному», постоянное балансирование между грозным Роком и благосклонной Фортуной.

Судьбу не выбирают, она выбирает нас. Судьба и Выбор противостоят друг другу так же, как движение и покой, гармония и хаос. Там, где есть Выбор, невозможно событие и сотворчество Миров. Поэтому Судьба не является вершиной исторического пути, с которой измученному путешественнику открывается вид на страну благоденственную, край благодатный. Она больше напоминает «устье истории» - место, откуда берет свое начало безбрежная и бездонная река исторической жизни Мира. Путь как Выбор и Путь без Выбора не существуют рядом друг с другом и не следуют друг за другом. Так же как движение и покой, свобода и необходимость, они являются противоположными сторонами единого целого, двумя различными берегами одной исторической реки. Упоминание о свободе в данном случае не случайно. Нам показалось чрезвычайно интересной мысль Н.Бердяева о том, что свобода выбора - это всегда формальная свобода, а реальная свобода возможна лишь после выбора: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленными передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла» (1). Эта очень важная, глубокая и оригинальная мысль напрямую перекликается с нашей идеей о Судьбе как «великом пути», объединяющем в себе Путь без Выбора и Путь как Выбор. Так же как и Н.Бердяев, мы считаем, что их объединение возможно лишь в процессе «погружения» человека идущего («плывущего») в метафизические глубины целостного исторического Мира, туда - где у ног распятого Христа соприкасаются его «свое» и «иное».

История России уникальна. Когда «свой» Мир оказался на грани саморазрушения, а избранный Путь исчерпал себя, Россия, как Судьба, восстала из «иноного» благодаря **пророчествам русского Интеллигента**, пожертвовавшего своим Я для того, чтобы достроить величественный Храм

русской истории до купола-луковицы и креста, соединить Свободу «от» со Свободой «для», Любовь и Истину, Истину и Власть. Безусловно, прав был С.Булгаков, утверждая, что «вопрос об интеллигенции и духовных ее судьбах принадлежит воистину к числу проклятых вопросов русской жизни... То или иное его решение имеет роковое значение для истории России. От того, как самоопределится интеллигенция, зависит во многом, чем станет Россия...»

(2). Важнейшим и неизменным качеством духовно-практического бытия интеллигенции как смыслообразующей и судьбоносной исторической формы, воспроизводящей метафизической Выбор и смысловые константы самобытного Пути России, утверждающей в Миру самоценность необходимой естественности и естественной необходимости бытия человека, раскрывающей меру историоризации его жизненных порывов и устремлений, по мнению подавляющего большинства ученых, независимо от их личностных пристрастий и политических ориентаций, является так называемое «народопоклонство» и «давящее господство народолюбия» (Н.Бердяев), то есть такое «миросозерцание, в котором на первом плане стоит идея о народе в смысле совокупности всех «труждающихся и обремененных» (3). Это не случайно, ибо глубинный метафизический смысл исторического существования интеллигенции заключается в том, чтобы за счет и посредством все - **Мирного** развития Мира человека воссоздать историческую целостность Народа, вернуть ему утраченную в результате государственного «самоотравления» идею Спасения, Веру - «сгущенное желание жизни» (М.Пришвин) - и, может быть, самое главное, всемогущую судьбу.

Высшим смыслом личностного бытия всякого русского интеллигента всегда было служение народу. Все помыслы и искания он посвящал этому богу. Свою собственную мученическую судьбу правопреемник дела Петра Великого

осознавал исключительно как недостающий «краеугольный камень» российского мироздания, положив который с помощью Провидения в основание Храма Божьего, принеся себя в жертву утилитарно-общественным целям народного счастья, равенства и благополучия, он достигал, хотя и не в действительности, а лишь в эсхатологических мечтаниях искомого социального чуда - тотального тождества Свободы «для» и Свободы «от», Любви и Истины, Истины и Власти. «Героический вызов» утилитарным обстоятельствам, постоянное противостояние и «героическая борьба» с несокрушимой и всепожирающей естественно-исторической необходимостью превращали русского интеллигента, хотя бы даже не в действительности, а в его собственных глазах и мечтаниях, из примерного и в меру «просвещенного» подданного Российской Империи в гражданина несуществующего русского гражданского общества - «храмового человечества». Что с того, что «социалистическое оборачивание» происходило не в событийной (феноменологической), а в смысловой (метафизической) истории. В конце концов, ведь именно в ней - смысловой реальности русской истории - он действительно жил, творил, исполнял высший долг, нес из темного прошлого в светлое будущее свою нелегкую ношу - Судьбу России.

Пророкам в России всегда было плохо: их не слышали и не слушали, не воспринимали и не понимали. Россия сыграла злую шутку со своими верными жрецами: прошло всего два века со времен Петра Великого, а уже «целая группа людей с утонченным умом и благородными характерами фанатично борется против его дела, видит в нем гибель для России; и всякий раз, однако, когда им предстоит не говорить и мыслить, но делать, они делают то самое и так именно, что и как делал он» (4). Чем объяснить историческую и духовную аберрацию интеллигенции, ее странное обеспечение? Почему, положив на алтарь

«народолюбия» не только свои чувства, волю, мысли, но и саму жизнь, русская интеллигенция оказалась в ситуации тройного «отщепенства»: от государства, религии, народа? Связано ли это с ее буржуазным перерождением или она изначально была тем евангелистским бесноватым, исцеление которого возможно только у ног Христа? Что является роковой причиной «распада личности» русского интеллигента? Кто «внутренне сделал интеллигента калекою, внешне - он оторвал интеллигенцию от народа, и, наконец, совокупностью этих двух причин он обрек интеллигенцию на полное бессилие перед гнетущей ее властью»? (5).

В смертельную схватку между собой вступили те силы, которые в начале петербургского периода русской истории были неразличимы, абсолютно тождественны друг другу. В «героическую борьбу» за благо и счастье народа вступили не государство и общество (определенная социальная группа), а две уникальные смыслообразующие и судьбоносные силы российской истории: **Власть** (форма и способ воспроизводства исторического Выбора и Пути России) и **Интеллигенция** (форма воспроизводства России как Судьбы, укоренения Мира человека в метафизических глубинах российского мироздания). Хронологически события развивались так: сначала интеллигенция «целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825-1881), и, наконец, с народом против царя (1905-1917)» (6). Если же мы посмотрим на это явление с точки зрения исторической метафизики, то увидим, что за противостоянием **Власти без Истины и Истины без Власти** скрывается еще более глубокое противоречие - противоположность феноменологической (событийной) и метафизической (смысловой) истории. В самом деле, **Власть без Истины** - это венец и вершина феноменологической истории России, купол-луковица этого храма. **Истина без Веры (интеллигенция)** - начало и суть,

«устье» ее «новой» истории, способ «оборачивания» исторического Мира на самого себя, достраивание храма до креста. Эпохальное противостояние Власти и Интеллигенции закономерно и не могло не случиться, ибо в основе их противоборства лежит борьба **необходимой естественности и естественной необходимости** судьбы России.

Каков же итог непримиримой борьбы двух Титанов? Кто выиграл и кто проиграл «героическую битву» за счастье народное? История учит нас - проиграли все. Особенно не повезло народу, а значит, и человеку. Интеллигенция в результате «хождения в народ» оказалась «расплющена между молотом монархии и наковальней народа» (7). Власть довела борьбу с порожденной ею самой культурой до смертельной схватки Империи и революции, которая закончилась, как известно, крахом русской государственности и построением на обломках абсолютизма и самовластья не виданной доселе Революционной империи большевиков. Исторический Мир России отторгнул от себя «свое-иное» - Мир человека и, пройдя сквозь горнило революционных свершений («огненных столбов»), вновь оказался все в той же «вершинной» точке своей феноменологической истории, которая на деле оказалась огромным Котлованом - местом погребения Истины и Смысла русской истории. Вновь мы отбросили Ветхий завет и попытались между строк вычитать и расшифровать некое не известное нам еще Слово (Интеллигенция!), понять потаенный смысл Грядущего завета.

Русский интеллигент приносил в жертву своему божеству-народу свою личность, свой личностный Мир. Зачастую для доказательства истинности своего подвига он использовал мощнейший духовный потенциал русского национального самосознания. Вот точка зрения одного из духовных наставников русской интеллигенции

В.С.Соловьева: «Всякое исключительное отстаивание своей личности, своей односторонней личной правды - есть грубое самозванство, есть подражание духу чуждому, иноземному. Всякое глумление над правдою только потому, что она не моя правда, есть оскорбление правды-вечной, общечеловеческой» (8). С этим достаточно откровенным признанием, наверное, согласился бы каждый, считающий себя действительно русским интеллигентом. Наверное, не каждый бы согласился со словами С.Булгакова, который выразил ту же самую мысль, но более откровенно и обостренно: «Хотя интеллигентское мироотношение представляет собой крайнее самоутверждение личности, ее самообожествление, но в своих теориях интеллигенция нещадно гонит эту самую личность, сводя ее иногда без остатка на влияние среды и стихийных сил истории (согласно общему учению просветительства). Интеллигенция не хочет допустить, что в личности заключена живая творческая энергия, и остается глуха ко всему, что к этой проблеме приближается...»(9). Получается так, что русская интеллигенция, для того чтобы исполнить свой альтруистический долг - осчастливить «труждающихся и обремененных» - должна была полностью отказаться от своей собственной «личной правды», от самой возможности созидания Мира человека, не говоря уже о необходимости «очеловечивания» исторического Мира России.

Интеллигенция не сумела в реальности осуществить провозглашенные ею в академических аудиториях, на страницах легальной и нелегальной прессы, в литературных произведениях и на конспиративных квартирах идеалы братства и равенства. Почему? В самом общем виде мы ответили на этот вопрос: произошло «народническое» перерождение (отказ во имя сохранения целостности Мира от Мира человека) и «сращивание» с Властью (постепенно идея бескорыстного служения народу превратилось в идею захвата власти). Рассмотрим этот вопрос подробнее, для

чего вернемся к известной и широко в свое время обсуждаемой идее «отщепенства» интеллигенции.

«Русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции» (10). Поэтому когда мы сегодня пытаемся осознать причины того, почему «интеллигенция встала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы» (11), за какие грехи русской истории ей пришлось нести ответственность, следует с особой тщательностью разобраться с тем, а почему, собственно, интеллигенция - «создание Петрово» - оказалась отторгнута от истории и в чем конкретно выразилось это отторжение. Если мы согласимся с тем, что русская интеллигенция - это «горение ко кресту» опрокинутой истории России, сохранение и воспроизводство в качественно новых условиях ее исторического Выбора и, наконец самое главное, обретение русской историей своей собственной Судьбы, то тогда должны будем признать, что никогда и никакого отторжения, оторванности интеллигенции от истории не было и не могло быть. Утверждать обратное - значит не признавать континуальность исторического процесса, наличие самобытного и единого исторического Пути России. А «отщепенство», в таком случае, было? Да, было. Но, по нашему мнению, оно было качественно новой формой синтеза исторического Мира и Пути России, а не способом «разложения» единого событийного и смыслового пространственно-временного континуума ее истории на такие составляющие, как народ, интеллигенция, государство и т.п. «Отщепенство» интеллигенции демонстрировало становление принципиально нового качества развития российского мироздания до купола-луковицы и водружения на ней креста, у основания

которого в едином акте горения «соприкасаются» Свобода, Любовь и Божья власть.

История свидетельствует о том, что неприкрытая враждебность к существующим формам государственного устройства России является истинно-сущностным определением исторической жизни русского интеллигента и историческое значение интеллигенции для русского общества «определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении» (12). Из этого никак, по существу, не оспариваемого факта представители различных философских и политических направлений делают абсолютно противоположные выводы. По мнению одних, «идеальной формой русской интеллигенции является ее **отщепенство**, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» (13). По мнению других, через всю историю русской интеллигенции «красной нитью проходит борьба за истинную государственность и законность против вотчинных начал старого строя... В самом своем происхождении, русская интеллигенция есть создание новой русской государственности» (14). Она всегда была государственная, но «против старого вотчинного режима, против полного почти отсутствия сознания права в народной массе, против нарушений закона бюрократией и злоупотреблений законом привилегированных классов, против «темных стихий» народного интеллекта и против известной части революционных доктрин» (15). Кто же прав в этом продолжающемся уже более полутора столетий споре? Как это уже не раз бывало в нашей непростой истории, найти правых и виноватых практически невозможно.

Русский интеллигент был отчужден не только от государственной власти, но и от религии, «безрелигиозность» обычно рассматривают как одно из важнейших качеств «отщепенства» интеллигенции от исторической жизни России. В свое время авторы «Вех» с

пронзительной откровенностью, обращаясь непосредственно к интеллигенции, заявили о бессмысленности ее интеллектуальных исканий и революционной борьбы, о порочности ее противостояния высшим человеческим ценностям. В чем, с их точки зрения, суть этого противостояния? - «Религиозное умонастроение сводится именно к осознанию космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей, и всякое мировоззрение, для которого идеал имеет лишь относительный человеческий смысл, будет нерелигиозным и антирелигиозным» (16). Провозгласив высшей ценностью человеческой истории «благо народа», «удовлетворение нужд большинства», интеллигенция отказалась ради «относительного человеческого смысла» от «сверхчеловеческого значения высших ценностей» и в результате превратилась в «отщепенца», заняла откровенно нерелигиозную мировоззренческую позицию. Каковы же следствия сначала духовного, а затем практического противостояния «высших ценностей» и «человеческого смысла»? На этот вопрос авторы «Вех» (С.Булгаков) ответили столь же откровенно и прямо: «Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые» (17), из отрицания объективных ценностей вытекает обожествление субъективных интересов ближнего («народа»), отсюда следует признание, что высшая и единственная задача человека есть служение народу, а отсюда, в свою очередь, следует аскетическая ненависть ко всему, что препятствует или даже только не содействует осуществлению этой задачи. Таким образом, безрелигиозность русской интеллигенции из способа морально-утилитарного преодоления основ религиозной веры превращается в символ утверждения «обоженных субъективных

интересов ближнего» (18), в утилитарное и альтруистическое вероучение о новых символах веры. По-видимому, прав был П.Н.Милюков, когда, признавая факт мировоззренческого противостояния православной религии и русской интеллигенции в принципе, он, в отличие от С.Булгакова, утверждал, что «отщепенство в русской интеллигенции сплошь и рядом было плодом не ослабления, а усиления веры» (19). «Усиления» путем уничтожения православной веры и замены ее верой в «идею всечеловеческого счастья»: «Русский интеллигент оторван от своей исторической почвы и потому выбирал себе тот социальный идеал, который казался всего более обоснованным с рационалистической точки зрения. Таким космополитическим, сверхнациональным и сверхисторическим идеалом является социалистический идеал» (20). Отщепенство русской интеллигенции от религии, так же как и его отчуждение от государства, было своеобразной формой «дотраивания» исторической жизни России до целостности русского исторического Мира, воссоздания гармонии Любви и Истины.

Проведенный анализ, а также исследования природы советского тоталитаризма позволяют сформулировать следующую исследовательскую гипотезу: в двадцатом столетии произошло своеобразие оборачивание «опрокинутой» истории России, превращение множества «огненных столбов» в **революционный пожар**: «Россия нищая, холодная, голодная горит огненным словом. Огонь пальнул из сердца неудержимо. Взойду я на гору, обращуся лицом к востоку - огонь!

Стану на запад - огонь!

Посмотрю на север - горит!

И на юге - горит!

Припаду я к земле - жжет!» (21).

В результате инверсии (не в этом ли суть советского тоталитаризма в отношении российской истории?) возникла

единая «огненная» смыслообразующая основа исторической жизни и пути России - «роковая диалектика» **Любви как несвободы, Истины как нелюбви, Власти как лжи.** В факте их уникального «срачивания» нам видится суть и «тайна» исторического Пути России в XX столетии. В хитросплетениях этих смылосозидающих констант скрыта будущность российского Пути, начала тех дорог, которые Россия, стоя на пороге нового тысячелетия, выбирает.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание // Опыт: Лит.-филос. Ежегодник. М., 1990. С.438.
2. Булгаков С. На пиру богов //Из глубины: Сб.статей о русской революции. Париж, 1987. С.149.
3. Интеллегенция в России: Сб.статей. СПб., 1910. С.13.
4. Розанов В.В. Литературная личность Н.Н.Страхов. С. 323.
5. Гершензон М.О. Творческое самосознание //Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1990. С.83.
6. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции //О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 421.
7. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. С. 434.
8. Соловьев В.С. Русский национальный идеал //Собр.соч.: В 2 т. Т.2. М., 1989. С.288.
9. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество //Вехи. С.51.
10. Бердяев Н.А. Философская истина и религиозная правда //Вехи. С.26.
11. Булгаков С. На пиру богов. С. 87.
12. Струве П.Б. Интеллигенция и революция //Вехи. С.134.
13. Струве П.Б. Интеллигенция и революция //Вехи. С.135.

14. Милюков П.Н. Интеллигенция и исторические традиции // Интеллигенция в России. С.136.
15. Там же.
16. Франк С.А. Этика нигилизма //Вехи. С. 154.
17. Там же. С.152.
18. Там же. С.159.
19. Милюков П.Н. Интеллигенция и исторические традиции. С.136.
20. Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм. //Интеллигенция в России. С.240.
21. Ремизов А.М. Взвихренная Русь. С.342.

ФИЛОСОФСКАЯ ЖИЗНЬ УРАЛА

Альманах

Редакторы издательства - И.Г.Южакова
В.П.Вовчек
Корректор - О.С.Смирнова
Компьютерная верстка - М.А.Соколова
Е.А.Лопатина

ЛР № 020315 от 23.12.1996 г.

Подписано в печать	19.03.99.	Формат 60*84 1/16
Бумага писчая	Печать офсетная	Усл печ. л. 18,6
Уч.-изд.л. 16,0	Тираж 500	Заказ 15 Цена «С»

Издательский отдел
620002, г.Екатеринбург, ул.Мира, 19